

РУССКИЕ А.Н. АФАНАСЬЕВ
ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ
ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН

МУЖИК ПРОГНАЛ БЛУДЛИВОГО
КОТА В ЛЕС. А В ЛЕСУ ЛИСА
ЖИЛА. СГОВОРились ОНИ
КОТ ВЛЕЗ НА ЛИСИЦУ А САМ
КОГТЯМИ ДЕРЕТ ДА ЕЩЕ
ПРИБОВАРИВАЕТ МАЛО-МАЛО

БАРЫНЯ

ЖИЛ Б
ДАЛ ЕМ
ПОШЕЛ
УВИДЕЛ ОН
Бары
гов
пока
свои
по щ
отда
ста
руб

богатый мужик у него был сын
уотец сто руб.

сын в город
и в саду

и ю и
ери т ей -

жи мне

ножки

и колотку

и тебе

ей

Мужик

ВПЕРВЫЕ В СТРАНЕ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
ТЫ ДЕРЖИШЬ В РУКАХ РЕДЧАЙШУЮ
КНИГУ. СУДЬБА ЕЕ ЗАГАДОЧНА,
СОДЕРЖАНИЕ НЕОБЫЧНО. ДАЖЕ МНЕ,
СПЕЦИАЛИСТУ В ОБЛАСТИ ФОЛЬКЛОРА,
НЕ СРАЗУ УДАЛОСЬ ЕЕ ПРОЧИТАТЬ.
ДОЛГИЕ ГОДЫ ОНА НАХОДИЛАСЬ В
СПЕЦХРАНЕ И ВЫДАВАЛАСЬ ТОЛЬКО
ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ РАЗРЕШЕНИЯМ.
"ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ" --
ЕДИНСТВЕННАЯ В ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
НАРОДНАЯ ЭРОТИЧЕСКАЯ КНИГА.
В НЕЙ МОЖНО БЫЛО БЫ ВМЕСТО
"МАТЕРНЫХ" СЛОВ ПОСТАВИТЬ ТОЧКИ.
НО ПРАВИЛЬНО ЛИ ТАКОЕ РЕШЕНИЕ?
МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ НЕ НАДО
ПРИТВОРЯТЬСЯ, ЛИЦЕМЕРИТЬ?!

Ю. КРУГЛОВ,
доктор филологических наук,
профессор.

ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

МЫ НЕ ЗНАЕМ ДРУГОГО ИЗДАНИЯ,
В КОТОРОМ БЫ В СКАЗОЧНОЙ ФОРМЕ
БИЛА ТАКИМ ЖИВЫМ КЛЮЧОМ
НЕПОДДЕЛЬНАЯ НАРОДНАЯ РЕЧЬ,
СВЕРКАЯ ОСТРОУМИЕМ
ПРОСТОЛЮДИНА.
ЭРОТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ
УКАЗЫВАЕТ НА ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ,
КОТОРАЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ДАЕТ
РАЗГУЛА ЮМОРУ, САТИРЕ, ИРОНИИ.
СКАЗКИ НАШИ ПЕРЕДАЮТСЯ В ТОМ
БЕЗЫСКУСНОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОНИ
ВЫШЛИ ИЗ УСТ НАРОДА И ЗАПИСАНЫ
СО СЛОВ РАССКАЗЧИКОВ.
ИЗДАВАЯ ЭТО РЕДКОЕ СОБРАНИЕ
С ЦЕЛЬЮ СПАСТИ ЕГО ОТ ГИБЕЛИ,
МЫ, СМЕЕМ ДУМАТЬ, РАВНО ЧУЖДЫ
КАК ХВАЛЫ, ТАК И ПОРИЦАНИЙ.

АВТОР.

**РУССКІЯ
ЗАВѢТНЫЯ
СКАЗКИ**

ВАЛААМЪ

Годъ мракобѣсія

А. Н. АФАНАСЬЕВ

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

ТОЛЬКО ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ!!!

ТОЛЬКО ДЛЯ
МУЖЧИН!!!

БЕЛОРУССКО-
АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО

"ДАЙДЖЕСТ.."

МИНСК
1992

ББК 82 ЗР-6
Н28

Серия основана в 1992 г.

Составление, предисловие и примечания Ю.Г. Круглова

Художник В. Я. Цеслер

Александр Николаевич Афанасьев

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Русские заветные сказки (А.Афанасьев): Сказки. Только для мужчин. (Составление, предисловие и примечания Ю.Г.Круглова).-- Мн.: Бел.-австрал. агентство "Дайджест", 1992. -- 256 с.

ISBN 5 -- 8284 -- 0004 -- 5

Н28 "Заветные сказки" -- единственная в истории русской культуры народная эротическая книга, которая до настоящего времени не издавалась массовым тиражом. Сказки передаются в том безыскусном виде, в каком они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это первое издание уникального сборника, который сопровождается комментариями А.Н. Афанасьева, а также составителя профессора, доктора филологических наук Ю.Г. Круглова.

ББК 82 ЗР-6

- © "Дайджест", 1992.
- © Составление, предисловие и примечания Ю.Г. Круглова, 1992
- © Оформление В. Шелка, 1992.
- © Иллюстрации В. Цеслера, 1992.

А.Н. АФАНАСЬЕВ И ЕГО СКАЗКИ ЗАВЕТНЫЕ

В 1848 году, когда в Западной Европе происходили бурные революционные события, министр народного просвещения граф С.С. Уваров приехал из Петербурга ревизовать Московский университет. Он собирался выяснить общественные, политические настроения профессуры и, конечно же, студенчества: известно ведь, что это за "порох".

Перед министром должны были выступить лучшие студенты, в их числе -- Александр Афанасьев. В июньской и июльской книжках журнала "Современник" за 1847 год он, будучи третьекурсником, уже опубликовал большую статью "Государственное хозяйство при Петре Великом", в которой сделал обстоятельный обзор мероприятий и замыслов царя в сельском хозяйстве, ремеслах и мануфактуре. Молодой ученый утверждал историческую необходимость государственного начала, проявившегося в деятельности великого реформатора, и, однако же, высказывал надежду на то, что со временем оно исчезнет, уступив место "новому периоду самостоятельности", то есть общественности. В.Г. Белинский читал эту работу в рукописи и одобрил ее.

А вот министру просвещения лекция студента Афанасьева, прочитанная на основе этой работы, не понравилась.

"Лекция эта,-- вспоминал позднее ее автор,-- вызвала несколько замечаний со стороны министра, с которыми, однако, я не догадался сейчас же согласиться."

На юридическом факультете Московского университета юноша А.Н. Афанасьев занимался под руководством крупнейших ученых России С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Н.В. Калачова, слушал их лекции. По-видимому, влиянием этих профессоров можно объяснить возникшее у молодого ученого увлечение стариной, интерес к древнему быту, обрядовой жизни народа, изучение которой позднее вылилось в его знаменитый трехтомный труд "Поэтические воззрения славян на природу".

Первый же изданный Афанасьевым сборник "Народные русские легенды" (М., 1859) имел огромный общественный резонанс.

О ком рассказывают легенды? О народе... О народе забитом и угнетенном, о народе мудром и сильном, о его нравственности, устремлениях, симпатиях. Сам ученый писал: "Никак не могут понять, что в этих народных рассказах в миллион раз больше нравственности, чем в проповедях, преисполненных школьной риторикой". Кому же симпатизируют безымянные авторы легенд? Бедным, обиженным. А кто наказан? Жадные, хитрые, ленивые богатеи и попы (даже боги).

Власти светские и церковные почувствовали взрывную силу сборника: второе издание, уже приготовленное, было запрещено. Митрополит Григорий в журнале "Духовная беседа" учинил разбор этой книги и пришел к выводу: она собрана человеком, забывшим совесть и не ведающим бога! А 19 апреля 1860 года обер-прокурор святейшего синода гр. А.П. Толстой в письме министру народного просвещения негодовал, что "к имени Христа Спасителя и святых в сей книге прибавлены сказки, оскорбляющие благочестивые чувства, нравственность и приличие", и что необходимо "изыскать и средство к охранению религии и нравственно-

сти от печатного кощунства и поругания".

Хотя "Народные русские легенды" представляют собой важную сторону творческой деятельности А.Н. Афанасьева, однако ими не ограничились замыслы ученого. Он был филологом-универсалом, его интересы охватывали те области знания, изучением которых сегодня занимаются лингвисты, литературоведы, фольклористы, этнографы, историки. И все же широкому читателю А.Н. Афанасьев известен благодаря изданным им народным русским сказкам.

Впервые "Народные русские сказки" увидели свет в восьми выпусках (1855-1863 годы). Рецензенты, восторженно принявшие этот труд, отметили прежде всего общественную значимость его появления. "Отечественные записки" писали, например: "При том стремлении к народности, которое обнаружилось у нас в науке и искусстве, просвещенная публика несомненно оценит "Сборник народных сказок".

Записи сказок в большинстве своем не принадлежали А.Н. Афанасьеву. Установлено, что сам он записал немногим больше десяти -- в Воронежской губернии. Но от этого значение его личности в предпринятом издании не уменьшается. Важно, что ученый сумел сосредоточить в своих руках, благодаря своему авторитету, огромное собрание сказок и издать их. Этот сборник был первым по-настоящему научным изданием русского фольклора.

В состав свода сказок А.Н. Афанасьева прежде всего вошли записи из архива Географического общества (их около ста), записи воронежских коллег -- Второва и Александрова-Дольника, а также известного собирателя и литератора П.И. Якушкина. Но самый большой вклад в сборник сделал В.И. Даль, сразу же и бескорыстно откликнувшийся на письмо, в котором А.Н. Афанасьев просил прислать ему свои записи. "Предложение Ваше принимаю с большим удовольствием,-- писал В.И. Даль.-- Почестей не нужно мне ровно никаких, кроме того, что прошу Вас упомянуть толь-

ко в общих словах, что такая-то книга сказок передана Вам; и это для того только, что было о них много речи и что вправе требовать или ждать от меня развязки этому делу". Так в руках А.Н. Афанасьева оказалось свыше тысячи записей сказок известного собирателя, из которых в своем собрании он поместил более двухсот. Кроме того, он перепечатал более пятидесяти сказок из малодоступных печатных сборников 18--19 столетий, опубликовал три, взятые из рукописей, а также ввел в сборник еще 21 сказку, воспользовавшись лубочными картинками. Таким образом составилось самое крупное издание сказок не только в русской, но и в мировой фольклористике. Оно содержит в себе свыше 640 текстов!

Но общественное и научное значение труда А.Н. Афанасьева заключается не только в его масштабах. Дело еще и в принципах самого издания. Сказки, опубликованные А.Н. Афанасьевым, были записаны почти во всех губерниях России, то есть составили общенациональный сказочный свод.

Ученый сделал значительный шаг вперед и в характере публикаций фольклора. Достаточно сравнить в этом плане сборник А.Н. Афанасьева со знаменитым сборником немецких сказок братьев Гримм, явившимся в свое время значительной вехой в истории мировой культуры. Я. и В. Гримм, издавая сказки, подвергали их сильной литературной обработке; Афанасьев же стремился сохранить неприкосновенность сделанных записей сказок. Братья Гримм расположили сказки в своем сборнике без всякой системы; А.Н. Афанасьеву принадлежит заслуга создания первой, и поныне сохранившей свое значение, классификации сказок. Он выделил в особые жанры сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые сказки, анекдоты и легенды. А.Н. Афанасьев впервые опубликовал в своем сборнике сказки в разных вариантах.

Задуманные как научный сборник, "Сказки" А.Н. Афа-

насьева сразу же стали любимейшей книгой русского читателя. Пожалуй, это один из тех редчайших случаев, когда научность издания не послужила препятствием для знакомства с ним читателей самых разных категорий. С огромным удовольствием сказки читали и маститые ученые, и дети. Кстати, для детей А.Н. Афанасьев выпустил в 1871 году специальный сборник под названием "Русские детские сказки" в двух частях, который переиздавался с тех пор множество раз. "Взрослый" сборник переиздавался меньше -- семь раз. Последнее издание вышло в 1984--1985 гг.

Педагогическая ценность собранных А.Н. Афанасьевым сказок неоспорима. В них сконцентрирована веками накапливавшаяся мудрость народа, творившего сказки не только для того, чтобы позабавить людей, но прежде всего -- для того, чтобы поучить их уму-разуму. ("Сказка -- ложь, да в ней намек..."). Недаром писатели, перед которыми стоит по существу та же задача, много раз черпали свои сюжеты в русских сказках, привлечших внимание Афанасьева.

"Народные русские сказки" А.Н. Афанасьева дали толчок изданию целого ряда по-настоящему серьезных, научных публикаций как самой сказки, так и других жанров фольклора. В 1860--1862 годах выходят три выпуска "Великорусских сказок" И.А. Худякова. В 1862--1874 годах издаются в 11 выпусках "Песни, собранные П.В. Киреевским" (былины, исторические песни и баллады), в 1861 году начинают печататься "Песни, собранные П.Н. Рыбниковым"... Как и "Сказки" Афанасьева, все эти издания являются золотым фондом русского фольклора.

Время стирает случайные черты в личности ушедшего из жизни человека, а история определяет его место в памяти народной. Больше ста лет прошло с тех пор, как закончил свой жизненный путь историк, фольклорист и литератор А.Н. Афанасьев, а внимание к его жизненному пути и творчеству не ослабевает. Нет такого человека, кто не знал бы собранных им сказок. Мало, наверное, сыщется людей, ко-

торые не слышали или не хотели бы узнать и о самом соби-
рателе -- выдающемся ученом и литераторе.

Но судьбе было угодно, чтобы свой еще один сборник этот
удивительный человек так и не увидел: книга в свет
уже после его кончины -- в 1872 году.

Дорогой читатель! Ты держишь в руках редчайшую кни-
гу... Судьба ее загадочна, содержание столь необычно, что
даже мне, специалисту в области фольклора, не сразу уда-
лось ее прочитать. Ревнители нравственности -- как доре-
волюционные, так и советские -- боялись: а вдруг общество
станет аморальным после знакомства с нею. Речь идет, ко-
нечно же, о сборнике "Русские заветные сказки", так и ос-
тавшемся практически не известным русскому читателю.
Долгие годы он содержался в спецхране Государственной
библиотеки им. В.И. Ленина и выдавался читателям только
по специальным разрешениям.

"Русские заветные сказки" -- первая и пока единственная
в истории русской культуры народная эротическая книга. В
ней опубликованы подлинные эротические сказки, которые
рассказывались, а некоторые и до сих пор рассказываются в
обществе. К великой радости устная традиция, как бы ее ни
контролировали, не подвластна никакой цензуре. И это са-
мо по себе является убедительным свидетельством необхо-
димости такого рода искусства. Но мне не хотелось, чтобы
заветные сказки А.Н. Афанасьева воспринимались только
как эротические. Это не "голая" эротика. Более того, я бы
сказал, что это вовсе не эротика! И прежде всего потому, что
заветные сказки раскрывают, как правило, не сексуальные
проблемы повседневной жизни человека, а социально-бы-
товые.

Сборник "Русские заветные сказки" не был издан в Рос-
сии (а может, и издан, да только тайно, самиздатом)... Его
сразу же запретили, и основанием для этого определили не-
скромный характер содержания. Однако главной причиной
явилось то, что адресатом сатиры сказок явились барин и

поп. Книга увидела свет, как помечено на титульном листе, в Женеве, а на обложке вместо указания года издания стояло всего лишь два слова: "Год мракобесия"...

В последнее время в обществе наблюдается идеализация старины, русской истории, дворянства, служителей культуры... И это -- хорошо. Но, мне думается, не надо нам всем в пылу полемики бросаться в крайности. Жизнь намного сложнее, шире наших симпатий и антипатий, и искусство подтверждает это. Сатира не может изображать действительность в героическом или романтическом свете, и заветные сказки подтверждают это. А эротика выступает в них как один из художественных приемов, с помощью которого с таким блеском высмеиваются социальные и бытовые пороки. Сказки созданы в полемическом задоре, они спорят, разрушают идеальные представления о своих персонажах. Священник должен быть образцом нравственного человека, а он в сказках развратничает и пьет. Барин -- образованный, умный человек, в сказках же -- нет его глупее, бездарнее, беспомощнее. Но можно ли оценку заветными сказками дворянского и духовного сословий воспринимать как единственно верную? Конечно же, нет... И в других разновидностях сказок (в волшебных, например) дворянин, священник, купец нарисованы уже иными красками, не черными.

В предисловии к сборнику А.Н. Афанасьев, предвидя возможные оскорбления в свой адрес, постарался нейтрализовать их. Особенно он боялся тех, кто может обвинить его в неуважении к русскому народу. Переиздавая эту книгу, я мог бы полностью повторить аргументы великого собирателя и ученого, но в этом нет необходимости. Подчеркну лишь одно: не только мы, русские, создали и рассказывали заветные сказки /как сейчас рассказываем анекдоты/, и не следует нам притворяться, лицемерить...

Хотелось бы избежать упреков и в национализме. В первых, в фольклоре любого народа можно встретить сати-

рические произведения, в которых сопоставляются представители разных национальностей, и такова жизнь. А во-вторых, если убрать узконациональные шоры, то можно увидеть, что больше и обиднее всего русские смеются над собой.

Давайте не обижаться друг на друга, тем более что эти сказки созданы не нами, а уже ушедшими из жизни не такими уж плохими людьми!

И еще -- о русском мате. Можно было бы вместо "матерных" слов поставить точки, но правильно ли такое решение? Ведь, с одной стороны, лексика -- это тоже художественный прием, средство создания определенного эмоционального настроения, а с другой -- кто не знает этих слов? Может быть, и здесь нам не надо притворяться, лицемерить, тем более что в первом издании сборника все называется своими словами в точном соответствии с художественной задачей.

Любое произведение искусства живет в таких условиях, которые для него естественны. Заветные сказки не исполнялись, как мы сейчас говорим, в широкой аудитории, их рассказчиками и слушателями в основном были мужчины, дети не знали заветных сказок... Думаю, что эта народная традиция должна соблюдаться также при чтении самой книги.

И в заключение вернусь к началу сборника, к эпиграфу: "Nonny soit qui mal y pense!"

Да, пусть будет дурно тому, кто плохо подумает! И об А.Н. Афанасьеве, и о его замечательном сборнике, и о создателе самих заветных сказок, и обо мне, грешном, решившимся переиздать эту книгу...

Ю. КРУГЛОВ,

*доктор филологических наук,
профессор*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Honny sort qui mal y pense!

Издание наших "Заветных сказок" в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия, в ярких картинах и нисколько не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей prudrie¹.

Наши "Заветные сказки" -- единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, свер-

¹ Показной добродетели (франц.)

кая блестящими и остроумными сторонами простолоудина.

Литературы многих народов представляют много подобных же "заветных" рассказов, и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, *farces*, *solies*, *moralites*, *dictions*² и т. п., другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что изривые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и *faceties*³ 15, 16 и 17 вв. -- не из того же источника, что сатирические произведения испанцев, *Spottlieder*⁴ и *Schmahschriften*⁵ немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни -- не народные произведения?

В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений не печатных, не для печати. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве "*Ragionamenti*" Р. Аретино, "*Capitoli*" Франческо Берни, Джованни Делла Каза, Мольцы, "*La Rettorica della puttane*" Паллавичини, "*L'Alcibiade fanciullo a scola*"⁶ и произведения других итальянских писателей, далее книга Меур-

² Фарсов, соти, моралите, поговорок (франц.).

³ Фацетии (франц.).

⁴ Насмешливые песни (нем.).

⁵ Поносные сочинения (нем.).

⁶ "Беседы" П. Аретино, "Капитоли" Франческо Берни, Джованни Делла Каза, Мольцы, "Риторика девок" Паллавичини, "Мальчик Алкивиад" (итал.)

сия -- "*Elegantiae latini sermones*"⁷, целый ряд известных во французской литературе: "*Joyuesetez*", *faceties et folastres imaginations*⁸, знаменитый "*Recueil de pieces choisies par le soins du Cosmopolite*"⁹, разве весь этот поток "*Flugschriften*"¹⁰, о которых говорит¹¹ Schade: "*die damals wie eine Fluth ubers Land fuhren*"¹² не доказывают ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться дымкой стыдливой *pruderie* и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о макаронических произведениях, пользующихся такою честью от великолепного Лаврентия Медичиса и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец, заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии, вроде "*Bibliotheca Scatologica*" (*Scatopolis*, 5850)¹³, отделы, известные в книжном мире под именем: "*Singularitis*", "*Curiosa*", "*Erotica*", "*Ouvrages sur l'amour*", "... *sur la galanterie*"¹⁴.

7. "Изящные латинские разговоры" (лат.).

8. "Потешки", фацетии и забавные выдумки (франц.). См. *Reimpressions par Caron, Montaran, Techener, Veinant. J. Gay* и других /Переиздания Карона, Монтрана, Тешнера, Дж. Гея /франц./. -- Примечание А.Н. Афанасьева.

9. "Сборник избранных отрывков для развлечения всего света" (франц.).

10. "Листовок" (нем.).

11. Шаде: "Которые тогда летали над землею подобно целой стае" (нем.).

12. Sie Kennzeichnen sich fast alle durch ein scharfes satirisches Element, beispiellosen Freimuth, mitunter durch grosse Derbheit u.s.w. (Satiren u. Pasquille von Oskar Schade). /Они почти все отличаются острым сатирическим элементом, беспримерной свободой, иногда большой грубостью и т. д. ("Сатиры и пасквилы Оскара Шаде") /нем.) -- Примечание А.Н. Афанасьева.

13. "Скатологическая библиотека" (Скатополис, 5850) (лат.).

14. "Странности", "Курьезы", "Эротика", "Произведения о любви", "Руководство к ухаживанию" (англ., латынь, франц.).

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равносильно бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами -- само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии.

Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, в каком они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронuto, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями. Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характерных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица -- животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, в лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратий -- и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом "жеребьячей породе", из которых мы пока приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужика к своим духовным пастырям и верное понимание их.

Любопытны наши "Заветные сказки" помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному ученому, глу-

богомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья -- рассказы Боккаччо¹⁵, сатиры и фарсы французов 16 столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, такого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества, и т. д. и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерной ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали, книга наша тихо печаталась в той отдаленной от тревожений света обители, куда еще не проникла святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители.

Пусть разовьется в них, чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания, -- и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

¹⁵ См., например, сказку N77 -- Купеческая жена и приказчик

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать "Русские заветные пословицы" и продолжение "Русских заветных сказок". Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием их мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратиям -- истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и ее светлого юмора.

ФИЛОБИЛ

1. ЛИСА И ЗАЯЦ

ришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая.

Пошел он по лесу и вздумал зайти к лисе. Подходит к лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печке, а детки ее под окошком. Увидала она зайца и приказывает лисиняткам: "Ну, детки! Коли подойдет косой, да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита; авось теперь как-нибудь его поймаю." А сама притаилась.

Заяц подошел и постучался. "Кто там?" -- спрашивают лисинятки. "Я, -- говорит заяц, -- здравствуйте, милые лисинятки! Дома ли ваша matka?" -- "Ее дома нету!" -- "Жалко! Было еть -- да дома нет!" -- сказал косой и побежал в рошу. Лиса услышала и говорит: "Ах, он сукин сын, косой черт! Охаверник эдакой! Погоди же, я ему задам зорю!"

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь -- а заяц

опять пришел по старому следу и спрашивает лисинят: "Здравствуйте, лисинятки! Дома ли ваша матка?" -- "Ее дома нету!" -- "Жаль,-- сказал заяц,-- я бы ей напырлял по-своему!" Вдруг лиса как выскочит: "Здравствуй, голубчик!"

Зайцу уж не до ебли, со всех ног пустился бежать, ажно дух (в ноздрях) захватывает, а из жопы орехи сыплются. А лиса за ним. "Нет, косой черт, не уйдешь!" Вот-вот нагонит! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берез¹, которые плотно срослись вместе; и лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла²: ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезть не сможет.

Косой оглянулся, видит -- дело хорошее, забежал с заду и ну лису есть, а сам приговаривает: "Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!" Отработал ее и побежал на дорогу, а тут недалечко была угольная яма -- мужик уголья жег -- заяц поскорей к яме, вывалился весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец. Вышел на дорогу, повесил уши и сидит.

Тем временем лиса кое-как выбралась на волю и побежала искать зайца; увидала его и приняла за монаха. "Здравствуй,-- говорит,-- святой отче! Не видал ли ты где косого зайца?" -- "Которого? Что тебя давече еб?" Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой: "Ах, он подлец! Уж успел по всем монастырям расславить!"

Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробовал!

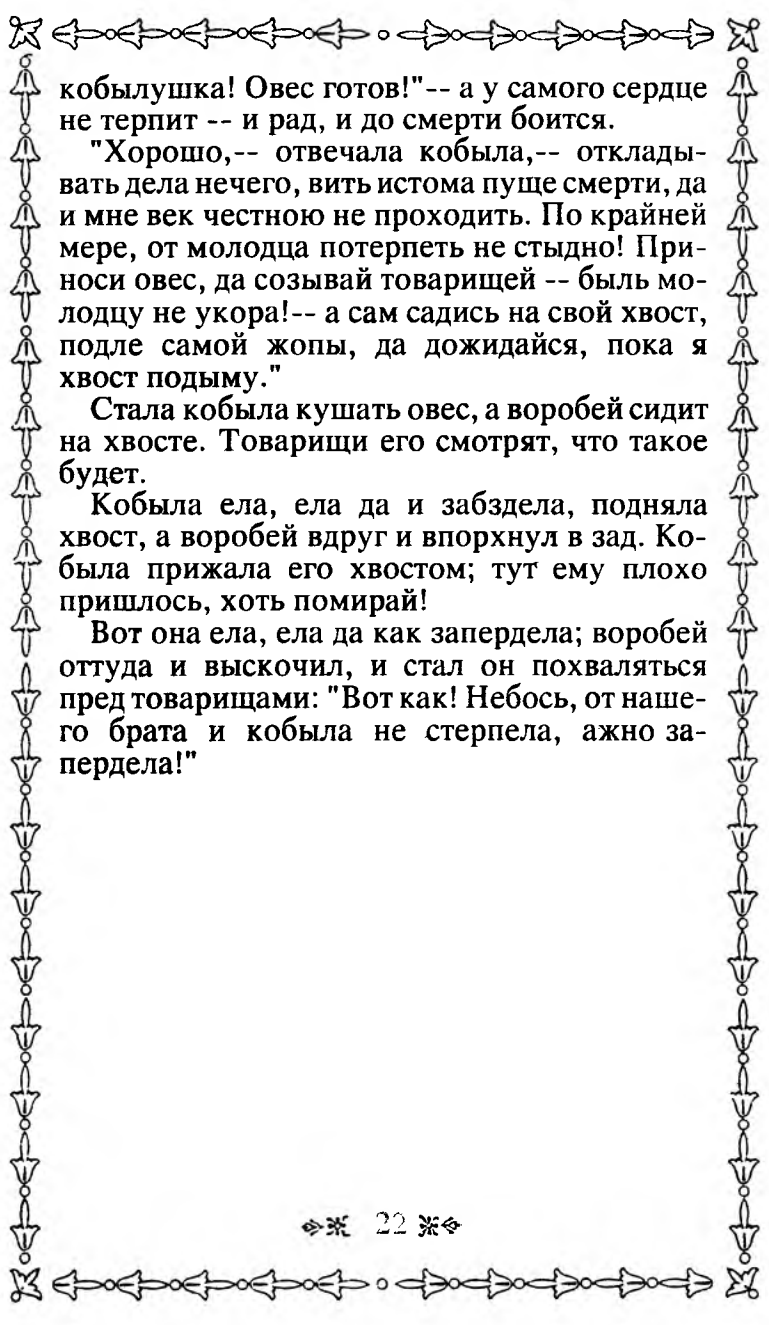
2. ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА

мужика во дворе сидела куча воробьев; один воробей и начал перед своими товарищами похваляться: "Полюбила,-- говорит,-- меня сивая кобыла, часто на меня посматривает; хотите ли, отделаю ее при всем нашем честном собрании?" -- "Посмотрим!"-- говорят товарищи.

Вот воробей подлетел к кобыле и говорит: "Здравствуй, милая кобылушка!" -- "Здравствуй, певец! Какую нужду имеешь?" -- "А такую нужду -- хочу попросить у тебя..."

Кобыла говорит: "Это дело хорошее; по нашему деревенскому обычаю, когда парень начинает любить девушку, он в ту пору покупает ей гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем дарить будешь?" -- "Скажи только, чего хочешь." -- "А вот: натаскай-ка мне по одному зерну четверик овса; тогда и любовь у нас начнется."

Воробей изо всех сил стал хлопотать, долго трудился и натаскал-таки наконец целый четверик овса. Прилетел и говорит: "Ну, милая

кобылушка! Овес готов!"-- а у самого сердце не терпит -- и рад, и до смерти боится.

"Хорошо,-- отвечала кобыла,-- откладывать дела нечего, вить истома пуще смерти, да и мне век честною не проходить. По крайней мере, от молодца потерпеть не стыдно! Приноси овес, да созывай товарищей -- быть молодцу не укора!-- а сам садись на свой хвост, подле самой жопы, да дожидайся, пока я хвост подыму."

Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте. Товарищи его смотрят, что такое будет.

Кобыла ела, ела да и забздеда, подняла хвост, а воробей вдруг и впорхнул в зад. Кобыла прижала его хвостом; тут ему плохо пришлось, хоть помирай!

Вот она ела, ела да как запердела; воробей оттуда и выскочил, и стал он похваться пред товарищами: "Вот как! Небось, от нашего брата и кобыла не стерпела, ажно запердела!"

3. МЕДВЕДЬ И БАБА

ахала баба в поле. Увидал ее медведь и думает себе: "Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее они мужика или нет? Мужиков довольно-таки я поломал, а с бабами не доводилось повозиться."

Вот подошел он к бабе и говорит: "Давай-ка поборемся!"

-- "А если ты, Михайла Иванович, разорвешь у меня что?"

-- "Ну, если разорву, так улей меду принесу." -- "Давай бороться!"

Медведь ухватил бабу в лапы да как ударит ее об землю -- она и ноги кверху задрала, да схватилась за пизду и говорит ему: "Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться, что я мужу-то скажу!"

Медведь смотрит -- дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать.

Вдруг откуда ни взялся -- бежит мимо заяц. "Постой, косой!-- закричал на него медведь,-- поди сюда!" Заяц подбежал. Медведь схватил бабу за края пизды, натянул их и приказал косому придерживать своими лап-

ками, а сам побежал в лес, надрал лыка целый пук -- едва тащит! Хочет зашивать бабе дыру.

Принес лыки и бросил о землю. Баба испугалась, да как перднет, так заяц аршина на два подскочил вверх.

-- "Ну, Михайло Иванович! По целому лопнуло!"

-- "Пожалуй, она вся теперь излопается!" -- сказал медведь и бросился что есть духу бежать!

Так и ушел!

4. ВОЛК

Был мужик, у него была свинья, и привела она двенадцать поросят.

Запер он ее в хлев, а хлев был сплетен из хворосту.

Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят. Сосчитал -- одного нету. На третий день опять одного нету.

Кто ворует поросят?

Вот пошел мужик ночевать в хлев, сел и дожидается, что будет.

Прибежал из лесу волк да прямо к хлеву, повернулся к двери жопой, натиснул и просунул в дыру свой хвост, ну и хвостом-то шаркать по хлеву.

Почуяли поросята шорох и пошли от свиньи к дверям нюхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост, поворотился передом, просунул свою морду, схватил поросенка и удрал в лес.

Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей.

Стало темно, прибежал волк и только за-

сунул свой хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватил обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал: "Тю-тю-тю!"

Волк рвался, рвался, и зачал срать, и потуда жилился, пока хвост не оторвал.

Бежит, а сам кровью дрищет.

Шагов двадцать отбежал, упал и издох.

Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

5. МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА И СЛЕПЕНЬ

не знает, что ему делать. Да потом надумался (мужик), схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу. Она кричит, а мужик говорит: "Молчи!" Да все свое: задрал ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху, да как можно выше. Медведь увидел, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит: "Нет, лиса, вы с слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!" -- "Отчего?" -- "Да оттого -- посмотри-тко, вишь он опять ко-го-то пежит!"

Вот лиса смотрела, смотрела и говорит: "И точно твоя правда: на самом деле он кому-то ноги ломает!" А слепень глядел, глядел и себе то ж говорит: "Совсем не то -- он кому-то соломину в жопу пихает!"

Всякой, знать, свою беду понимает. Ну, однако, слепень лучше всех отгадал. Медведь с лисой удалились в лес, а мужик остался цел и невредим.

6. КОТ И ЛИСА

ужик прогнал из дому блудливого кота в лес. А в этом лесу жила-была лиса, да такая блядь! Все валялась с волками и медведями.

Повстречала она кота; разговорились о том о сем. Лиса и говорит: "Ты, Котофей Иванович, холост, а я незамужняя жена! Возьми меня за себя."

Кот согласился. Пошел у них пир да веселье. После пира надо коту по обряду иметь с лисицею грех. Кот взлез на лисицу, не столько ебет, сколько когтями дерет, а сам еще кричит: "Мало, мало, мало!"

-- "Вот еще какой!-- сказала лисица,-- ему все мало!.."

7. ВОШЬ И БЛОХА

овстречала вошь блоху: "Ты куда?" -- "Иду ночевать в бабью пизду." -- "Ну, а я залезу к бабе в жопу."

И разошлись.

На другой день встретились опять. "Ну что, каково спалось?" -- спрашивает вошь. "Уж не говори! Такого страху набралась: пришел ко мне какой-то лысый и стал за мной гоняться. Уж я прыгала, прыгала, и туда-то и сюда-то, а он все за мной, да потом как плюнет на меня и ушел!" -- "Что ж, кумушка, и ко мне двое стучались, да я притаилась. Они постучали себе, постучали, да с тем и прочь пошли."

8. СОБАКА И ДЯТЕЛ

тала баба ловить дятла и поймала-таки, и посадила под решето. Приехал домой мужик, хозяйка его встречает. "Ну, жена!-- говорит он,-- со мной на дороге несчастье случилось." -- "Ну, муж,-- говорит она,-- и со мной несчастье!" Рассказали друг дружке все как было. "Где же теперича дятел? Улетел?"-- спросил мужик. "Я его поймала и под решето посадила." -- "Хорошо же, я с ним разделаюсь! Съем его живого."

Открыл решето и только хотел взять дятла в зубы -- он порхнул ему прямо в рот живой и проскочил головою в жопу. Высунул из мужиковой жопы голову и закричал: "Жив! Жив!" И спрятался, потом опять высунет голову и опять закричит; не дает мужику покою.

Видит мужик, что беда, и говорит хозяйке: "Возьми-ка полено, а я стану раком. Как только дятел высунет голову, ты его хорошенько и огрей поленом-то!"

Стал раком, жена взяла полено, и только

дятел высунул голову -- махнула поленом, в дятла-то не попала, а мужику жопу отбила. Что делать мужику, никак не выживет из себя дятла, все просунет голову из жопы да и кричит: "Жив! Жив!"

-- "Возьми-ка,-- говорит он жене,-- острую косу, а я опять стану раком, и как только высунет дятел голову -- ты и отмахни ее косою."

Взяла жена острую косу, а мужик встал раком. Только высунула птица голову, хозяйка ударила косою, головы дятлу не отрезала, а жопу мужику отхватила.

Дятел улетел, а мужик весь кровью изошел и помер.

9. ПИЗДА И ЖОПА

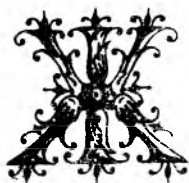

одно время поспорили меж собой пизда и жопа, и такой подняли шум, что святых выноси!

Пизда говорит жопе: "Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хороший гость, а ты в ту пору только бдишь да коптишь." -- "Ах ты, подлая низдюга!-- говорит ей жопа.-- Когда тебя ебут, по мне слюни текут -- я ведь молчу!"

Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, хуем говядину рубили.

10. МОЙ ЖОПУ

или муж да жена. Вот бывало, как подает жена мужу обедать, он и начинает ее колотить, а сам еще и приговаривает: "Мой жопу, мой жопу!" Вот она и начнет мыть жопу, трет ее и песком, и рогожею, так что кровь пойдет. А только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает: "Мой жопу, мой жопу!"

Вот она и говорит своей тетке: "Что это, те-тушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня бьет и приговаривает: мой жопу, мой жопу! Кажись, я и так мою, даже до крови растираю!" -- "Эх ты, дура, дура! Ты мой-то жопу -- да не свою, а у чашки."

Как стала мыть жопу у чашки, так и перестал ее бить муж.

11. ХУДО -- НЕ ХУДО

ернова по воде плавают, на них собака сидит, голову согнувши, хвост в жопу воткнувши, повизгивает, лапу полизывает. "Ты ехал мимо архиерейского дома?" -- "Ехал; там кони поседланы, седоки посажены, в трубы играют, черт знает -- кого, ебена мать, величают! Говорят, архирея на соловой кобыле венчают..."

-- "А ростовского медведя видел?" -- "Видел." -- "Каков?" -- "Серый!" -- "Какой, ебена мать, медведь? Пошел к хую, не бредь! Это волк." -- "Хуй те в лоб! У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает." -- "Это заяц." -- "Кляп ты знаешь! Это трус." -- "Говна тебе кус!"

12. ДУРЕНЬ

или мужик да баба, у них был сын дурак. Задумал он жениться да поспать с женою, и пристаёт к отцу: "Жени меня, батюшка!" Отец и говорит: "Погоди, рано тебя женить: хуй твой не достает еще до жопы. Когда достанет, в ту пору тебя и женю."

Вот сын схватился руками за хуй, натянул его как можно крепче, посмотрел -- точно не достает немного до жопы. "Да,-- говорит,-- и то рано мне жениться, хуй еще маленький, до жопы не хватает! Надо повременить годик-другой."

Время идет себе да идет, а дураку только и работы, что вытягивает хуй; и вот-таки добился он толку, стал хуй его доставать не только до жопы -- и через хватает! "Не стыдно будет и с женою спать: сам ее удовольствую, не пушу в чужие люди!" Отец подумал себе: "Какого ожидать от дурака толку!" Сказал ему: "Ну, сынок, когда хуй у тебя такой большой вырос, что через жопу хватает, то и женить тебя не для чего: живи холостой, сиди дома, да своим хуем еби себя в жопу!"

Тем дело и кончилось.

13. ЩУЧЬЯ ГОЛОВА

или-были мужик да баба, у них была дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород. Бороновала, бороновала, только позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь совсем с бороною оставила в огороде: "Пушай постоит, пока ворочусь!"

Только у ихнего соседа был сын -- парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как -- не придумает. Увидал он лошадь с бороною, перелез он через изгороду, выпряг коня и завел его в свой огород. Борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то просунул сквозь изгороду к себе и запряг опять лошадь-то.

Девка пришла и далась диву: что бы это такое -- борона на одной стороне забора, а лошадь на другой? И давай бить кнутом свою клячу да приговаривать: "Какой черт тебя занес! Умела втесаться, умей и вылезать; ну, ну, выноси!" А парень стоит, смотрит да посмеивается. "Хочешь, -- говорит, -- помогу, только ты дай мне..." Девка-то была воровата. "По-

жалуй,-- говорит, а у ней на примете была старая щучья голова, на огороде валялась, разинувши пасть. Она подняла ту голову, засунула в рукав и говорит: "Я к тебе не полезу, да и ты сюда-то не лезь, чтоб не увидал кто. А давай-ка лучше сквозь этот тынок. Скорей просовывай кляп-ат! Я уж тебе наставлю."

Парень вздрочил кляп и просунул его сквозь тын, а девка взяла щучью голову, раззявила ее и насадила на плешь. Он как дернет -- и ссадил хуй до крови. Ухватился за кляп руками и побежал домой, сел в угол и помалкивает. "Ах, мать ее так!-- думает про себя,-- да как больно пизда-то у нее кусается! Только бы хуй зажил, а то я сроду ни у какой девки просить не стану!"

Вот пришла пора: вздумали женить этого парня, сосватали его на соседской девке и женили. Живут они день, и другой, и третий, живут и неделю, другую и третью. Парень боится и дотронуться до жены. Вот надо ехать к теще; поехали. Дорогой молодая-то и говорит мужу: "Послушай-ка, милый Данилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой век заедать даром?" А Данило ей: "Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пизда-то кусается. Мой кляп с тех пор долго болел, на силу зажил." -- "Врешь,-- говорит она,-- это я в то время над тобою пошутила, а теперь не бойся! На-ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится."

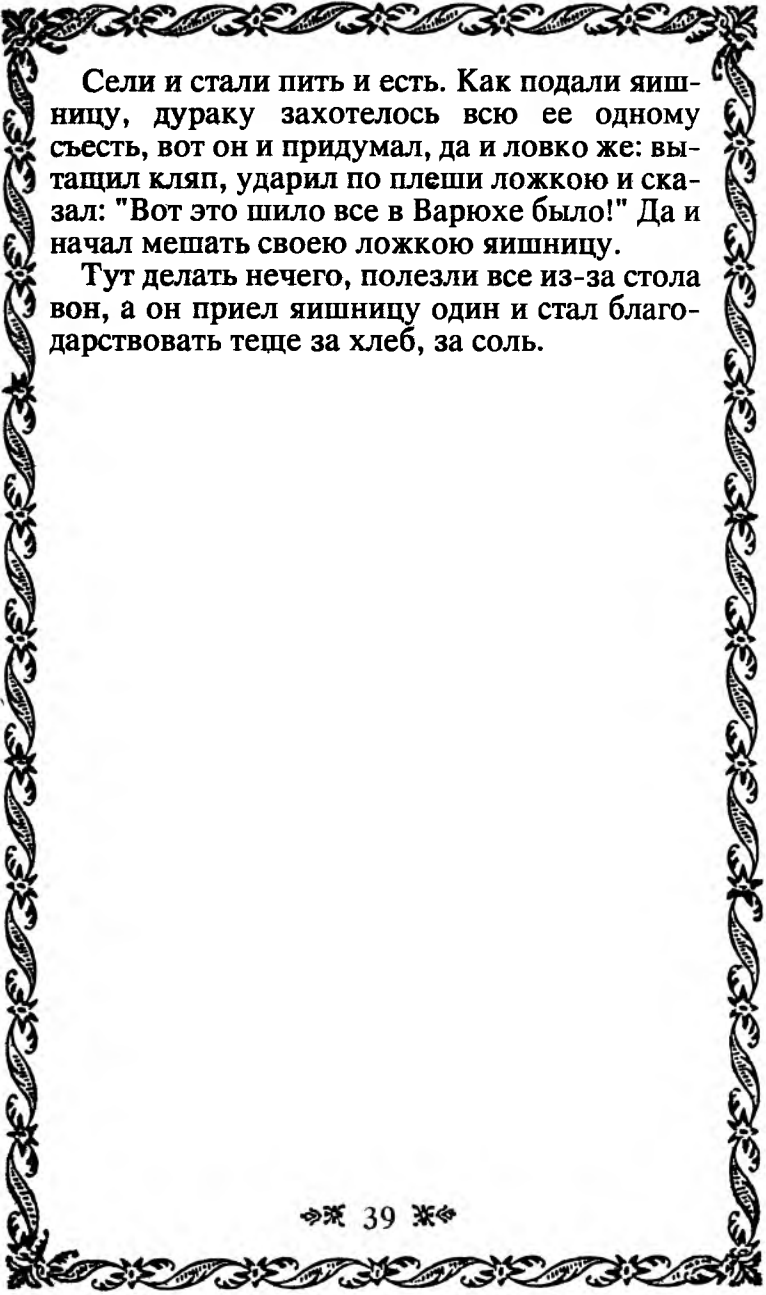
Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал: "Постой, Варюха, дай-кася, я тебе но-

ги привяжу; коли станет кусаться, так я смогу выскочить да уйти." Отвязал он вожжи и скрутил ей голые ляшки. Струмент у него был порядочный, как надавил он Варюху-та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и начала мыкать (сани то туда, то сюда), вывалила парня, а Варюху так с голыми ляшками и примчала на тещин двор.

Теща смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и подумала -- верно, это он говядины к празднику привез. Пошла встречать, а то -- ее дочка. "Ах, матушка! -- кричит. -- Развяжи-ка поскорее, покедова никто не видел." Старуха развязала ее, спросила что да как. "А муж-то где?" -- "Да его лошадь вывалила!"

Вот вошли в избу, смотрят в окно -- идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся. Теща послала за ним старшую дочь. Та приходит: "Здравствуй, Данила Иваныч!" -- "Здорово." -- "Иди в избу! Только тебя и недостает!" -- "А Варвара у вас?" -- "У нас." -- "А кровь у нее унялась?" Та плюнула и ушла от него. Теща послала за ним сноху. Эта ему угодила: "Пойдем, пойдем, Данилушка! Уж кровь давно унялась."

Привела его в избу, а теща встречает и говорит: "Добро пожаловать, любезный зятюшка!" -- "А Варвара у вас?" -- "У нас." -- "А кровь у нее унялась?" -- "Давно унялась." Вот он вытащил свой кляп, показывает теще и говорит: "Вот, матушка! Это шило все в ней было!" -- "Ну-ну, садись, пора обедать."

Сели и стали пить и есть. Как подали яишницу, дураку захотелось всю ее одному съесть, вот он и придумал, да и ловко же: вытащил кляп, ударил по плечи ложкою и сказал: "Вот это шило все в Варюхе было!" Да и начал мешать своею ложкою яишницу.

Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел яишницу один и стал благодарствовать теще за хлеб, за соль.

14. ЖЕНИТЬБА ДУРНЯ

Жив був собі козак, у его була жинка и йще був сын Грицько. Грицько ходив в степу за вивцями. От дид с бабою змовляються: "Стара! Треба нам Грицька оженить." -- "Як женить, так женить!" Послалы воны за Грицьком. Приходе наймит дай каже: "Здоров був, паночо! Батька вилив тоби иты до господив." Пийшов до дому, устричають його батько и матери: "Здоров був, сынку! Як собі маешь?" -- "Слава Богу, тату и мамо! Помалиньку. А чого-се вы мене до дому звали?" А батько: "Та вже ж я старый и мате твоя стара, так треба тебе оженить." -- "Не хочу! Пиду собі у степ." -- "Почикай (подожди) лышинь трохи; мы порадамось (рада-совет) з добрыми людьми, як воны скажутъ." -- "Ну, добре!"

От добри люды присовитовали, щоб даты јому борошня (зерно, хлеб) мишкив шить и послаты на базар; тай звилить јому, щоб вин не продавав ни евреям, ни купцям, ни старым бабам, а продавав дивчатам и молодыцям, и просыв бы з их за борошно ебелки.

Прийшов старий до дому тай каже: "Сынку! Бери пару волив, запрягай у виз и їдь на базар, та везы шість мишків борошня. Тільки не продавай євреям, купцям и старым бабам, а продавай дивчатам та молодыцям.

От вин узяв пару волив, заприг, наклав на виз борошня и повиз у мисто. Підїхав к базару, устричає його єврей. "Здорово був, паночо! Що таке у вас є продажне?" -- "Ничега нема, бисив єврей!" Підходе купец: "Що таке, паночо, продаєте?" -- "Ничога нема!" Оце підходе к йому молодыця и пытає: "Що таке продажне?" Вин каже: "Борошно." -- "А сколько є?" -- "Шість мишків." -- "А що просите за його?" -- "Та дай єбелки!" Вона подивилася на парубка и каже: "Чи не можно менши узять?" -- "Ни, не возьму. Як дасы єбелку, так оддам." -- "Везы ж за мною." Вин зараз: "Гей, гей!" И приїхав до ней на двир и пытає: "Куды ж мині зносыть?" Вона показала йому, а сама пишла, прыготовыла меду и паляныць, та и говорить: "Иды сюда, паночо!" Вин прийшов у хату. "Здоров був, паночо! Сидай та јиж єбелку." Вин сив и зачав опиздячивать, најився и каже: "Спасыби за єбелку!" Вона отвича: "Богу святому дякуй!"

Пріїхив вин до дому, батько и мате питають: "А що, сынку, продав борошня?" -- "Продав." -- "А за що продав?" -- "За єбелку." -- "А що, сынку, гарна єбелка?" -- "Та така солодка, шо и сказать не можно." -- "Ну, сынку, женысь, и у твоей жинци буде!" -- "Колы так, той женить мене!"

-- "Ну, стара,-- каже батько,-- слава Богу!"

Наш Грицько женицца захотив!"

Послалы воны сваху к богатому мужику. Прийшла сваха: "Помогай Бог!" -- "Здорова була, бабуса! А що ты нам скажешь хорошее?" -- "Та у вас е товар, а у мене е купець."

От и сосватала за Грицька дивчину Ганку. Тутычки выбрали дружку и бояр, созвалы поїзд, поїхалы до церкви и повинчалы, тай начали гулять, веселицца. От вже ж треба молодых весты спать до коморы. Дружко каже: "Ну, гляды ж, Грицько! Чи знаешь, де ебелка?" А вин: "Як не знать!" -- "А де?" -- "Та на столи." -- "Та ни, ты шукай -- де волосья, там и ебелка." -- "Добре!" Положили их спаты и сами пійшли гуляты.

Долго лежав Грицько з Ганкою, и захотилось йому ебелки. Начав вин шукать по кошелям и полкам -- нигде нема. А в тій же комори стояла соха, а вверху на сохи було пидоткнуто кущем волосьев. Вин побачив тые волосья, полиз на соху, просунув руку и щупае: чи нема там ебелки! Та вже слизты с сохи боицца.

Прийшов дружко пиднимать молодых, стучить: "Добры дынь, молодой Грицько!" А вин сыдыть на сохи и каже: "Здоров був!" -- "А що, Грицько, найшов волосья?" -- "Найшов." -- "И взлиз?" -- "Взлиз, та оце лыхо -- не злизу." -- "Валысь на бик." Грицько звалывсь на бик, ударивсь об землю и розбив соби голову до крови. Дружко пытае: "А що, звалывсь?" -- "Звалывсь." -- "А що, до крови?" -- "Та вжеж, до крови! Одчиняйте ж двери!" Одчинили. Грицько зараз выскочив и побиг у степ, к своим вивцям.

Бижить биля попава двора, удруг наскочылы на його собаки. Вин начав обороняцца, пятавсья, пятавсья и влиз у самую церков, а це було у нидилю (воскресенье). Вин подививсья тай каже: "Иш бисови собаки, скилько нагналы сюда людей!" И дивно йому, шо людей багацько, а уси мовчать, тилько помаленьку шепчуть та кланяюцца. Мабуть вони кого просят, щоб їх до дому довив.

А дали побачив вин попа в золотій святи, шо ходить миж людей та все кланяецця. От иде вин и до Грицька. Грицько думае: "Шо це таке? Несе вин якусь торбынку и на людей огонь кидае (речь идет о кадиле). Пип бльжче, а Грицько йому каже: "Помалу, батько! Очи не выпечи." А пип усе махае та махае. Як Грицько свисне його по голови, аж вин упав. Тут люди, мабуть чоловиком пьятдесят буде, учинылысь за дурня. Вин усих їх вытащив с церкви и сам пишов у степ. "Ну, бисовы люди, кажить мини спасыби, а тоб вы тутьчки и заночувалы!"

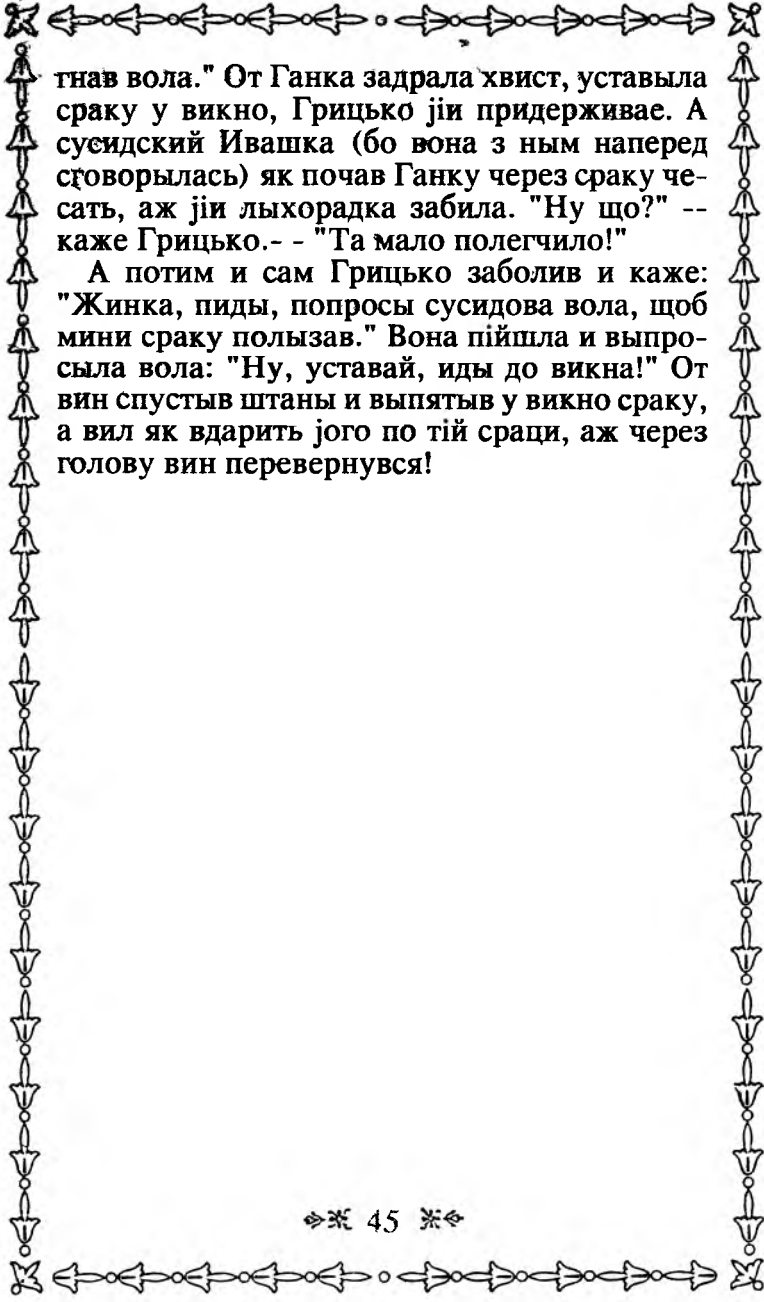
А Ганка скучае соби без чоловика и плаче. От научилы јїи, щоб вона пишла до Грицька у степ. Як буде вин стояты за ватагою биля воды, то щоб вона спытала у його: "А шо, чоловиче, чи не можно тут скупатысья?" А вин скаже: "Чому ж не можно? Можно." -- "Та може туть глыбоко? Полизай сам перши у воду." От так дило и здилаицца.

Пишла Ганка у степ, приходить, а вин стоить коло става (пруда). "Здоров був, паночке!" -- "Здорова була!" -- "А шо, чоловиче, чи можно тут скупатысья?" -- "Чому ж не мож-

но?" -- "Та може тут глыбоко, покажи мини". Вин зараз скинув сорочку и штаны, влиз у воду и каже: "Бачишь, по колени." Вона соби и влизла у воду, побачила у його хуй и пытае: "Що це таке?" А вин каже: "Це табака." -- "На що ж вона? Шо ты робышь з нею" -- "Сьцю" -- "А чим ты їи годуешь (кормишь)?" -- "Та ничим." -- "Ото-то вона и худа!" А Грицько побачыв у Ганки пизду, дай пытае: "А у тебе що це таке?" -- "Поцька." -- "А на що вона тобі?" -- "Табаку годовать. Хай твоя табака поїсть поцьки." -- "Э, щоб вона мене укусила! Хай їй бис!" -- "Ни, не укусьть." Грицько узав свою гирлыгу (овчарская палка) и зачав пробувать: чи не укусьть? А потим согласився погодовать свою табаку. Надрочила вона йому и направила хуй у пизду та и придерживае.

Любо стало Грицьку, бросыв вин степ и прибижав до дому, и кричить: "Тату, мамо! Де моя жинка?" -- "На що вона тобі?" -- "Ебать хочу!" -- "Зараз прійде." А жинка тому и рада, а сама каже: "Пидожды до обида, мате галушки варыла." А вин: "Ничого не хочу, ходим годовать табаку!" И зачав їи ебать, а вона зачала пирдить; трудно їй стало, скочила и охота. Вона и говорыть: "Я, чоловіче, вже не вздужаю." -- "Що ж робыты?" -- "Та мини добри люды казалы, щоб нашого схида вил полызав мини сраку, то може я и поправлюся. Пиды, попросы вола!"

Пійшов вин до сусида: "Нехай ваш вил моїй жиньци сраку полыже?" -- "Нехай!" Воротився до жинки тай каже: "Иды! Вже при-

гнав вола." От Ганка задрала хвист, уставыла сраку у викно, Грицько јїи придерживае. А сусидский Ивашка (бо вона з ным наперед сговорылась) як почав Ганку через сраку чesать, аж јїи лыхорадка забила. "Ну що?" -- каже Грицько.- - "Та мало полегчило!"

А потим и сам Грицько заболив и каже: "Жинка, пида, попросы сусидова вола, щоб мини сраку полызав." Вона пійшла и выпросыла вола: "Ну, уставай, иды до викна!" От вин спустыв штаны и выпятив у викно сраку, а вил як вдарить јого по тїй сраци, аж через голову вин перевернувся!

15. БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА

азговорились промеж себя две девки. "Как ты - а я, девушка, замуж не пойду!" -- "А что за неволя идти-то! Ведь мы не господские." -- "А видала ль ты, девушка, тот струмент, каким нас пробуют?" -- "Видала." -- "Ну что же -- толст?" -- "Ах, девушка, право, у другого толщиною будет с руку". -- "Да это и жива-то не будешь!" -- "Пойдемка, я потычу тебя соломинкой -- и то больно!" Поглупей-то легла, а поумней-то стала ей тыкать соломинкою. "Ох, больно!"

Вот одну девку отец приневолил и отдал замуж. Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге: "Здравствуй, девушка!" Та сейчас ее спрашивать, что и как. "Ну, -- говорит молодая, -- если б да я знала, ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!" Так девушку напугала, что и не поминай ей про женихов. "Не пойду, -- говорит, -- ни за кого, разве отец силою заставит, и то выйду ради одной

славы за какого-нибудь безмудого".

Только был в этой деревне молодой парень, круглый бедняк. Хорошую девку за него не отдают, а худой самому взять не хочется. Вот он и подслушал ихний разговор. "Погоди ж, -- думает, -- мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет!"

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худенькую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет, идет да споткнется; а девка так смехом и заливается. А тут пришлось еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покати-лась назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить не милостиво да приговаривать: "Вставай, чтоб тебя ободрало!" -- "За что ты ее, разбойник, бьешь?" -- говорит девка. Он поднял хвост, смотрит и говорит: "А что с ней делать-то? Теперь бы ее есть да есть, да хуя-то нет!"

Как услышала она эти речи, так тут же и уссалась от радости, и говорит себе: "Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!"

Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут ее, а она сердито отвечает: "Не хочу!" -- "Поди, Дунюшка!-- говорит мать, -- или о чем раздумалась? Скажи-ка мне." И отец говорит: "Ну, что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?" А у девки все одно в голове, как бы выйти замуж за безмудого Ивана. "Не хочу, -- говорит, -- ни за кого. Хотите отдайте, хотите нет, за Ивана." -- "Что ты, дурища, сбесилась али с ума спяти-

ла? Ты с ним по миру находишься!" -- "Знать моя судьба такая! Не отдадите -- пойду утоплюсь, не то удавлюсь."

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошел набиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старый лапоть. "Здорово, Иванушка!" -- "Здорово, старик!" -- "Что поделываешь?" -- "Хочу лапти заковыривать." -- "Лапти? Ходил бы в новых сапогах." -- "Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек, куда уж тут сапоги?" -- "А что ж ты, Ваня, не женишься?" -- "Да кто за меня отдаст девку-то?" -- "Хочешь, я отдам! Целуй меня в самой рот!"

Ну и сладили.

У богатого не пиво варить, не вино курить. В ту ж пору обвенчали, отпировали, и повел дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знакомое: пронял Ванька молодую до руды (крови), ну и дорога-то была туды! "Эх, я дура глупая! -- подумала Дунька,-- что я наделала? Уж ровно бы принять страху, выйти бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него." И спросила-таки: "Послушай, Иванушка! Где ты хуй-то взял?" -- "У дяди на одну ночь занял." -- "Ах, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку." Прошла и другая ночь; она опять говорит: "Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе хуя совсем? Да торгуй хорошенько!" -- "Пожалуй, поторговаться можно."

Пошел к дяде, сговорился с ним за одно, и приходит домой. "Ну что?" -- "Да что гово-

рять! С ним не столкнешься; 300 рублей за-
ломил, эдак не укупишь, где я денег-то возь-
му?" -- "Ну, сходи, попроси займы еще на
одну ночку; а завтра я у батюшки выпрошу
денег -- и совсем купим." -- "Нет уж, иди сама
проси, а мне, право, совестно!"

Пошла она к дяде, входит в избу, помоли-
лась Богу и поклонилась. "Здравствуй, дя-
дюшка!" -- "Добро пожаловать! Что хороше-
го скажешь?" -- "Да что, дядюшка, стыдно
сказать, а грех утаить. Одолжите Ивану на
одну ночку хуйка вашего". Дядя задумался,
повесил голову и сказал: "Дать можно, да чу-
жой хуй беречь надыть!" -- "Будем беречь,
дядюшка, вот те хрест! А завтра непременно
совсем у тебя его купим." -- "Ну, присылай
Ивана!" Тут она кланялась ему до земли и
ушла домой.

А на другой день пошла к отцу, выпросила
мужу 300 рублей, и купила она себе важный
клян.

16. ГОРЯЧИЙ КЛЯП

Был-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу: "Батюшка, Ванька просил меня поеть". -- "Э, дурная! Зачем давать чужому, мы и сами поедем!" Взял гвоздь, разжег в печи и прямо ей в пизду и вляпал, так что она три месяца сцать не могла!

А Ванька повстречал эту девку и опять начал просить: дай-де мне поеть. Она и говорит: "Брешишь, черт Ванька! Меня батюшка по-еб; так пизду обжег, что я три месяца не сцала!" -- "Не бось, дура! У меня холодный кляп." -- "Врешь, черт Ванька! Дай-ка я пощупаю." -- "На, пощупай."

Она взяла его за хуй рукою и закричала: "Ах ты, черт эдакий! Видишь теплой, макай в воду." Ванька стал макать в воду да с натуги и забздел. А она: "Ишь зашипел! Ведь сказывала, что горяч, так еще обмануть, вор, хочешь!"

Так и не дала Ваньке.

17. ПРИБАУТКИ

черашний день я по улице гулял, видел: петух топчет курицу, воробей -- воробку⁴, надели меня супругой -- веселой и упругой!" -- "Будешь доволен, я знаю приворотный корень, да видя твою дурацкую рожу -- приведу тебе козу!" -- "Чем же тебя благодарить? Не успел киселя наварить! Хотел бы сварить кашу, да расклевали куры чашу."

б) "Где ты, сорока, была?" -- "Да на колу сидела." -- "Да что ж ты оттуда улетела?" -- "Да напакостила". -- "А, напакостила! Черт же те в шею, так ты и здесь напакостишь."

в) Был я доброй молодец, пошел я к синю морю дубище-кореньище рубить. Как отрубил я коренец, он ударил меня посеред яец, так вот и теперь у меня рубец. Пошел я оттедова по-над синим морем и зашел в кузницу. "Кузнецы, кузнецы, скуйте мне топор, крепок и востер." Взял топор, иду по-над рекою, а там прачка: я етую прачку кляпом в срачку, она в воду, а я на колоду, высек из пизды лобок и уехал на тот бок!

г) Стоит поп на льду, подпер хуем бороду. Ебена мать -- дочку ебли на лубочку; лубочек вот гнется, черна пизда трясется-протирается, разьебается. Трах, трах, трах! Ебет старуху монах, на осиновых дровах -- три полена в головах.

д) В пизде черви завелись, немножечко проточили -- три кареты проскочили! Гарнизонной капитан в пизде роту обучал, сам на секле стоял да и саблею махал, нигде края не достал!

е) Из монастыря боголюбова идут старцы станицами. Впереди идет сам игумен, ничего он не гунит (скажет). "Состроем же, братия, келью под елью, проторим дорожку в деревню, чтоб молодые бабы ходили, печеные яйца носили, нас, молодцов, кормили!"

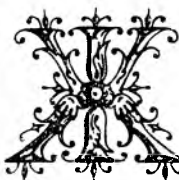
ж) Задумал наш дядюшка жениться на сивой кобыле. Стали мы своего дядюшку жени-ти в четыре свахи дубовые, пята сваха вязо-вая. С той радости наш дядюшка усрался, кругом говном обклатся, домой пришел -- не сказался!

18. СТАРЧЕРСКИЙ СТИХ⁵

ак у Спаса на новом
Архимандрит был новой,
Строители -- разорители,
Экононы -- пус-одомы;
Они рано нас будили,
Понемногу нам пити давали!
Рассердимся мы, братия,
Не пойдем ни к обедни-заутрени,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет нас игумен просить,
Будет кланяться!
Выкатят нам, братия,
Бочки дубовые,
Подадут нам, братия,
Ковши железные,
Размахнем, почерпнем,
По компании обнесем,
Кому два -- кому три,
Мне четыре ковша.
Кабаки возрадуются,
А пьяницы возвеселятся!

19. СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Хил-был мужик, у него была жена, дочь да два сына -- еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посбирала черное белье и начала стирать его, стоя над копытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят да смеются: "Эх, Андрюшка! Посмотри-ка, ведь у матушки две пизды". -- "Что ты врешь! Это одна, да только раздвоилась." -- "Ах, вы, сопливые черти!-- закричала на них мать.-- Вишь что выдумали!"

Пришла баба в избу, легла с дочкою на печь, и стали меж собой разговаривать. "Ну, дочка!-- рассказывай мать.-- Скоро тебя замуж пора отдавать. Будешь тогда с мужем жить, а не с нами..." -- "Коли так, я и замуж не хочу!" -- "Что ты, что ты, глупая! Да чего тебе бояться? Добрые девки еще тому радуются." -- "Да чего радоваться-то?" -- "Как чего? Переспиишь с мужем первую ночь, поменяешь тады и отца с матерью на него, понравится тебе слаще меду и сахару." -- "Отчего же, матушка, так сладко, где у них эта сладость?"--

"Ах, ты, какая глупая! Ведь ты ходила маленькою с отцом в баню-та?" -- "Ходила," -- говорит дочь. "Ну видела ты у отца на конце зарубку?" -- "Видела, матушка!" -- "Вот это и есть самая сласть!" А дочь говорит: "Коли эдак зарубить зарубок пять, тады б еще слаще было!"

Отец лежал на полотах, слушал, слушал, не утерпел и закричал: "Ах, вы разбойницы! Хуй вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не разрубить своего хуя на мелкие части!"

Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то хуя мало, а два не влезут: лучше их вместе свить да оба вбить!

20. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

одного старика был сын, парень взрослый, у другого дочь -- девка на поре. И задумали они оженить их. "Ну, Иванушка!-- говорит отец.-- Я хочу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!" -- "Ну, Машутка!-- говорит другой старик.-- Я хочу отдать тебя за соседского сына, сойдись-ка с ним, да ладнее познакомься!"

Вот они сошлись на улице, поздоровались. "Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладнее-познакомиться",-- говорит девка. "И мне то ж наказывал мой батька",-- говорит парень. "Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спишь?" -- "В сенцах." -- "А я в амбарушке. Приходи ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее..."

Ну что ж! Вот пришел Иванушка ночью и лег с Машуткою. Она и спрашивает: "Шел ты мимо гумна?" -- "Шел." -- "А что, видел кучу говна?" -- "Видел." -- "Это я насрала." -- "Ничего -- велика!" -- "Как бы нам с тобой пола-

дить? Надо посмотреть, хорош ли у тебя струмент?" -- "На, посмотри,-- сказал он и развяз залгашник,-- я этим богат!" -- "Да эдакой-то мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!" -- "Дай-ка я попробую: придется ли?"

И стал пробовать. Хуй у него колом стоит, как махнет ее -- ажно из всех сил она закричала: "Ох, как больно кусается!" -- "Не бось! Ему места мало, так он и сердится." -- "Ну вот, я ведь сказывала, что место-то для него мало!" -- "Погоди, будет и просторно!" Как пробрал ее всласть, она и говорит: "Ах, душечка! Да твоим богатством можно денежки доставать!"

Покончили и заснули. Проснулась она ночью и ну целовать его в жопу -- думает в лицо, а он как подпустил сытности -- девка и говорит: "Ишь, Ваня, от тебя цынгёй пахнет!.."

21. МУЖИК И БАРИН

Пришел барин в праздник к обедне, стоит и молится Богу. Вдруг откуда ни возьмись -- стал впереди его мужик, и этот сукин сын согрешил: так набздел, что продохнуть не можно. "Эка подлец! Как навожнял", -- думает барин. Подошел к мужику, вынул целковый денег, держит в руке и спрашивает: "Послушай, мужичок! Это ты так хорошо насрал?" Мужик увидал деньги и говорит: "Я, барин!" -- "Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег." Мужик взял и думает: "Верно, барин уж очень любит бздех, надо каждой праздник ходить в церковь да около него становиться, он и всегда по целковому давать будет!"

Отошла обедня; разошлись все по домам. Мужик прямо к соседу своему и рассказал, как и что с ним было. "Ну, брат, -- говорит сосед, -- теперича, как дождем праздника, -- пойдем оба в церковь; вдвоем мы еще больше набздим: он обем (обоим) нам даст денег!"

Вот дождались они праздника, пошли в

церковь, стали впереди барина и напустили вонь на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашивает: "Послушайте, ребята, это вы так хорошо насрали?" -- "Мы, сударь!" -- "Ну спасибо вам; да жалко, со мной теперича денег не случилось. А вы, ребята, как отойдет обедня, пообедайте поплотней да приходите ко мне на дом набздеть хорошенько, я вам тогда заодно заплачу." -- "Слушаем, барин! Нынче ж к вашей милости оба придем."

Как покончилась обедня, мужики пошли домой обедать, нажрались и к барину. А барин приготовил им доброй подарок -- розог да палок. Встречает их и говорит: "Что, ребята, побздеть пришли?" -- "Точно так, сударь!" -- "Спасибо, спасибо вам! Да как же, молодцы, вить надо раздеться, а то на вас одежи много -- не скоро дух прошибет."

Мужики поскидали армяки и поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим, как они схватили мужиков, растянули их да начали пороть: палок пять сот задали в спину! Насилу выбрались, да бежать без оглядки, и одежду-то побросали.

22. ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

ила-была старуха, у ней была дочь -- большая неряха. За что ни возьмется, все у ней из рук валится.

Пришло время -- нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж.

Пожил с нею год и больше и прижил сына.

Пришла она раз к матери в гости. Эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да рассказывает: "Ах, матушка! Какой у тебя хлеб вкусный, настоящий ситный, а у меня такой, что и проглотить не хочется, -- настоящий кирпич!" -- "Послушай, дочка, -- говорит старуха, -- ты, верно, нехорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не вкусен.

А ты попробуй квашню вымесить так, чтобы у тебя жопа была мокрая! Так и дело будет ладно".

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить. Помесит, помесит да подымет подол и пощупает -- мокрая ли жопа? И опять начнет месить.

Часа два так месила, всю жопу выпачкала,

а узнать не может, мокрая у ней жопа или нет. Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке: "Подь сюды, посмотри, не видать ли, мокра ли моя жопа или нет?" Мальчик посмотрел и говорит: "Эге, матушка, у тебя обе дырки вместе да обе в тесте."

Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлеба такие скусные, что, если б знали, как она месила,-- никто б и в рот не взял.

23. НЕТ

ил-был старой барин, у него была жена -- и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко. Он и боится, как бы жена его не стала с кем благовать, и говорит: "Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не примай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал -- отвечай все: "Нет!" да "Нет!"

Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит себе по саду. А мимо на ту пору проезжал офицер. Увидал барыню такую славную и стал ее спрашивать: "Скажите, пожалуйста, какая это деревня?" Она ему отвечает: "Нет!" -- "Что бы это значило,-- думает офицер,-- о чем ни спросишь, она все: нет да нет!"

Только офицер не будь промах: "Ежели,-- говорит,-- я слезу с лошади да привяжу ее к забору, ничего за это не будет?" А барыня: "Нет!" -- "А если взойду к вам в сад, вы не рассердитесь?" -- "Нет!" Он вошел в сад. "А

если я с вами стану гулять, вы не прогневаетесь?" -- "Нет!" Он пошел рядом с нею. "А если возьму вас за ручку, не будет вам досадно?" -- "Нет!" Он взял ее за руку. "А если поведу вас в беседку, и это ничего?" -- "Нет!" Он привел ее в беседку. "А если я вас положу и сам с вами лягу, вы не станете противиться?" -- "Нет!" Офицер положил ее и говорит: "А если я вам да заворочу подол, вы, конечно, не будете сердиться?" -- "Нет!" Он заворотил ей подол, поднял ноги покруче и спрашивает: "А если я вас да стану есть, вам не будет неприятно?" -- "Нет!"

Тут он отработал ее порядком, слез с нее, полежал да опять спрашивает: "Вы теперь довольны?" -- "Нет!" -- "Ну когда нет, надо еще есть." Отзудил еще раз и спрашивает: "А теперь довольны?" -- "Нет!" Он плюнул и уехал. А барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит жене: "Ну что, все ли у тебя благополучно?" -- "Нет!" -- "Да что же? Не поеб ли тебя кто?" -- "Нет!"

Что ни спросит, она все: нет да нет. Барин и сам не рад, что научил ее.

24. МУЖ НА ЯЙЦАХ

ил мужик с бабою. Мужик был ленивый, а баба работающая. Вот жена землю пашет, а муж на печи лежит. Раз как-то поехала она орать землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: завалился спать и проспал цыплят: всех их ворона перетаскала. Бегаёт по двору одна квочка да кричит себе, а ему хоть трава не расти.

Вот приехала хозяйка и спрашивает: "А где у тебя цыплята?" -- "Ах, женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят перетаскала." -- "Ах, пес эдакой! Ну-ка, курвин сын, садись на яйца да высиживай сам цыплят."

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатах, скинул с себя портки и сел на яйцах. Вот баба, не будь дура, взяла у отставного солдатика шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло: "Эй, хозяин! Да где ты?" Мужик полез с полатей и упал вместе с яйцами наземь. "Это что дела-

ешь?" -- "Батюшка служивой! Домовничаю." -- "Да разве у тебя жены нету?" -- "Есть, да в поле работает." -- "А ты что ж сидишь дома?" -- "Я цыплят высиживаю." -- "Ах, ты, сукин сын!" И давай его плетью дуть из всех сил да приговаривать: "Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю паши!" -- "Буду, батюшка, и работать, и землю пахать, ей Богу, буду!" -- "Врешь, подлец!" Била его баба, била, потом подняла ногу: "Посмотри, сукин сын! Был я на стражении, так меня ранили,-- что, подживает моя рана али нет?" Смотрит мужик жене в пизду и говорит: "Заколакивает, батюшка!"

Баба ушла, переоделась в свою бабью одежду и назад домой. А муж сидит да охает "Что ты охаеть?" -- "Да приходил солдат, всего меня плетью избил." -- "За что?" -- "Велит работать." -- "Давно бы так надо! Жалко, что меня дома не было, я бы попросила еще прибавить." -- "Ну, да ладно же, и он издохнет!" -- "Это от чего?" -- "Да был он на стражении, там его промеж ног... он мне показывал свою рану да спрашивал: подживает ли? Я сказал: заколакивает -- только больно рдится, а кругом мохом обросло!"

С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

25. ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

Ходил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не убил, нарвал орехов и грызет себе. Попадается ему навстречу дедушка леший.

"Дай,-- говорит,-- орешков." Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее, грыз, никак не сладит и говорит: "Я не разгрызу!"

Охотник ему: "Да ты выхолощен али нет?" -- "Нет!" -- "То-то и есть! Давай я тебя охолошу, так и станешь грызть орехи."

Леший согласился. Охотник взял и защебил ему хуй и муде между осинами. "Пусти,-- кричит леший,-- пусти! Не хочу твоих орехов!" -- "Врешь, будешь грызть!" Вырезал ему яйца, выпустил и дал ему взоправской орех. Леший разгрыз. "Ну вот, ведь я сказывал, что будешь грызть!"

Пошел охотник в одну сторону, а леший в другую и грозит ему: "Ну, ладно! Придешь овин сушить, я сыграю с тобою шутку!"

Пришел охотник домой, сел на лавку и говорит: "Ох, жена! Я устал, поди-ка ты овин

сушить." Баба пошла в овин, развела огонь и легла у стенки.

Вот приходят два лесовика и говорят промеж себя. "Давай-ка зажгем овин!" -- "Нет, давай наперво посмотрим, такова ли у него рана, какую он у тебя сделал?" Посмотрели. "Ну, брат! У него еще больше твоей: видишь как посажена -- больше шапки, да какая красная!"

И пошли они прочь -- в свой лес.

26. МУЖИК И ЧЕРТ

ил-был мужик. Посеял он репу. Приходит время репу рвать, а она не поспела. Тут он с досады и сказал: "Чтоб черт тебя побрал!" А сам ушел с поля. Проходит месяц, жена и говорит: "Ступай на полосу: может статься, наберешь репы."

Отправился мужик, пришел на полосу, видит -- репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Вдруг бежит старичок и кричит на мужика: "Зачем воруешь мою репу?" -- "Какая твоя?" -- "А как же, разве ты мне ее не отдал, когда она еще не поспела? Я старался, поливал ее!" -- "А я сажил." -- "Не буду спорить,-- сказал черт,-- ты точно ее сажил, да я поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду. Если ты узнаешь, на чем я приеду, -- то твоя репа, если я узнаю, на чем ты приедешь, то моя репа."

Мужик согласился.

На другой день он взял с собою жену и, подойдя к полосе, поставил ее раком, заворотил подол, воткнул ей в пизду морковь, а волоса

на голове растрепал. А черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивает мужика: "На чем я приехал?" -- "А что ест?" -- спросил мужик. "Осину гложет." -- "Так это заяц!" Стал черт узнавать. Ходил, ходил кругом и говорит: "Волоса -- это хвост, а это голова, а ест морковь!" Тут черт совсем спутался: "Влады, -- говорит, -- мужик репою!"

Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

27. МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

Ил-был мужик с женою. Дождались лета, пришло жнитво, стали они ходить в поле да жать. Вот каждое утро разбудит баба мужика пораньше, он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, сварит обед, нальет кувшинчики и понесет мужу обедать, да до вечера и жнет с ним на поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же.

Надоела мужику работа. Стала баба его будить и посылать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку: "Нет, блядь! Ступай-ка ты наперед, а я дома останусь, а то я все хожу на поле рано, а ты спишь только, да придешь ко мне уж тады, когда я досыта наработаюсь!" Сколько жена ни посылала его, мужик уперся на одном слове: "Не пойду!" -- "Нынче суббота,-- говорит жена,-- надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшена на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтраму сколотить..." -- "Я и сам это обделаю!"-- говорит мужик. "Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю." И

принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши, да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами, а сама взяла серп и пошла в поле.

"Ну, еще маленько посплю!" -- сказал мужик и завалился спать, да и проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит -- работы куча, не знает, за что прежде браться. Взял он рубахи, связал и понес на реку, намочил, да так в воде и оставил: "Пушай повымокнет, потом развешу, просохнет и будет готово." А река-то была быстротекучая, рубахи все за водою и ушли.

Приходит мужик домой, насыпал в квашню муки, налил водою, пушай киснет! Потом насыпал в ступу проса и начал толочь и видит: насадка по сениям бродит, а цыплята все в разные стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочком за ножки и прицепил к курице и опять начал толочь просо. Да вздумал, что еще кринка сметаны стоит, надо сколотить ее на масло. Взял эту кринку, привязал к своей жопе: я, дескать, буду просо толочь, а сметана тем временем станет на жопе болтаться: разом и пшено будет готово, и масло спахтано! Вот и толчет просо, а сметана на жопе болтается.

Тут курица побрела на двор и цыплят за собой потащила. Как вдруг налетел ястреб, ухватил курицу и потащил ее со всеми цыплятами. Курица заквакала, цыплята запищали; мужик услышал, бросился на двор, да на бегу ударился кринкою об дверь, кринку

расшиб и сметану всю пролил. Побежал отнимать у ястреба курицу, а дверей не запер. Пришли в избу свиньи, квашню опрокинули, тесто все поели, и проса добрались: все пожрали. А мужик курицы с цыплятами не отнял, воротился назад -- полна изба свиней, хуже хлева сделала ли! На силу вон выгнал. "Что теперича делать?-- думает мужик.-- Придет хозяйка -- беда будет!"

Все дело чисто убрал -- нет ничего! "Дай-ка пойду рубахи из воды вытащу!" Запряг кобылу и поехал на реку. Он уж искал белья: нету! "Дай-ка в воде поищу!" Разделся, скинул с себя рубашку и штаны и полез в воду, и пошел бродить, а толку все не добьется: так и бросил! Вышел на берег, глядь -- ни рубахи, ни штанов нету, кто-то унес. Что делать-то? Не во что и одеться, надо в деревню голому ехать. "Нарву-ка я себе,-- говорит,-- длинной травы, да обвяжу кляп, сяду в телегу и поеду домой, все не так стыдно будет!"

Нарвал зеленой травы, обвертел свой хуй и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала совсем с хуем. Заголосил мужик о кляпе, коекак добрался в избу, залез в угол и сидит в углу.

"Ну что, все приготовил?" -- "Все, любезная жена!" -- "Где же рубашки?" -- "За водой уплыли". -- "А курица с цыплятами?" -- "Ястреб утащил." -- "А тесто? А просо?" -- "Свиньи съели." -- "А сметана?" -- "Всю разлил." -- "А хуй-то где?" -- "Кобыла съела." -- "Экой ты, сукин сын, наделал добра!"

28. ЖЕНА СЛЕПОГО

ил-был барин с барыней. Вот барин-то ослеп, а барыня и загуляла с одним подьячим.

Стал барин подумывать, не блядует ли с кем жена, и шагу не даст ей без себя сделать.

Что делать?

Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда ж пришел. Захотелось ей дать подьячему.

Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена свое дело справляет, подьячему поддает.

А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится: подьячий на барыне сидит, и рассказывает своей жене: "Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну что как теперь откроет Бог слепому глаза да увидит он, что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет".

-- "И, душенька! Вить и нашей сестре Бог увертку дает!"

-- "А какая тут увертка?"

-- "Тогда узнаешь!"

На тот грех и открыл Господь слепому барину глаза: увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал: "Ах ты, курва! Что ты делаешь, проклятая блядь!"

А барыня: "Ах, как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай-де грех с таким-то подьячим, и Господь за то откроет мужу глаза.

Вот оно и есть правда: за мои труды Бог дал тебе очи!"

29. ТЕТЕРЕВ

Два дня ходил охотник по лесу -- ничего не убил. На третий день дал обещанье: "Что ни убью, то проебу!"

Пошел в лес, напал на тетерева и убил его. Ворочается домой.

Вот увидела из окна барыня, что идет охотник, несет тетерева, и позвала его к себе в горницу.

"Что стоит тетерев?" -- спрашивает барыня. "Этот тетерев у меня не продажный, -- говорит охотник, -- а заветный." -- "Какой же завет?" -- "Да как шел я на охоту, дал обещание: что ни убью, то и проебу." -- "Не знаю, как быть, -- молвила барыня, -- хочется мне тетереvятинки, дюже хочется! Видно, надо делу сбыться. Да мне совестно под тобой лежать..." -- "Ну, я лягу книзу, а ты, барыня, ложись сверху."

Так и сделали.

"Ну, мужик, отдавай тетерева". -- "За что я отдам тебе тетерева? Ведь ты меня ебла, а не я тебя."

Барыне жалко упустить тетерева.

"Ну,-- говорит,-- полезай на меня!" Мужик и в другой раз отделал барыню.

"Давай тетерева!" -- "За что я отдам тебе! Мы только поквитались." -- "Ну, полезай еще раз на меня",-- говорит барыня.

Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз.

"Ну, давай же теперь!"

Как ни жалко было охотнику, а делать нечего -- отдал барыне тетерева и пошел домой.

30. АРХИРЕЙСКИЙ ОТВЕТ

или-были генерал да архирей. Случилось им быть на беседе. Стал генерал архирея спрашивать: "Ваше Преосвященство! Мы люди грешные, не можем без греха жить, не еть. А как же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?"

Архирей отвечает: "Пришлите ко мне за ответом завтра."

На другой день генерал и говорит своему лакею: "Поди к архирею, попроси у него ответа".

Лакей пришел к архирею, доложил о нем послушник.

"Пусть постоит," -- сказал архирей.

Вот стоял лакей час, и другой, и третий; нет ответа.

Просит послушника: "Скажи опять владыке." -- "Пусть еще постоит!" -- отвечал архирей. Лакей долго стоял, стоял, не вытерпел -- лег да тут же и заснул и проспал до утра.

Поутру воротился к генералу и сказывает: "Продержал до утра, а ответу никакого не

дал." -- "Опять;-- говорит генерал,-- сходи к нему да непременно попроси ответа."

Пошел лакей, приходит к архиерею, тот позвал его к себе в келью и спрашивает: "Ты вчера у меня стоял?"

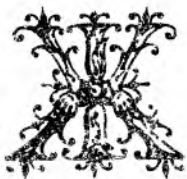
-- "Стоял."

-- "А потом лег и заснул?"

-- "Лег да заснул."

-- "Ну, так и у меня хуй: встанет -- постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и скажи генералу."

31. ПОСЕВ ХУЕВ

или-были два мужика. Вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо старец, подходит к одному мужику и говорит: "Здравствуй, мужичок!" -- "Здравствуй, старичок!" -- "Что ты сеешь?" -- "Рожь, дедушка!" -- "Ну, помоги тебе Бог, зародись твоя рожь высока и зерном полна!"

Подходит к другому мужику: "Здравствуй, мужичок!" -- "Здравствуй, старичок!" -- "Что ты сеешь?" -- "На что тебе знать? Я сею хуи!" -- "Ну и зародись тебе хуи!"

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой.

Как стала весна да пошли дожди -- у первого мужика взошла рожь и густая, и большая, а у другого мужика все хуи красногловые, да так-таки всю десятину и заняли: и ногой ступить негде, все хуи!

Приехали мужики посмотреть, каково их рожь взошла. У одного дух не нарадуется, глядя на свою полосу, а у другого сердце замирает: "Что,-- думает,-- буду я теперича де-

лать с эдакими чертями?" Дождались мужики -- вот и жнитво пришло. Выехали на поле, один зачал рожь жать, а другой смотрит -- у него на полосе поросли хуи аршина в полтора, стоят себе красноголовые, словно мак цветет!

Вот мужик поглазел-поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши, собрал ножи, наточил повострее, взял с собою ниток и бумаги, и опять воротился на свою десятину, и начал хуи срезывать: срежет пару, обернет в бумагу, завяжет хорошенько ниткою и положит в телегу. Посрезывал все и повез в город продавать: "Дай-ка, -- думает, -- повезу, не продам ли какой дуре хоть одну парочку!"

Везет по улице и кричит во все горло: "Не надо ли кому хуев, хуев, хуев! У меня славные, продажные хуи, хуи, хуи!" Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку: "Поди поскорее, спроси, что продает мужичок?" Девка выбежала: "Послушай, мужичок! Что продаешь?" -- "Хуи, сударыня!" Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать. "Сказывай же, дура! -- говорит барыня, -- не стыдись! Ну, что он продает?" -- "Да вот что, сударыня, -- он, подлец, хуи продает!" -- "Эка дура! Беги скорее, догони и да поторгуй, что он с меня за пару возьмет?"

Девка воротила мужика и спрашивает: "Что парочка стоит?" -- "Да без торгу сто рублей." Как только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей: "На, -- говорит, -- поди, да смотри выбери какие п-

лучше, подлиннее да потолще." Приносит девка мужику деньги и спрашивает: "Только, пожалуйста, мужичок, дай каких лучше." -- "Они у меня все хороши уродились!"

Взяла горничная пару добрых хуев, приносит и подает барыне. Та посмотрела и показала ей оченно. Сует она себе куда надеть, а они не лезут: "Что же тебе мужик сказал, -- спрашивает она у девушки, -- как командовать ими, чтобы действовали?" -- "Ничего не сказывал, сударыня." -- "Эка ты дура! Поди сейчас спроси." Побежала опять к мужику. "Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать?" А мужик говорит: "Коли дашь еще сто рублей, так скажу!" Горничная скорее к барыне: так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей. Такую штуку и за двести рублей купить не дорого! Взял мужик новую сотню и говорит: "Коли барыня захочет, пусть только скажет: "Но-но!"

Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол и командует: "Но-но!" Как пристали к ней оба хуя, да как зачали ее нажаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Посылает она горничную: "Поди, догоняй этого сукина сына, да спроси, что надо сказать, чтоб они отстали!" Бросилась девка со всех ног. "Скажи, мужичок, что нужно сказать, чтоб хуи от барыни отстали? А то они барыню совсем замучили." А мужик: "Коли даст еще сто рублей, так скажу!" Прибегает девка домой, а барыня еле жива на кровати лежит.

"Возьми в комод последние сто рублей, да неси подлецу поскорее! А то смерть моя приходит!" Взял мужик и третью сотню, и говорит: "Пусть она только скажет "тпру" -- они сейчас и отстанут".

Прибежала горничная и видит: барыня уж без памяти и язык высунула, вот она сама крикнула на них "тпру!" Оба хуя сейчас выскочили. Полегчало барыне. Встала она с кровати, взяла и припрятала хуи и стала жить в свое удовольствие: как только захочется -- сейчас достанет их, скомандует, и хуи станут ее отработывать, пока не закричит барыня: "Тпру!"⁶

В одно время пришлось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти хуи с собою. Побывала в гостях до вечера и стало ей скучно: собирается домой. Тут зачали ее упрашивать, чтоб осталась переночевать. "Никак невозможно,-- говорит барыня,-- я позабыла дома одну секретную штуку, без которой мне не заснуть!" -- "Да коли хотите,-- отвечают ей хозяева,-- мы пошлем за нею хорошего, надежного человека, чтоб привез ее в целости." Барыня согласилась. Сейчас нарядили лакея, чтоб оседлал доброго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь. "Спроси,-- сказывает барыня,-- у моей горничной, уж она знает, где эта штука спрятана."

Вот лакей приехал, горничная вынесла ему два хуя, оба завернуты в бумагу, и отдала. Лакей положил их в задний карман, сел верхом и поехал назад. Пришлось ему по дороге

взъезжать на гору, а лошадь-то была ленивая, и только что начал он понукать ее: "Но-но!" -- как они вдруг выскочили оба и ну его жаривать в жопу. Холуй ажно испугался! Что за чудо такое, откуда они, проклятые, взялись? Пришло холую хоть до слез, не знает как и быть! Да стала лошадь с горы спускаться прытко, так он закричал на нее: "Тпру!" Уи сейчас из жопы и повыскакивали вон. Вот он подобрал их, завернул в бумагу, привез и подает барыне. "Что, благополучно?" -- спрашивает барыня. "Да ну их к черту, -- говорит холуй, -- коли б на дороге да не гора, они заебли б меня до двора!"⁷

32. ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО⁸

некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата крестьянина. Повздорили меж собой и стали делиться: поделили имение не поровну -- старшим досталось много, а третьему по жребию пришлось мало.

Все они трое были холостые. Сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя: пора-де нам жениться! "Вам хорошо,-- говорит младший брат,-- вы богаты и у богатых сосватались, а мне-то что делать? Я беден, нет у меня ни полена, только и богатства, что хуй по колена!" В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе: "Ах, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него хуй-та по колена!"

Вот старшие братья поженились, а меньшой ходит холостой. А купеческая дочка как пришла домой, только на разуме и держит, чтобы выйти за него замуж. Сватали ее разные богатые купцы, только не выходит за них. "Ни за кого,-- говорит,-- не пойду за-

муж, кроме за такого-то молодца." Отец и мать ее уговаривали: "Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?" Она отвечает: "Нужды вам нет до этого! Не вам с ним жить!"

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит: "Послушай, голубчик! Ты что зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет." Молодец сейчас собрался, надел новый армяк, взял новую шапку и пошел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидела его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самой, у которого хуй по колену, не стала и разговаривать, начала просить у отца-матери их родительского на веки нерушимого благословения.

Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него хуишка так себе, меньше перста. "Ах, ты, подлец!-- закричала на него.-- Ты хвастался, что у тебя хуй по колену, где же ты его дел?" -- "Ах, жена-сударыня! Вить ты знаешь, что я холостым был очень беден, как стал собираться играть свадьбу -- денег у меня не было, не на что было подняться, я и отдал свой хуй под заклад." -- "А за сколько ты его заложил?" -- "Не за много, всего за пятьдесят рублей". -- "Ну, хорошо же, завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свой хуй, а не выкупишь -- и домой не ходи!"

Дождалась утра и сейчас побежала к ма-

тушке: "Дай мне пятьдесят рублей, очень нужно!" -- "Да скажи, на что нужно-то?" -- "А вот, матушка, для чего: у моего мужа был хуй по колена, да как стали мы играть свадьбу, ему, бедному, не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теперича у моего мужа хуишка так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить его старой хуй!" Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери. Та прибегает домой, отдает мужу деньги и говорит: "Ну, теперича беги как можно скорее, выкупи свой старой хуй: пускай чужие люди им не пользуются!"

Взял молодец деньги и пошел с очей долой, идет и думает: "Куда мне теперича деваться? Где такого хуя жене достать? Пойду, куда глаза глядят!"

Шел он близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли и повстречал старуху. "Здравствуй, бабушка!" -- "Здравствуй, доброй человек! Куда путь держишь?" -- "Ах, бабушка! Колиб ты знала, ведала мое горе, куда я иду!" -- "Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособлю." -- "Сказать-то стыдно!" -- "Небось, не стыдись, а говори смело!" -- "А вот, бабушка! Похвастался я, что хуй у меня по колена, услышала эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночь и увидела, что хуишка мой так себе, меньше перста, она заартачилась, стала спрашивать: куда девал большой хуй? А я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей. Вот она дала мне эти день-

ги и сказала, чтоб непременно его выкупил, а коли не выкуплю -- чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и делать-то!" Старуха и говорит: "Отдай мне свои деньги, я пособлю твоему горю!" Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей, а старуха дала ему кольцо. "Надевай только на один ноготок."

Парень взял кольцо и надел. Как надел на ноготок -- хуй у него сделался сразу на локоток. "Ну что?-- спросила старуха.-- Будет твой хуй по колена?" -- "Да, бабушка, еще хватил пониже колен." -- "Ну-ка, голубчик, надвинь кольцо на целой перст." Он надвинул кольцо на целой перст -- у него хуй вытянулся на семь верст. "Эх, бабушка! Куда ж я его дену? Вить мне с ним беда будет!" А старуха: "Надвинь кольцо опять на ноготок -- будет с локоток. Теперича с тебя довольно! Смотри ж, всегда надевай кольцо только на-один ноготок."

Он поблагодарил старуху и пошел назад домой. Идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене.

Шел, шел и захотелось ему поесть, своротил он в сторону и сел неподалеку от дороги около репейника, вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось ему отдохнуть, он тут же лег вверх брюхом и любуется кольцом: надвинул на ноготок -- хуй поднялся вверх на локоток, надвинул на целой перст -- хуй поднялся на семь верст, снял кольцо и хуишка стал маленькой, по-прежнему да по-старому. Смотрел-смотрел

на кольцо да так и уснул, а кольцо позабыл спрятать, осталось оно у него на груди.

Проезжал мимо один барин с женою и увидал: спит неподалеку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лошадей и говорит лакею: "Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне." Лакей сейчас побежал и принес кольцо к барину.

Вот они и поехали дальше. А барин любит колючку: "Посмотри, душенька,-- говорит своей жене,-- какое славное кольцо, дай-ка я надену его." И сразу надвинул на целый перст -- у него хуй вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потрафил кобыле под хвост, кобылу пихает да коляску вперед подвигает.

Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громким голосом на лакея: "Беги скорей назад к мужику, тащи его сюда!"

Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит: "Иди, мужичок, скорее к барину!" А мужик кольцо ищет. "Мать твою так! Ты кольцо взял?" -- "Не ищи,-- говорит лакей,-- иди к барину, кольцо у него, оно, брат, много хлопот нам наделало!"

Мужик побежал к коляске. Барин просит его: "Прости меня! Пособи моему горю!" -- "А что дашь, барин?" -- "Вот те сто рублей!" -- "Давай двести, так пособлю!" Барин вынул двести рублей, мужик взял деньги, да и стащил у него с руки кольцо -- хуя того как и не бывало, остался у барина его старой хуишка⁹.

Барин уехал, а мужик пошел с своим кольцом домой.

Увидала его жена в окошечко, выбежала навстречу. "Ну что,-- спрашивает, -- выкупил?" -- "Выкупил." -- "Ну, покажь!" -- "Ступай в избу, не на дворе ж тебе показывать!" Вошли в избу, жена только и твердит: покажь да покажь! Он надвинул кольцо на ноготь -- стал хуй у него с локоток, вынимает его из порток и говорит: "Смотри, жена!" Она зачала его целовать: "Вот, муженек! Пушай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях! Давай-ка побыстрее пообедаем, ляжем да попробуем!" Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков, поит да кормит его. Пообедали и пошли отдыхать. Как пробрал он жену своим хуем, так она целые три дня под подол себе засматривала: все ей мерещится, что промеж ног торчит!

Пошла она к матери в гости, а муж тем временем вышел в сад и лег под яблоней. "Что же,-- спрашивает мать у дочери,-- выкупили хуй-то?" -- "Выкупили, матушка!" Вот купчиха только о том и думает, как бы ухитриться сбегать к зятю да попробовать его большого хуя. Дочь-то заговорила, а теща и удрала к зятю, прибежала в сад, смотрит -- а зять спит себе, кольцо у него надето на ноготок -- хуй стоит с локоток. "Дай-ка я теперича залезу к нему на хуй",-- думает теща, взлезла и давай на хую покачиваться. Вот на ту беду надвинулось как-то кольцо у сонного зятя на целой перст -- и потащил хуй тещу вверх на семь верст!

Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой, в избу -- нет никого, она в сад, смотрит -- муж спит, его хуй высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу, как ветром поддаст -- она так и завертится на хую, словно на рожне. Что делать, как ма-тушку с хуя снять?

Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать. Одни говорят: "Больше нечего делать, как взять топор да хуй подрубить", а другие говорят: "Нет, это не годится! За что две души погубить: как срубим хуй -- вить баба на землю упадет -- убьется. Лучше миром помолимся, авось каким чудом старуха с хуя свалится!"

На ту пору проснулся зять, увидел, что у него кольцо надето на весь перст, а хуй торчит к небу на семь верст и крепко прижал его самого к земле, так что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал у него хуй убывать, сдвинул на ноготь -- стал хуй с локоть, и видит зять, что на хую торчит теща. "Ты, ма-тушка, как сюда попала?" -- "Прости, зятюшка, больше не стану!"¹⁰

33. РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ

некотором царстве, в некотором государстве жил богатый мужик, у него был сын по имени Иван. "Что ты, сынок, ничем не займешься?" -- говорит ему отец. "Еще поспею! Дай-ка мне сто рублей денег да благослови на промысел."

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел Иван в город, идет мимо господского двора и увидал в саду барыню: очень из себя хороша; остановился, смотрит сквозь решетку. "Что ты, молодец, стоишь?" -- спросила барыня. "На тебя, барыня, засмотрелся: уж больно ты хороша! Коли б ты мне свои ноги по щиколотки показала -- отдал бы тебе сто рублей!" -- "Отчего не показать! На смотри!" -- сказала барыня и приподняла свое платье.

Отдал он ей сто рублей и воротился домой. "Ну, сынок, -- спрашивает отец, -- каким товаром занялся? Что сделал на сто рублей?" -- "Купил место в лесу для лавки; дай еще двести рублей, надо заплатить плотникам за работу." Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада.

Барыня увидела и спрашивает: "Зачем, молодец, опять пришел?" -- "Пусти меня, барыня, в сад да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей." Она приподняла подол и показала свои коленки. Парень отдал ей деньги, поклонился и воротился домой. "Что, сынок, устроился?" -- "Устроился, батюшка; дай мне еще триста рублей, я товару накуплю."

Отец дал ему триста рублей, а сын сейчас отправился к барынину саду, стоит и глядит сквозь решетку. А отец думает: "Дай-ка схожу, посмотрю на его торговлю!" Пошел за ним следом и посматривает. "Зачем, молодец, опять пришел?" -- спросила барыня. Парень отвечал ей: "Не во гнев тебе сказать: позволь мне поводить хуем по твоей пизде, я тебе за то дам триста рублей." -- "Пожалуй!"

Пустила его в сад, взяла деньги и легла на траву; а парень скинул портки и стал хуем тихонько по губам поваживать, и так раззадорил, что барыня сама просит: "Ткни в срединку! Пожалуйста, ткни!" А парень не хочет: "Я просил только по губам поводить." -- "Я отдам тебе назад все твои деньги," -- говорит барыня. "Не надо!" А сам все знай поваживает по губам-то. "Я у тебя шестьсот взяла, а отдам тысячу двести, только ткни в срединку!"

Отец глядел-глядел, не вытерпел и закричал из-за решетки: "Бери, сынок! Копейка на копейку хороший барыш!" Барыня услышала, да как вырвется и убежала.

Остался парень без копейки и заругал отца: "Кто просил тебя кричать-то, старый хрен!"

34. ПО-СОБАЧЬИ

некотором царстве жил-был дворянин, у него была дочь-красавица. Пошла она как-то погулять, а лакей идет за ней позади да думает: "Эка ловкая штука! Ничего б, кажись, не жалел в свете, только б отработать ее хоть один разок, тогда б и помирать не страшно было!" Думал, думал, не вытерпел и сказал потихоньку: "Ах, прекрасная барышня! Шаркнул бы тебя хоть по-собачьи!" Барыня услышала эти слова и, как воротилась домой, дождалась ночи и позвала к себе лакея. "Признавайся, мерзавец, -- говорит ему, -- что ты говорил, как я гулять ходила?" -- "Виноват, сударыня! Так-то и так-то говорил." -- "Ну, коли хотел, так и делай по-собачьи, не то все папинеке расскажу..."

Вот барыня заворотила подол, стала посреди горницы раком и говорит лакею: "Нагибайся да нюхай, как собаки делают!" Холуй нагнулся и понюхал. "Ну, теперича языком лизни, как собаки лижут!" Лакей лизнул раз, и два, и три раза. "Ну, теперь бегай вокруг меня!"

Начал он кругом барыни бегать; обежал разов десяток да опять пришлось нюхать и лизать ей языком. Что делать? Морщится да нюхает, плюет да лижет! "Ну, теперича на первый раз будет!"-- сказала барышня,-- ступай ложись себе спать, а завтра вечером опять приходи."

На другой день вечером опять барышня позвала к себе лакея: "Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякой же день за тобой посылать; сам знай свое дело!" Сейчас заворотила подол и стала раком, а лакей стал ей под жопою нюхать и языком в пизде лизать; обежит ее разов десять да опять понюхает да полижет.

Эдак долгое время угощала его барышня да потом сжалилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила вину. Лакей отработал да и думает: "Ну, ничего! Хоть и полизал да свое взял."

35. ДВЕ ЖЕНЫ

или-были два купца, оба жена-тые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец и говорит: "Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит." -- "Давай. Да как пробу-то сделать?" -- "А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и любит мужа." Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается, а другая прощается и сама смеется.

Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой. "Ишь как жена-то тебя любит,-- говорит один,-- как она плакала-то на прощаньи, а моя стала прощаться, а сама смеяться!" А другой говорит: "Вот что, брат! Теперя жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают." -- "Хорошо!"

Воротились к ночи и вошли в город пешие. Подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощаньи горько плакала.

Смотрят в окошко. Она сидит с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит: "На, милая, выпей!" Она выпила и говорит: "Друг ты мой любезный! Теперя я твоя." -- "Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!" Она оборотилась к нему жопою и говорит: "Вот ему, блядскому сыну, -- одна жопа!" Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: "Подаждь, Господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!" -- "Ну вот, -- говорит один купец другому, -- теперь поедем торговать."

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая удача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж и домой. Стали собираться назад и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена Богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на одну жопу. "Вить моя одна жопа! Так только мне пол-аршина и надобно -- я свою жопу не хочу паскудить!"

Приехали и отдали женам гостинцы. "Что же ты купил здакий лоскут?" -- говорит жена с сердцем. "А ты вспомни, блядь, как сидела ты с любовником и говорила, что моя только жопа, -- ну, я свою часть и снарядил. Нашей парчу на жопу да и носи."

36. СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ

была-жила молодая барыня, много перебивало у ней лакеев, и все ей казались похабными, и она прогоняла их от себя. Вот один молодец и сказал: "Дай-ка я пойду к ней наймусь!" Пришел наниматься. "Смотри, голубчик,-- говорит барыня,-- я не пожалею денег, только с тем условием, чтоб ты не говорил ничего похабного!" -- "Как можно говорить похабное!"

В одно время поехала барыня в свою вотчину, стала подъезжать к деревне, смотрит: ходит стадо свиней, и один боров взлез на свинью, и так его с той работы припирало, что изо рта пена клубом валит. Барыня спрашивает лакея: "Послушай!" -- "Чего изволите, сударыня?" -- "Что это такое?" Лакей был не промах: "А это,-- говорит, вот что: под низом, должно быть, какая-нибудь родня -- сестра или тетка, а на верху-то брат или племянник; он не крепко здоров, вот она и тащит его домой на себе." -- "Да, да, это точно так!" -- сказала барыня и засмеялась.

Ехали-ехали, ходит другое стадо.

И один бык взлез на корову. "Ну, а что это такое?" -- спросила барыня. "А это вот что: у коровы-то сила плохая и прокормиться не сможет, кругом себя траву общипала, вот бык и попихивает ее на свежую травку." Барыня опять засмеялась: "Это точно, так!"

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу. "А это что такое?" -- "А вон, сударыня, изволите видеть, за лесом-то дым, должно быть, горит что-нибудь; так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть." -- "Да, да -- это правда!" -- сказала барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

И приехали они к реке. Барыня начала раздеваться да полезла в воду.

А лакей стоит и смотрит. "Если хочешь со мною купаться -- раздевайся скорее!" Лакей разделся и полез купаться. Она увидела у него тот струмент, которым делают живых людей, затряслась от радости и стала спрашивать: "Посмотри, что это у меня?" -- а сама на дыру показывает. "Это колодезь," -- говорит лакей. "Да, это правда! А у тебя это что такое висит?" -- "Это конь называется." -- "А что, он у тебя пьет?" -- "Пьет, сударыня; нельзя ли попоить в вашем колодезе?" -- "Ну, пусти его, да чтоб он сверху напился, а глубоко его не пускай!" Лакей пустил своего коня к барыне и стал ее раззадоривать. Стало ее разбирать, стала она приказывать: "Пушай его дальше, пушай его дальше, чтобы хорошенько напился!" Вот тут-то он натешился, насили из воды оба вылезли¹².

37. ДОБРЫЙ ОТЕЦ

одной деревне жил веселый старик, у него были две дочери -- хорошие девицы. Знали их подруги и привычны были к ним на поседки сходиться. А старик сам был до девок лаком; завсегда по ночам, как только они уснут, то и ползет шупать, и какой подол ни заворотит -- ту и отбработает; а девка все молчит, такое уж заведение было. Ну, мудреного нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробовал, кроме своих дочерей.

Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились да потом разошлись все по домам: той сказано молотить рано по утру, другой мать ночевать наказала дома, у третьей отец хворает. Так все и разошлись. А старик храпел себе на полатах, и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам, и таки нащупал на казенке большую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она спросонок отцу подмахнула.

Встает поутру старик и спрашивает свою хозяйку: "А что, старуха, рано ли ушли от нас ночевщицы?" -- "Какие ночевщицы? Девки еще с вечера все ко дворам ушли." -- "Что ты врешь! А кого же я на казенке-то дячил?" -- "Кого? Вестимо кого: знать, большую дочуху."

Старик засмеялся и говорит: "Ох, мать ее разтак!" -- "Что, старой черт, ругаешься?" -- "Молчи, старая кочерга! Я на доньку-то смеюся; вить она лихо подъебать умеет!" А меньшая дочь сидит на лавке да обертывает онучею ногу, хочет лапоть надевать, подняла ногу да и говорит: "Вить ей стыдно не подъебывать-то; люди говорят: девятнадцатой год!" -- "Да, правда! Евто ваше ремесло!"

38. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП РОДИЛ ТЕЛЕНКА

Был-жил поп и попадья. У них был казак, по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была.

Вот однажды поехал поп с казакom по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два.

Вдруг пришло к сему стадо коров.

Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту.

Тотчас вместе dokonчили работу и поехали домой.

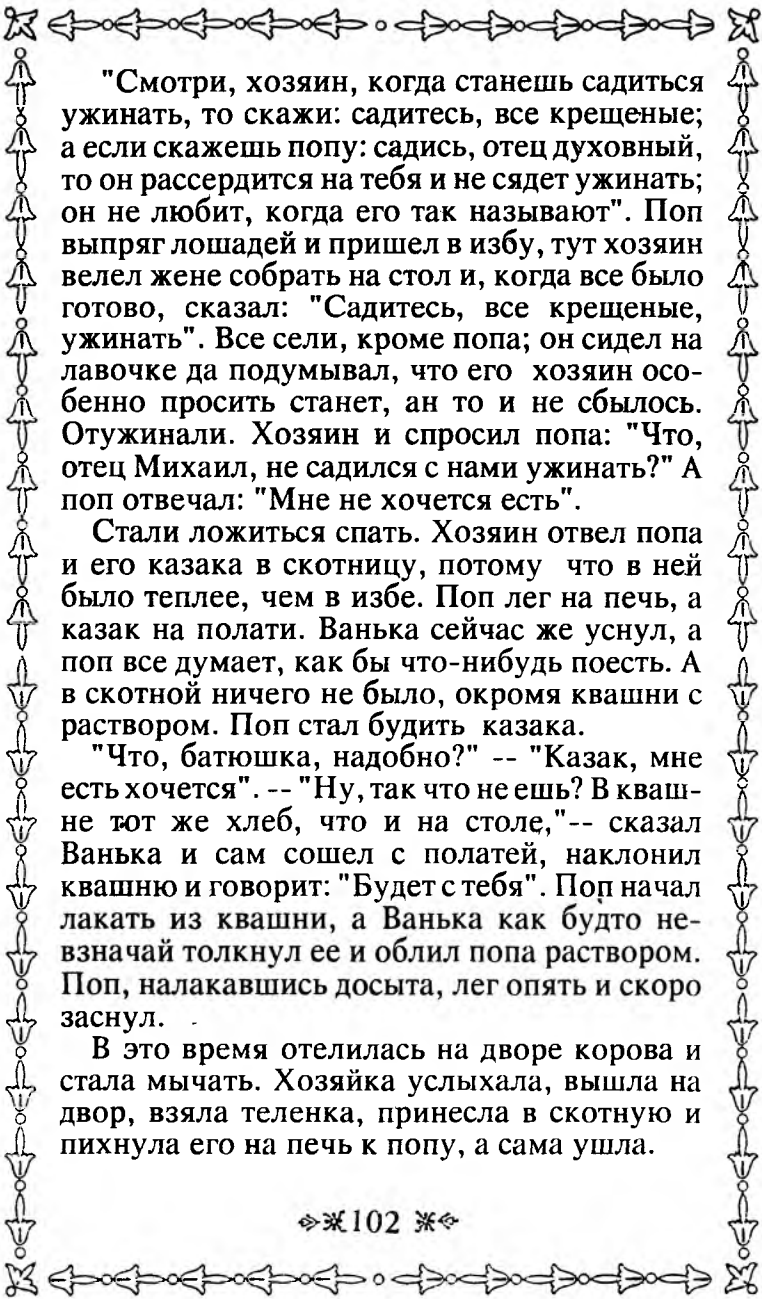
Было темно.

-- "Ванька,-- сказал поп,-- не лучше ли нам ночевать в деревне, хоть у Гвоздя: он -- мужик добрый, да у него и двор-то крытый."

-- "Хорошо, батюшка, "-- отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика.

Казак вошел в избу, помолился богу, поклонился хозяину и сказал:

"Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: садитесь, все крещенные; а если скажешь попу: садись, отец духовный, то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют". Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал: "Садитесь, все крещенные, ужинать". Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, а то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа: "Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?" А поп отвечал: "Мне не хочется есть".

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было теплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас же уснул, а поп все думает, как бы что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, кроме квашни с раствором. Поп стал будить казака.

"Что, батюшка, надобно?" -- "Казак, мне есть хочется". -- "Ну, так что не ешь? В квашне тут же хлеб, что и на столе," -- сказал Ванька и сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит: "Будет с тебя". Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул.

В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услышала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу, а сама ушла.

Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком; схватил рукой теленка и стал будить казака.

"Что опять понадобилось?" -- сказал Ванька. А поп: "Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю, откуда он явился!" -- "Вот еще что выдумал! Сам родил теленка да и говорит: не знаю, откуда взялся". -- "Да как же это так могло случиться?" -- спрашивает поп.

"А вот как: помнишь, батюшка, как мы се-но клали, мало ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка!" -- "Ванька, как бы сделать, чтобы попадя не узнала?" -- "Давай триста рублей, все сделаю, никто не узнает".

Поп согласился.

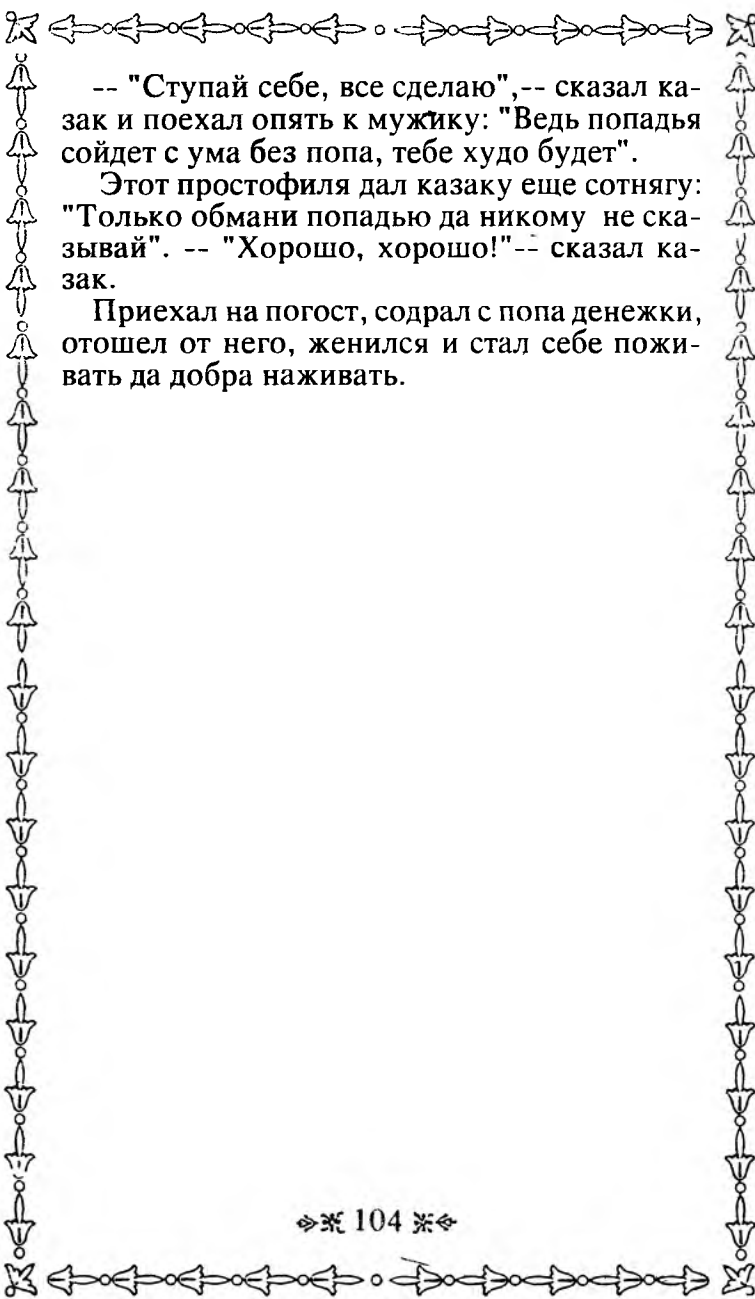
"Смотри же, -- говорит казак попу, -- ступай теперь тихонько домой, да надень вместо сапогов мои липовки."

Только что ушел поп, казак тотчас к хозяину: "Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги. Ступайте посмотрите".

Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтоб обделать это дело так, чтобы никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом.

Нагнал его и говорит: "Батюшка, теленка-то хозяин хочет привести к попаде да сказать, что ты его родил".

Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: "Только обделай все тихонько!"

-- "Ступай себе, все сделаю", -- сказал ка-
зак и поехал опять к мужику: "Ведь попадья
сойдет с ума без попа, тебе худо будет".

Этот простофиля дал казаку еще сотнягу:
"Только обмани попадью да никому не ска-
зывай". -- "Хорошо, хорошо!" -- сказал ка-
зак.

Приехал на погост, содрал с попа денежки,
отошел от него, женился и стал себе пожи-
вать да добра наживать.

39. ПОП И ЗАПАДНЯ

одной деревне был мужик, промыслом мясник: бил он скотину да продавал говядину, а мясо-то хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки и таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан: прибежала попова собака и попала в капкан да и сдохла.

Жалко попу собаки, а делать нечего, купил другую и боится: как бы и эта не пропала. Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался; пришел к сараю, скинул штаны, взлез на окно и ну срать в капкан. А капкан как спустится да как схватит попу за муде -- закричал он благим матом!

Прибежал мужик. "Ах, мать твою разьедак! Какой черт тебя занес сюда? Уж впрямь -- дурья порода!"

Сбежался народ, кое-как отцепили попу, а он тут же издох, так и повалился.

40. ПОП, ПОПАДЬЯ, ПОПОВНА И БАТРАК

Обрался поп нанимать себе работника, а попадья ему приказывает: "Смотри, поп, не нанимай похабника, у нас дочь невеста!" -- "Хорошо, мать! Не найму похабника."

Поехал поп, едет себе путем-дорогою, вдруг попадается ему навстречу молодой парень, идет пешком-шажком. "Здравствуй, батька!" -- "Здравствуй, свет! Куда Бог несет?" -- "Хочу, батька, в работники наниматься". -- "А я, свет, еду искать работника; наймись ко мне." -- "Изволь, батька!" -- "Только с тем уговором, свет, чтоб по-соромски¹³ не ругаться." -- "Я, батька, отродясь не слыхивал, как и ругаются-то." -- "Ну, садись со мной: мне такого и надо." А поп ехал на кобыле; вот он поднял ей хвост и указывает кнутовищем на кобылью пизду: "А это, свет, что?" -- "Пизда, батька!" -- "Ну, свет, мне эдаких похабников не надо, ступай, куда хошь!"¹⁴

Парень видит, что дал маху, делать нечего, слез с телеги и стал раздумывать, как бы ухитриться да надуть попа.

Вот он обогнал попа стороною, забежал вперед, шубу свою выворотил и опять идет навстречу: "Здравствуй, батька!" -- "Здравствуй, свет! Куда Бог несет?" -- "Да вот, батька, иду наниматься в работники." -- "А я, свет, ищу работника, иди ко мне жить, только с уговором: не ругаться по-соромски; кто из нас выругается по-соромски, с того сто рублей! Хочешь?"

-- "Изволь, батька, я и сам терпеть не могу таких ругателей!" -- "Ну, хорошо! Садись, свет, со мною." Парень сел, и поехали вместе в деревню.

Вот поп отъехал маленько, поднял у кобылы хвост и показывает кнутовищем на пизду: "Это, свет, что такое?" -- "Это тюрьма, батька!" -- "Ай, свет, я такого и искал себе работника!"

Приехал поп домой, вошел с батраком в избу, задрал у попадьи подол, показывает на пизду пальцем: "А это что, свет?" -- "Не знаю, батюшка! Я сроду не видывал такой страсти!" -- "Не робей, свет! Это тоже тюрьма." Потом кликнул свою дочь, заворотил ей подол, показывает на пизду: "А это что?" -- "Тюрьма, батюшка!" -- "Нет, свет! Это под-тюрьмок."¹⁵

Пужинали и легли спать; батрак взлез на печь, собрал поповы носки, надел их на хуй обеими руками и закричал во все горло: "Батька! Я вора поймал! Дуй скорей огня!" Поп вскочил, бегаёт по избе, словно бешеный: "Не пускай его, держи его!" -- кричит батраку. "Небось не вырвется!"

Поп вздул огонь, полез на печь и видит: батрак держится за хуй, а на хую надеты носки. "Вот он, батюшка, вишь, все носки твои заграбастал; надо наказать его, мошенника!"-- "Что ты, с ума, что ли, спятил?"-- спрашивает поп. "Нет, батька, я не люблю вора́м потачку давать; вставай, мать! Давай-ка его, мошенника, в тюрьму сажать." Попадья встала, а батрак ей: "Становись-ка раком!"

Делать нечего, стала попадья раком, батрак и зачал ее осаживать. Поп видит, дело плохо, и говорит: "Что ты, свет, делаешь? Ведь ты ебешь!" -- "А, батька! Уговор-то был по-соромски не ругаться, заплати-ка сто рублей!" Пришлось попу раскошелиться, а работник отъеб попадью, держит хуй в руках да свое кричит: "Этого тебе, каналья, мало, что в тюрьме сидел, еще в подтюремок посажу тебя! Ну-ка, голубушка,-- говорит попвне,-- отвори́й подтюремок!" Поставил и ее раком да зачал осаживать по-своему. Попадья накинута́сь на попа: "Что ты смотришь, батька! Ведь он дочь нашу ебет!" -- "Молчи, говорит ей поп,-- за тебя заплатил сто рублей, не прикажешь ли заплатить и за нее столько же? Нет, пускай делает, что хочет, а я ничего говорить не стану!"

Отработал батрак поповну как нельзя лучше. Тут поп и прогнал его из дому¹⁶.

41. ПОРОСЕНОК

ил-был в одном селе поп, толконный лоб; у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любо-дорого посмотреть. Вот и нанял себе поп батрака: дитина ухарской! Живет у попа месяц, и другой, и третий. На ту пору у богатого мужика на деревне родила баба; приехал мужик и зовет попу окрестить младенца: "Да милости просим, батюшка, пожалуйста вместе с матушкою, не оставьте!" А поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощением обосраться рада.

Вот поп запрег кобылу и уехал с попадьею на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печи-то у попадьи было припасено два жареных поросенка. "Послушай, что я скажу,-- стал говорить он поповне,-- давай съедим этих поросят, вить попу с попадьею дома нету". -- "И то, давай!" Он сейчас достал одного поросенка, и съели вдвоем. "А другого, -- говорит он поповне, -- давай я запрячу тебе под подол, да после сами съедим!"

А когда поп с попадьею спросят про поросят -- заодно скажем, что кошка съела!" -- "Да как же ты под подол спрячешь?" -- "Уж не твое дело! Я знаю как". -- "Ну, хорошо, прячь!" Он велел ей нагнуться (стать раком), поднял подол да и давай прятать своего сырова ей в пизду. "Ах, как хорошо ты прячешь! -- говорит поповна, -- да как же я его оттуда выну?" -- "Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!"

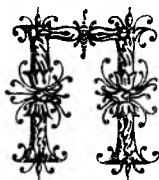
Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у нее брюхо расти, она стала поминутно на двор бегать: у ней в брюхе шевелится-то ребенок, а она думает -- поросенок; выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыпет на пол овес да манит: чух, чух, чух! Авось выйдет!

Раз как-то и увидал это поп, и стал с попадьею думать: "Ведь непременно дочь брюхата, давай-ка спросим у нее, с кем ее лукавый стрес?" Призвали дочку. "Аннушка, подь сюда! Что это с тобой, отчего ты очижелела (отяжелела)?"

Она смотрит в оба и молчит. "Что такое, -- думает, -- меня спрашивают." -- "Ну, скажи же, отчего ты забрюхатела?" Поповна молчит. "Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?" -- "Ах, маминька, ведь у меня в животе поросеночек, мне его батрак засадил!"

Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл¹⁷.

42. ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великой пост; надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкой и пошел к попу. "Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это что у тебя такое?" -- "Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!" -- "Ну, это дело хорошее! Чай, замерзла?" -- "Замерзла, все на погребке лежала". -- "Ну, когда-нибудь растает!" -- "Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да бзднул." -- "Что это за грех! Я и сам один раз в алтаре перднул. Это ничего, свет! Ступай с Богом."

Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено. "Ах ты, бздун проклятый! Где ж белорыбица-то?!" -- "Хуя не хочешь ли, пердун эдакой?"

43. ПОП И МУЖИК¹⁸

В некотором царстве, в некотором государстве, а по правде сказать, в том, где мы живем, жил-был мужик, у него была молодая жена; вот мужик-то пошел на заработки, а жена осталась дома беременная. А попу давно она приглянулась, и хочется ему, как бы умудриться да мужику в карман насрать.

Дождался он: пришла баба к нему на исповедь. "Здравствуй, Марья!-- говорит поп, -- где твой муж теперь?" -- "Пошел работу искать, батюшка!" -- "Ах он, мошенник! Как же он тебя-то оставил? Ведь он заклал ребенка, да не доделал! Родишь теперь какого-нибудь уродца, безрукого или безногого! И пойдет про тебя худая слава на целый уезд". Баба была проста. "Что же мне делать, батюшка? Нельзя ли помочь этому горю?" -- "Похлопотать-то можно, только разве для тебя, а для твоего мужа ни в жисть бы не согласился!" -- "Похлопочи, батюшка!" -- просит баба со слезами.

-- "Ну, так и быть, я тебе ребенка доделаю!

Приходи уже вечером к нам в сарай. Я пойду за кормом скотине, тут тебе и исправлю." -- "Спасибо, батюшка!"

Пришла баба вечером к попу в сарай. "Ну, ложись, голубушка, хоть на солому." Легла баба и ноги растопырила: поп отвалил ее разов шесть и говорит: "Ступай домой с Богом! Теперь все благополучно." Баба стала попу кланяться да благодарствовать.

Вот воротился мужик домой, а баба сидит и губы надула -- такая сердитая! "Что ты рыло-то воротишь?-- спросил мужик.-- Смотри, как бы я те не утер его!" -- "Поди-кась! Твое дело только гадить: ишь, пошел из дому, а ребенка так и оставил недоделанным! Спасибо -- поп уж смиловался -- доделал, а то родила бы тебе урод!" Видит мужик, что поп насрал ему в карман. "Погоди ж,-- думает,-- и я тебе навалю!"

Пришло время, родила баба мальчишку, поехал мужик звать попа на крестины. Собрался поп, окрестил младенца и сел за стол да стал попивать водочку. "Экая славная водка!-- говорит поп хозяину.-- Ты бы послал кого за попадьей, и она б выпила." -- "Я сам пойду за ней, батюшка!" -- "Поди, свет!"

Пришел мужик и зовет попадьей. "Спасибо, что нас не забываешь! Сейчас оденусь!"-- говорит попадья. Стала убираться да наряжаться, положила на лавку золотые серьги, а сама принялась умываться; только смочила глаза водой -- а мужик взял и спрятал к себе серьги. Умылась попадья и давай искать серег -- нет нигде.

"Не ты ли, мужичок, взял?" -- спрашивает она у мужика. "Как можно, матушка! Я хоть и видел, куда они запропастились, да сказать совестно." -- "Ничего, сказывай!" -- "Ты, матушка, на скамью-то села, а пизда их и съела!" -- "Нельзя ли как достать их оттуда?" -- "Пожалуй, для тебя постараюсь!"

Заверотил ей подол, запендрячил и начал валять; отделал раз, другой и вытащил свой кляп и повесил ему на плешь одну сережку. "Вот достал, матушка!" Слазил на попадью еще раза два, достал и другую серьгу. "Замучился ты, бедной! Да уж потрудишься еще: третьего года пропал у нас медный чугун, поищи его, нет ли и его там!" Отработал ее мужик еще раза два. "Нет, матушка, не достанешь! Чугун-то он тут, да повернулся дном кверху, зацепить не за что!"

Вот покончивши это дело, пришла попадья к мужику на крестины и говорит: "А ты, батька, чай заждался?" -- "И то заждался!.. Тебя (говорит мужику) только за смертью посылать!" -- "Что ты, батька, вить у меня было серьги пропали, я положила их на лавку да сама-то села, а пизда их и съела; спасибо мужику, уж он мне достал!" Поп услышал и надулся, сидит как сын.

Вот тебе, невестка, на отместку¹⁹.

44. ПОП И БАТРАК²⁰

ил поп с попадьёю; у них были две дочери. Нанял себе поп работника; дождался весны, сам поехал на богомолье, а работнику приказывает: "Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород скопал и гряды поделал." -- "Слушаю, батюшка!"

Вот батрак кое-как скопал огород колом да все время и прогулял. Воротился поп, пошел с попадьёй на огород, видит -- ничего не сделано. "Эх ты, свет! Ужли ж не знаешь, как огороды копают?" -- "То-то и оно, что не знаю! Коли б знал -- так бы и сделал." -- "Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку; я тебе покажу, как копать-то."

Батрак побежал в горницу прямо к дочерям: "Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтоб вы обе мне дали." -- "Чего?" -- "Сами знаете чего -- поеть!" Поповны на него заругались. "Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорей меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами спросите."

Одна сестра сейчас выбежала на крыльцо и кричит: "Батюшка! Вы приказали дать работнику?" -- "Дайте ему поскорее: что вы его там держите!" -- "Ну, сестрица,-- говорит воротившись поповна,-- нечего делать, надо ему дать: батюшка приказал."

Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и побежал к батьке на огород. Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смотрит, а дочери плачут. "О чем вы плачете?" -- "Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел, чтоб мы ему дали!" -- "Ну, что ж?" Я велел дать ему лопату." -- "Какую лопату! Он нас обеих перепортил, невинность нашу нарушил."

Поп как услышал это, сильно рассердился; схватил кол и прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему -- не с добром, бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батрак шибче, так и укрывлся с батькиных глаз.

Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок. "Здравствуй, свет!" -- "Здравствуй, батюшка!" -- "Не попадался ли тебе навстречу мой работник?" -- "Не знаю, какой-то парень пробежал бойко." -- "Это он самой и есть! Пойдем, мужичок, со мною, пособи мне его отыскать, я тебе за то заплачу."

Вот пошли они вместе, прошли немного, повстречался им цыган. "Здравствуй, цыган!"-- говорит поп. "Здоров бул, батинька!" -- "Что, не попадался ли тебе навстречу

какой парень?" -- "А, батинька, какой-то проскочил мимо." -- "Это он самой и есть! Пособи нам отыскать его, я тебе заплачу за это." -- "Изволь, батинька!"

Пошли они втроем.

А батрак прибежал в деревню, надел на себя другую одежду и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать: "Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?" -- "Видал, в деревню побежал." -- "Ну, брат, пособи нам его поймать." -- "Извольте, батюшка."

Пошли они вчетвером искать попова батрака; пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно: где бы переночевать? Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила, стали проситься на ночлег. Вдова отвечает: "Добрые люди! У меня эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете." Но сколько она не отказывалась -- не могла отказаться и впустила их на ночь. А к ней эту ночь обещался прийти любовник.

Вот взошли они в избу и легли спать. Поп думает: "Что, коли в самом деле потоп будет?" Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте: "Коли будет потоп, -- думаю себе, -- так я стану в корыте по воде плавать." Цыган лег на шестке, головой в золу; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье.

Только улеглись они, и уснули все крепким сном; один попов работник не спит и слышит он, что под окошко подошел хозяйкин любовник и стучится: "Отопри, душенька."

Работник встал, отворил и тихонько говорит ему: "Ах, миленький мой! Ты пришел не во время. Теперича у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь." -- "Ну, миленькая, -- говорит любовник, -- нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!" Работник поворотился к окну жопою и высунул свою сраку; любовник и поцеловал ее всласть. "Ну, прощай, миленькая! Будь здорова, на тую ночь приду к тебе." -- "Приходи, душа! Я стану дожидаться, а на прощанье дай, миленький, свой хуй -- мне хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее." Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп: "На, милая, полюбуйся!" А батрак взял тот кляп в руки, побаловал-побаловал, вынул нож из кармана и отхватил у его хуй вместе с мудями. Любовник закричал благим матом -- и без памяти домой!

Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом, будто что ест. Мужик услышал, проснулся да и спрашивает: "Что ты, брат, ешь?" -- "Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрызу: такая сырая!" -- "Даром, брат, что сырая, дай-ка мне кусочек попробовать." -- "Э, брат, мне и самому мало! Да, пожалуй, на тебе один конец, ешь на здоровье." И отдал мужику отрезанной хуй. Мужик с голодухи начал его жевать, грыз-грыз, никак не может откусить и говорит: "Что, брат, с нею делать? Никак не угрызешь, эдакая сырая!" -- "Ну, ты положи колбасу в печь, пускай поджарится, тогда ты и съешь."

Мужик встал, подошел к печке и сунул колбасу прямо на цыганские зубы, подержал, подержал и стал пробовать: "Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет." -- "Да полно тебе с нею-то возиться, еще, пожалуй, хозяйка услышит -- забранится. Небось, в печке-то огонь весь разгреб, залей его водою, чтоб хозяйка не узнала." -- "Да где воды-то искать?" -- "Ну, поппы туда; чем на двор идти, лучше огонь залей."

Мужику крепко хотелось ссать, и зачал он прямо цыгану в рожу ссать. Как почуял цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал, пришел-де потоп, и стал кричать во все горло: "Ай, батинька, потоп, потоп!" Поп услышал голос цыгана и захотел спросонок прямо на корыте спуститься на воду, да как шлепнется об пол -- все ребра себе и переломал. "О, Боже мой! -- кричит поп, -- когда падает малой ребенок, Бог подставляет под него подушку, а как старому придется упасть, так черт борону подставляет. Вот теперича я весь разбился. Не найти мне, верно, разбойника моего батрака." А работник: "И не ищи лучше, ступай-ка с Богом домой -- будет здоровее!"

45. ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

некотором царстве, в нашем государстве жил-был поп с попадьею, у него было три дочери да батрак. Вот этот батрак и задумал: как бы подобраться к поповым дочерям. Попросить-то прямо не смел, дождался он праздника, взял с собою котелок и пошел в сарай, налил в котелок воды, разложил огонь и давай кипятить воду.

Поп воротился от обедни и сел обедать с женою и дочерьми да и спрашивает: "А где же батрак?" -- "В сарае,-- говорит попадья,-- что-то все утро работает." -- "Что вы, безбожницы, послали его работать -- эдакой нынче праздник! Или в вас Бога-то нет?" -- "Мы его не усылали, он сам пошел." -- "Ступай, -- сказал поп старшей дочери, -- сходи за ним, чтобы шел обедать."

Поповна побежала в сарай, прибежала и спрашивает: "Что ты, батрак, варишь?" -- "Сласть!" -- "Дай-ка хлебнуть!" -- "А дай ебнуть!" Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее талить, отделал и дал хлебнуть. Она

хлебнула: "Вода как вода!", -- говорит и ушла назад. Приходит в избу, поп спрашивает ее: "Что ж батрак нейдет?" -- "Что-то работа - ет!" -- "Дура, ведь я сказал, чтобы все бросил да шел обедать. Поди ты, -- говорит поп средней дочери, -- гони его сюда!"

Побежала средняя дочь и спросила: "Что ты, батрак, варишь?" -- "Сласть!" -- "Дай мне хлебнуть!" -- "Дай-ка раз ебнуть!" Тут он и эту отвалял и дал после хлебнуть. "Как есть вода!" -- говорит поповна и убежала назад. "Что ж батрак?" -- спрашивает поп. "Нейдет, что-то все возится!"

Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила: "Батрак, что ты варишь?" -- "Сласть!" -- "Дай-ка мне хлебнуть!" -- "Дай разок ебнуть!" Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу. Поп осердился и говорит: "Все вы дурищи! Поди ты, попадья, зови его, чтоб сейчас шел!"

Пришла попадья в сарай. "Что ты, батрак, варишь?" -- "Сласть!" -- "Дай отведать -- хоть раз хлебнуть!" -- "Дай ебнуть!" Попадья было заартачилась, а он так даром не дает попробовать сласти, но уж ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадья и дала ему ебнуть, а потом хлебнула и водицы. "Ну что, хороша, матушка, моя сласть?"

Вылили вместе воду и пошли обедать. "Что ты, дурак, долго не шел, нынче грешно работать!" -- сказал поп. Стали обедать, вот подали пирог, поп разрезал его и роздал всем по куску. Попадья отдает свою долю батраку: "На тебе, батрак, мою долю за давишнее!"

Глядя на мать, и поповны стали отдавать свои куски: "На тебе, батрак, за давишнее!"²¹ Поп глядел-глядел да и сам туда же: "На тебе, батрак, и мою долю за давишнее!" -- "Да разве тебя батрак пежил?" -- спросила его попадья. "А вас разве пежил?" Попадья и поповны в один голос так и заголосили: "Как же! Нас пежил!"

Поп рассердился и согнал батрака со двора.

46. ЧЕСАЛКА

Нупил старик старухе тулуп да под забором всю ночь ее и еб; поутру стала погода мокрая, идет старушонка, сгорбилась да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила: "Не разорви меня, Гаврила!" А старик был на ухо крепок, тех речей не расслухал да ей в череве свой хуй вбухал и еб ее до усеру. Не насытится никогда око зрением, а жопа бздением, нос табаком, а пизда хорошим елдаком: сколько ее не зуди -- она все, гадина, не довольна! Это присказка, сказка впереди.

Жил-был поп. У попа была дочка, еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено и нанимает с таким уговором. Если дочь его пересикнет через стог сена, что работник накосит, то и заработной платы нет. Много нанималось к нему рабочих, да все работали на попа даром: поповна что не выйдет, так стог и пересикнет.

Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу сено,

и коли поповна пересикнет, то вся работа пойдет ни за что. Стал работник косить сено, накосил и сметал в стог, лег подле стога, вынул из порток свой хуй и давай его надрачивать. А дочь попова идет к работнику посмотреть на работу, глядит на него да и спрашивает: "Что это ты, мужичок, делаешь?" -- "Чесалку поглаживаю." -- "Что ж ты этою чесалкою чешешь?" -- "Давай я тебя почешу! Ложись на сено." Легла попова дочка, он начал ее чесать да и промахнул как следует²². Встала поповна и говорит: "Какая славная чесалка!" Потом стала сикать через стог -- нет, не берет, только себя обоссала, словно из решета вылила! Приходит к отцу и рассказывает: "Очень велик стог -- не смогла пересикнуть." -- "Ах, дочка, верно больно хороший работник! Я его на год найму."

Как только пришел работник за расплатою, поп и пристал к нему: "Наймись, свет, на год!" -- "Хорошо, батюшка!" Нанялся он к попу. А поповна так ему рада! Приходит ночью к батраку и говорит: "Почеси меня!" -- "Нет, я даром чесать не буду, принеси сто рублей, купи себе часалку!" Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее каждую ночь.

После того батрак поссорился с попом и говорит ему: "Рассчитывай меня, батька!" Рассчитался и ушел. А дочери на ту пору дома не было; приходит она домой: "Где работник?" -- "Он, -- говорит поп, -- рассчитался и сейчас ушел на деревню." -- "Ах, батюшка, что вы сделали? Ведь он мою чесалку унес." И пус-

тилась бежать за ним в погоню, нагоняет его около речки, батрак засучил портки и стал переходить вброд. "Отдай мою чесалку!" -- кричит попова дочь. Батрак поднял камень, бросил его в воду: "Возьми себе!" -- говорит, перешел на ту сторону и был таков!

Поповна подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку: шарит по дну -- нету чесалки! Ехал мимо барин и спросил: "Что ты, голубушка, ищешь?" -- "Чесалку; я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя, унес было, да я погналась за ним, так он и бросил ее в воду." Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалки. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит хуй, как схватит его обеими руками, держит, а сама кричит: "Ах, барин, стыдно тебе, вить это моя чесалка, отдай назад!"²³ -- "Что ты делаешь, бесстыдная? Пусти меня!" -- говорит барин. "Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку!" И потащила барина за хуй к своему отцу.

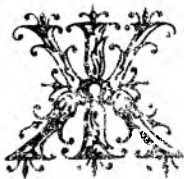
Поп смотрит в окно: дочка тащит барина за хуй да кричит: "Отдай, подлец, мою чесалку!" А барин жалобно просит: "Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду! Что делать? Поп вынул из порток свой поповский кляп, показывает дочери в окошко и кричит: "Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!" -- "И то моя!-- говорит дочь,-- ишь, с конца-то красная! А я уж думала, что барин ее взял!" Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин навострил лыжи -- только пятки показывает.

А девка вбежала в избу: "Где ж моя чесалка,

тятинька?" -- "Ах, ты сякая такая!-- напустил на нее поп,-- гляди, матка, вить у нее честности-то нет!" -- "Полно, батька!-- сказала попадья,-- посмотри сам, да получше." Поп долой портки и давай свою дочь ети; как стало попа забирать -- он ржет да кричит: "Нет, нет, не потеряла дочка честности..." Попадья говорит: "Батька, засунь ей честность-то подальше." -- "Не бось, матка, не выронит, далеча засунул!" А дочь-то еще молоденька, не умеет подымать ноги круто. "Круче, дочка, круче!" - кричит попадья, а поп: "Ах, матка! И так вся в куче!"

Так-то и нашла попова дочь чесалку. С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселева живет, дочку с матушкой ебет!

47. ЗАГОНИ ТЕПЛА

ил-был мужик, у него было три сына: два умных, а третий дурак. Стал он их спрашивать: "Дети мои любезные! Чем вы меня под старость кормить будете?" Старшие братья сказали: работою, а дурак по-дурацки и отвечал: "Чем тебя больше кормить, как ни хуем!"

На другой день старший сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадаетея ему навстречу поп.

"Куда идешь?-- спрашивает поп. "Ищу работы, где бы сена косить." -- "Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей, если моя дочь не пересикнет того, что ты накопишь за день, а коли пересикнет -- не заплачу тебе ни копейки."²⁴ -- "Где ей пересикнуть!"--- думает парень и согласился.

Поп привел его на полосу: "Вот здесь коси, работник!" Парень сейчас же начал косить и к вечеру накопил такую кучу, что страшно посмотреть. Но поповна пришла и пересикнула.

Пошел он домой, как не солоно хлебал! С средним братом случилось то же самое. Ну, пошел и дурак: "Дай-ко,-- говорит,-- я пойду, поищу-ко своему хую работы." Взял косу и идет, попадаетеся ему навстречу тот же самый поп и зазвал его к себе работать с таким уговором.

Начал дурак косить: прошел одну линию, скинул портки и стал раком. Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает: "Работник, что же ты не косишь?"

-- "Подожди, дай мне тепла в жопу загнать, чтоб зимою не мерзнуть."

-- "Загони и мне тепла, пожалуйста, а то мы зимой в гости ездим -- всегда зябнем."

-- "Становись раком, заодно загонять!" Она стала раком, а дурак вздрочил махалку да как хватит ей в пизду и давай загонять тепло: до тех пор загонял, что с ней аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит: "Ну, будет с тебя, хватит на одну зиму!"

Она побежала домой и сказала двум своим сестрам: "Ах, душечки сестрицы! Как славно мне работник тепла в жопу загонял, с него и с меня даже пот лил!" И эти туда же побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. А сена накосил он так, самую малость, только три раза прошел. Приходит поп с старшей дочерью и хвастает: "Ступай, работник, лучше заранее домой, моей дочери этого не трудно пересикнуть!"

-- "А вот посмотрим!"

Поп велел своей дочке сикать, она подняла подол, как сикнет, да прямо себе на чулки.

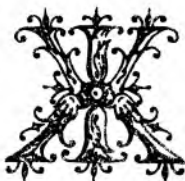
"Вот видишь!-- сказал дурак.-- А тоже хвастаешь!" Поп в досаде послал за меньшими дочерьми: "Коли и эти не пересичнут,-- говорит поп,-- то я даю тебе с каждой по сто рублей!"

-- "Хорошо."

Но и средняя и меньшая поповны только себя обоссали.

Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит: "Вот вам хуева работа! Посмотрите, сколько денег!"

48. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ (ИЛИ КОЗЛА)²⁵

ил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял -- повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопал под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам: "Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить -- я с вами по своему разделаюсь!"

Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески! А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет -- ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всею церемонией, взял он пять тысяч и пошел к попу. "Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду." -- "Ну, это хорошо, свет! Только в церковь носить не надо его, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу."

Мужик изготавился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронил кобеля по-христиански. Архирей позвал к себе попа на суд: "Как ты смел,-- говори,-- хоронить нечистого пса?"-- и посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать. "Ты зачем?"-- спросил архирей. Так и так, отвечает мужик: "Помер у меня кобель, отказал Вашему Преосвященству десять тысяч денег да попу пять!" -- "Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест; зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви,-- не отслужил по нем панихиды!"

Взял архирей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благодарным, а дьячков сдал в солдаты.

49. СУД О КОРОВАХ

одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, а у мужика только одна, да хромая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжились у мужика и последнюю корову: "Тогда было бы у меня восемь!"

Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви: "Послушайте, миряне! Аще кто подарит своему духовному пастырю одну корову -- тому Бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!" Мужик услышал эти слова и думает: "Что уж нам в одной корове! На всю семью и молока не хватает! Сделаю-ка я по писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь Бог смилуется!"

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу. "Здравствуй, батюшка!" -- "Здорово, свет!

Что хорошего скажешь?" -- "Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро! Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову." -- "Это хорошо, свет, что ты помнишь слово божие: Бог тебе воздаст за то седмерицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам."

Мужик отвел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать: "Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду, что ли, нам пропадать, как собакам?! -- "Эка ты, дура,-- говорит мужик,-- разве ты не слыжала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собою еще семь, тады похлебаем молока досыта!"

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны: стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидал в окошко и говорит своей бабе: "Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: божие слово завсегда сбывается! А ты еще ругалась! Будет у нас теперича и молоко, и говядинка²⁶." Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер.

Вот поп видит: уж темно стало, а коров не-

ту, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику²⁷ и говорит: "Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?" -- "Поди ты с Богом! У меня чужих коров нет, а есть свои, что мне Бог их дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как, помнишь, батя-ка, сам ты читал на празднике в церкви." -- "Врешь ты, сукин сын, это мои коровы." -- "Нет, мои!" Спорили-спорили, поп и говорит мужику: "Ну черт с тобой, возьми свою корову назад, отдай хоть моих-то!" -- "Не хошь ли кляпа собачьего?"

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архиерея. Поп одарил его деньгами, а мужик холстом; архиерей и не знает, как их рассудить. "Вас,-- говорит им,-- так не рассудишь! А вот что я придумал! Теперь ступайте домой, а завтра кто из вас придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся."

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье: "Ты смотри, пораньше меня разбуди завтра утром!" А мужик, не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архиерею под кровать. "Здесь,-- думает,-- пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь -- так попу коров-то и не видать!"

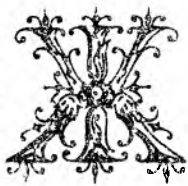
Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает: "Кто такой?--" "Я, игуменья, отче!" -- "Ну, ложись-ка спать, игуменья, на постель." Легла она на постель, стал ее архиерей щупать за титьки, а сам спра-

шивает: "Что это у тебя?" -- "Это, святой отче, сионские горы, а ниже -- доли." Архирей взялся за пупок: "А это что?" -- "Это пуп земли." Архирей спустил руку еще ниже, шупает игуменью за пизду: "А это что?" -- "Это ад кромешный, отче!" -- "А у меня, мать, есть грешник, надо его в ад посадить." Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провожать мать-игуменью. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой.

На другой день поп поднялся до света, не стал умываться -- побежал скорей к архирею, а мужик выспался хорошенько, проснулся -- уж давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архирею, а поп давно его ждет: "Что, брат, чай за жену завалился?" -- посмеивается поп. "Ну, -- говорит архирей мужику, -- ты после пришел..." -- "Нет, владыка, поп пришел после; нешто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да грешника сажал в ад!" Архирей замахал обеими руками: "Твой, -- говорит, -- твой, мужичок, коровы! Точно твоя правда: ты пришел раньше!"

Так поп и остался ни при чем, а мужик себе зажил припеваючи²⁸.

50. ЖАДНОЙ ПОП

ил-был поп, имел большой приход, а был такой жадной, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не приносил гривенника, того на исповедь не пустит, а зачнет срамить: "Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать; ведь он за вас, окаянных, Богу молится."

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился. "Послушай, проклятый, -- говорит ему, -- откуда это ты выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?" -- "Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!" -- "На блядям да по кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакой случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает; заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все грехи тебе

отпустит". И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди: "И не приходи ко мне без гривенника".

Солдат пошел прочь и думает: "Что мне с попом делать?" Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. "Дай-ка,-- говорит сам себе,-- попробую эту шапку утащить". Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да и прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу. "Ну принес гривенник?" -- спросил поп. -- "Принес, батюшка". -- "А где взял, свет?" -- "Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник". Поп взял этот гривенник и говорит: "Ну, Бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю".

Солдат ушел, а поп, окончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету; так простоволосой и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает: "Что угодно, батюшка?" -- "Ну, скажи, свет, ты мою шапку украл?" -- "Не знаю вашу ли украл я шапку, а только такие одни попы носят, больше никто не носит". -- "А из которого места ты ее стащил?" -- "Да в церкви висела она на поповской палке у самого клироса". -- "Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца?" -- "Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили".

51. СМЕХ И ГОРЕ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к реке один бурлак и кричит с другого берега: "Эй, батька, перевези меня!" -- "А заплатишь, свет, за перевоз?" -- "Заплатил бы, да денег нет!" -- "А нету, так и перевозить не стану." -- "Коли перевезешь, батька, я покажу тебе за то смех и горе".

Поп задумался, захотелось ему увидеть смех и горе. "Про что такое, -- думает он себе, -- говорил сейчас бурлак?"

Вот он сел в лодку и поехал на тот берег, посадил с собой бурлака и перевез на свою сторону²⁹. "Ну, батька, ворочай лодку вверх дном!" -- сказал бурлак. Поп перевернул лодку вверх дном и ждет себе: что будет? Бурлак вынул из порток свой молодецкий хуй и как ударит по дну -- так лодка и развалилась надвое! Поп увидал такой заправский хуй -- и рассмеялся, а после, как раздумался о своей расколоте лодке, -- так стало ему жалко, что

даже заплакал от горя. "Что, доволен мною, батька?"-- спрашивает бурлак. "Шут с тобой! Ступай куда идешь!"

Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп воротился домой. Только перешагнув через порог в избу -- вспомнил о бурлаковом хуе и засмеялся, а там вздумал о лодке -- и заплакал. "Что, батька, с тобою сделалось?"-- спрашивает попадья. "Ты не знаешь, matka, моего горя!" И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось.

Как услыхала попадья про бурлака, сейчас напустилась на своего батьку: "Ах, ты старой черт! Зачем ты его отпустил? Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это мой брат родной! Верно, родители послали его нас с тобою проведать, а ты нет того, чтоб догадаться... Запрягай-ка скорее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой воротится, нас не выдавши. Я хоть на его, голубчика, посмотрю да про родителей-то расспрошу!"

Поп запрет лошадь и погнал за мужиком, нагнал его и говорит: "Послушай, добрый человек! Что ж ты мне не сказался: вить ты моей попадье брат родной. Как рассказал ей твою удасть -- она сейчас тебя признала и приказала тебя воротить." Бурлак сейчас догадался, к чему дело клонится: "Да,-- говорит,-- это правда: я твоей попадье родной брат, да тебя, батюшка, прежде сего никогда я не видал, а потому самому и признать тебя не умел!" Поп схватил его за руку и тащит на телегу: "Садись, свет, садись! Поедем к нам.

Мы с маткою, слава Богу, живем в довольстве и благополучии, есть чем тебя уподчивать."

Привез бурлака, попадья сейчас выбежала к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и целует его. "Ах, братец любезный, как давно тебя не видала, ну что, как наши-то проживают?" -- "По-старому, сестрица! Меня послали тебя проведать." -- "Ну и мы, братец, покудова Бог грехам терпит, живем помаленьку." Посадила попадья его за стол, наставила перед ним разных закусок, яишницу и водки и ну угощать: кушай, любезный братец! Начали все они трое есть, пить и веселиться до самой ночи. А как стало темно, постлала попадья постель и говорит попу: "Мы с братцем здесь ляжем да поговорим про наших родителей: кто жив и кто помер; а ты, батька, ложись один на полатах."

Вот легли спать; бурлак взлез на попадью и начал ее попирать своим хуищем, так что она не утерпела -- на всю избу завизжала. Поп услышал и спрашивает: "Что там такое?" -- "Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер." -- "Ну, царство ему небесное,"-- сказал поп и перекрестился. А попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает: "О чем еще плачешь?" -- "Эх, батька, вить и мать-то моя померла!" -- "Царство ей небесное! Со святыми упокой!" Так-то вся ночь у них и прошла³⁰.

Полуночи бурлак стал домой собираться, а попадья ну его угощать на прощанье: и ви-

ном-то, и пирогами, так и суетится около него: "Ну, братец любезный, коли опять будешь в этой стороне -- завсегда к нам заходи!" А поп вторит: "Не обходи нас, мы тебе всегда рады!" Попрощался с ними бурлак. Попадья вызвалась провожать бурлака, а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают, вот уже и поле. Попадья говорит попу: "Воротись-ка, батька, домой, что тебе идти, я и одна теперича провожу братца."

Поп воротился, прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ль они ушли? А бурлак тем временем повалил матку за пригорок, взлез на нее и ну отжаривать на прощанье, а чтобы ловчей было надуть попа, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу кверху. Вот ебет ее, а попадья то и дело ногой с шапкой качает. Поп стоит да смотрит: "Вишь,-- говорит сам себе,-- какой родственный человек-то! -- далеко ушел, а все кланяется да шапкою мне махает!" Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться: "Прощай, шурин, прощай!"

Отвалял бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала!

Догоняет она попа, а сама с радости песни поет. "Сколько лет с ней живу,-- сказал поп,-- а доселева не слыхал от нее песен!" -- "Ну, батька,-- говорит попадья,-- проводила я братца любезного, придется ли еще повидаться с ним в другой раз!" -- "Бог не без милости! Авось придет!"

52. ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ³¹

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, парень молодой; не посчастливилось ему в хозяйстве: все коровы и лошади подошли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза; сам не доест, не доспит, а все за ней ухаживает: раздобрела во как кобыла!

Раз как-то убирал он свою лошаденку, начал ее гладить да приговаривать: "Ах, ты моя голубушка! Матушка! Нет тебя милее!" Услыхала эти слова соседская дочка -- девка ражая, и как собрались на улицу деревенские девки, она им и сказала: "Ох, сестрицы! Стояла я у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу да потом слазил на нее и ну целовать да приговаривать: "Ах, ты голубушка моя, матушка, нет тебя милее на свете!"

Вот девки и начали парню смеяться: где только не повстречают его, так и закричат: "Ах ты, матушка моя, голубушка!" Что делать парню? Никуда глаз показать нельзя! Стал он печалиться.

Вот увидала его старуха-тетка: "Что, Гриша, не весел? Что головушку повесил?" Он ей и рассказал про все это дело. "Ничего, Гриша,-- сказала старуха,-- все поправлю, приходи-ка ко мне завтра. Небось, перестанут смеяться!"

Старуха-то была лекарка, да такая важная -- на все село, а в избу к ней сходились на вечерницы девки. Вот она вечером-то увидала ту девку, что рассказала о Григорье, как он кобыле под хвост лазил, и говорит ей: "Ты, девушка, заходи ко мне завтра поутру, мне надо кой о чем с тобой потолковать." -- "Хорошо, бабушка!"

На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе. "Ну, смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то готов был! А теперя становись за печку да стой смирно, пока не позову."

Только стал он за печкою, пришла девка. "Здравствуй, бабушка!" -- "Здорово, голубушка! Вот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое деется, вить ты, родимая, оченно больна..." -- "Э, бабушка, я, кажись, совсем здорова!" -- "Нет, голубушка, у тебя внутри то делается, что и подумать-то страшно! Хошь теперя и не больно тебе, а как дойдет до сердца -- в то время уж ничем не вылечишь, так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощупаю." -- "Пощупай, бабушка!", -- говорит девка, а сама чуть не плачет со страху. Стала баба щупать ее за живот и говорит: "Вишь, я правду сказывала! Как только вчерась на тебя взглянула, сейчас догадалась,

что с тобой не доброе деется. У тебя, голу-бушка, подле сердца желтуха..." -- "Полечи, пожалуйста, бабушка!" -- "Уж коли хвора-ешь, так надо полечить, только стерпишь ли? Ведь больно будет!" -- "Что хошь делай, хошь ножом режь, да вылечи!" -- "Ну, стань же ты вот тут, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой али с левой, больше народу будет идти? А назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет: тогда и двух недель не проживешь!"

Девка высунула свою голову в окошко и ну глазеть по сторонам, а старуха задрала ей хвост и говорит: "Нагнись-ка туда за окошко побольше, да не оглядывайся: сейчас стану мазать тебе помазком да деготьком!" Тут вызвала старуха потихоньку парня: "Ну, работай!"

Вот он и засунул девке помазок свой на целую четверть вглубь, и как стало у них заходиться -- стала девка жопой вертеть, а сама просит: "Бабушка, голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!" Парень отваял ее и ушел за печку. "Ну, де-вушка!-- сказала старуха, -- теперича такая будешь красавица, что любо-дорого!" Девка поблагодарила старуху: "Спасибо, бабушка! Какое славное у тебя лекарство-то! Просто сласть!" -- "У меня ничего худого нету! А это лекарство для бабы и девок куда пользуетое! А с какой стороны народу шло больше?" -- "С правой, бабушка." -- "Ишь, какая ты счастливая! Ну, ступай с Богом домой!"

Девка ушла, ушел и парень.

Вот он пообедал и повел свою кобылу на речку поить. Девка увидала его, выскочила и кричит: "Ах ты, матушка моя, голубушка!" А он оборотился и ну передразнивать ее: "Ох, бабушка-голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!"

Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

53. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедной, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит: "Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь, и взять с тебя нечего, ступай ко мне и живи за долг три года."

Прожил мужик у него год, и другой, и третий. Барин видит, что мужику скоро отходить, и думает: какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить: "Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтоб все были целы! А то опять оставлю при себе на три года."

Только погнал мужик зайцев в поле -- они все у него разбежались в разные стороны. "Что делать? -- думает он, -- теперь пропал я!" Сел и плачет. Откудова ни возьмись -- явился старик и спрашивает: "О чем, мужичок, плачешь?" -- "Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежа-

лись; теперь беда мне неминуемая!" Старик дал ему дудочку и говорит: "На тебе дудочку; когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут!" Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее -- как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой, барин пересчитал зайцев и говорит: "Все целы!"

"Ну, что нам делать?" -- сказал барин своей барыне, -- какую вину на мужике сыскать?" -- "А вот что, душенька, когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца." -- "Ну, хорошо!"

Наутро погнал мужик зайцев в поле и только подошел к лесу, они тотчас все разбежались в разные стороны, а мужик сел на траву и начал лапти плести. Вдруг едет бырыня, остановилась -- подошла к нему и спрашивает: "Что, мужичок, здесь делаешь?" -- "Скотину пасу." -- "Какую скотину?" Мужик взял дудочку и заиграл -- все зайцы сбежались к нему. "Ах, мужичок, -- сказала барыня, -- продай мне одного зайчика." -- "Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня очень строг; он, пожалуй, меня совсем заест!" Барыня стала к нему приставать: "Пожалуйста, продай!" Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит: "У меня, барыня, завет положен." -- "Какой завет?" -- "Кто даст поеть, тому и зайца уступлю." -- "Возьми лучше деньгами, мужичок!" -- "Нет, мне больше ничего не надо!" Барыня -- делать нечего -- дала мужику поеть; он отработал ее и подал зайца: "Только, барыня, держи его по-

тихоньку, а то раздавишь." Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку -- этот заяц услышал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику.

Приехала барыня домой. "Ну что, купила зайца?" -- "Купида-то купила, только как мужик заиграл в свою дудку, заяц выпрыгнул от меня и ушел."

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и опять спрашивает: "Что делаешь, мужичок?" -- "Лапти плету да господскую скотину пасу." -- "Где ж твоя скотина?" Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему зайцы. Барыня стала торговать зайца. "У меня положен завет." -- "Какой?" -- "Дай поеть." Барыня опять дала и получила за то зайца, а как мужик заиграл, заяц выскочил и ушел от барыни.

На третий день переоделся и поехал сам барин. "Что, мужичок, делаешь?" -- "Скотину пасу." -- "Да где ж твоя скотина?" Заиграл мужик в дудочку -- сбежались к нему зайцы. "Продай мне одного!" -- "За деньги не продаю, у меня положен завет." -- "Какой завет?" -- "Кто захочет кобылу поеть, тому и зайца отдам." Барин взлез на кобылу и сотворил грех с нею. Мужик подал ему зайца и говорит: "Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь." Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку -- заяц услышал и ушел от него к мужику.

Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на воле.

54. ПАСТУХ³²

одной деревне жил-был пастух, молодой парень; деревенские девицы и молодые молодичи к нему были привычны и всякие шутки от него принимали.

Многие девки на него завидовали: хочется полюбится с ним, да не всякой удастся то! Вот девки и придумали на него напаслину, а может и взаправду -- застали его на кобыле и ну над ним потешаться.

Другие девки еще не так его докоряли, как одна Дуня. Погонит, бывало, она поутру скотину, а сама кричит пастуху: "Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!" Просто проходу ему не дает своей кобылой.

Пастух все себе на ус мотает. А в деревне жила старуха, такая приветливая, и к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал в ноги: "Заставь, бабушка, за себя вечно молить Бога, а я тебя до веку не забуду."

Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег. "Хорошо, родимой! Приходи уже в сумерки."

Вечером пригнал пастух с поля стадо; а в то время дождик, стали бабы зазывать свою скотинку. Дуня тож побежала по деревне искать свою корову.

А старуха увидала ее в окно и закричала: "Дуня, Дуня, поди-кась сюда."

Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкою: "Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь!"

Дуня испугалась и не знает, какая такая вина за нею. "Экие вы дуры безопасные!-- сказала старуха,-- бегаєте неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак делать! Посмотри-кась, что ты теперь надделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя замуж возьмет?"

-- "Ах, бабушка! Нельзя ли похлопотать да поправить как-нибудь?"

-- "То-то, поправить! За все про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай что скажу, да терпи, хоть и больно будет".

-- "Хорошо, бабушка".

-- "Смотри в окно да раскарачься пошире, а сама чур не оглядывайся, а то все дело пропадет, в то время и поправить нельзя будет!"

Заворотила ей сарафан и махнула пастуху. Иван подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь.

"Ну что? Хорошо?"-- спрашивает старуха.

"Хорошо, бабушка, уж как хорошо! Еще поправь, бабушка! Я тебя никогда не забуду!"

Покончил свое дело пастух и спрятался за печку.

"Теперь,-- сказала старуха,-- ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога."

На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою, а он ей в ответ: "А не хочешь ли честь тебе поправлю? "

-- "Ну, хорошо, Иван,"-- сказала с укором девка.

"Не знаю как тебе, а мне хорошо было!"-- отвечал пастух.

55. СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

тояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны. Дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка и пьет, и ест, и спит с солдатом!

Вот у одного мужика была жена больно гульливая: много раз заставлял он ее и с мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае: "Ну, блядь, что теперь станешь говорить?" А она, покедова под парнем лежала, говорила: "Виновата, мой милый друг!" А как встала да прибежала в избу -- сейчас бросилась к свекрови и давай плакать.

Пришел мужик и говорит: "Ну, матушка! Я людям не верил, а теперь я сам застал жену с парнем в сарае." А баба со слезами: "Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!" -- "Ах ты, блядь проклятая! Вить я сейчас поднял тебя из-под Андрюшки." -- "Врешь, подлец! Ну-ка, скажи, куда я головой лежала?" Мужик задумался и сказал: "А черт тебя знает, куда ты головой лежала!" -- "Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!" Мать на-

кинулась на сына и давай его ругать. "Хорошо,-- говорит мужик,-- я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!"

Прошло несколько времени, связалась баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай еть. Хозяин-то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата на своей жене. "Ах, брат служивой! Это нехорошо." -- "Черт вас разберет!-- отвечает солдат.-- Она говорит -- хорошо, а ты -- нехорошо. На вас не угодишь!" -- "Я, брат служивой, пойду на тебя просить!" -- "Ну, ты ступай, еще проси, а я уж выпросил!"

56. СОЛДАТ САМ СПИТ, А ХУЙ РАБОТАЕТ³³

ил-был мужик, у него была молодая хозяйка. Вот пришли в деревню солдаты, и поставили к этому мужику в постояльцы одного служивого. Как легли они вечером спать все вместе, хозяйка в середине, а мужик с солдатом по краям, мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат уллучил то времечко и стал хозяйку через жопу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать -- хватъ за пизду рукою и поймал солдатский хуй. "Что ты делаешь, служивой?" А солдат храпит себе, будто спит крепким сном. "Ишь, какой служивой!-- сказал мужик.-- Сам спит, а хуй в пизду направил." -- "Извини, хозяин! И сам не знаю, как он туда попал!"

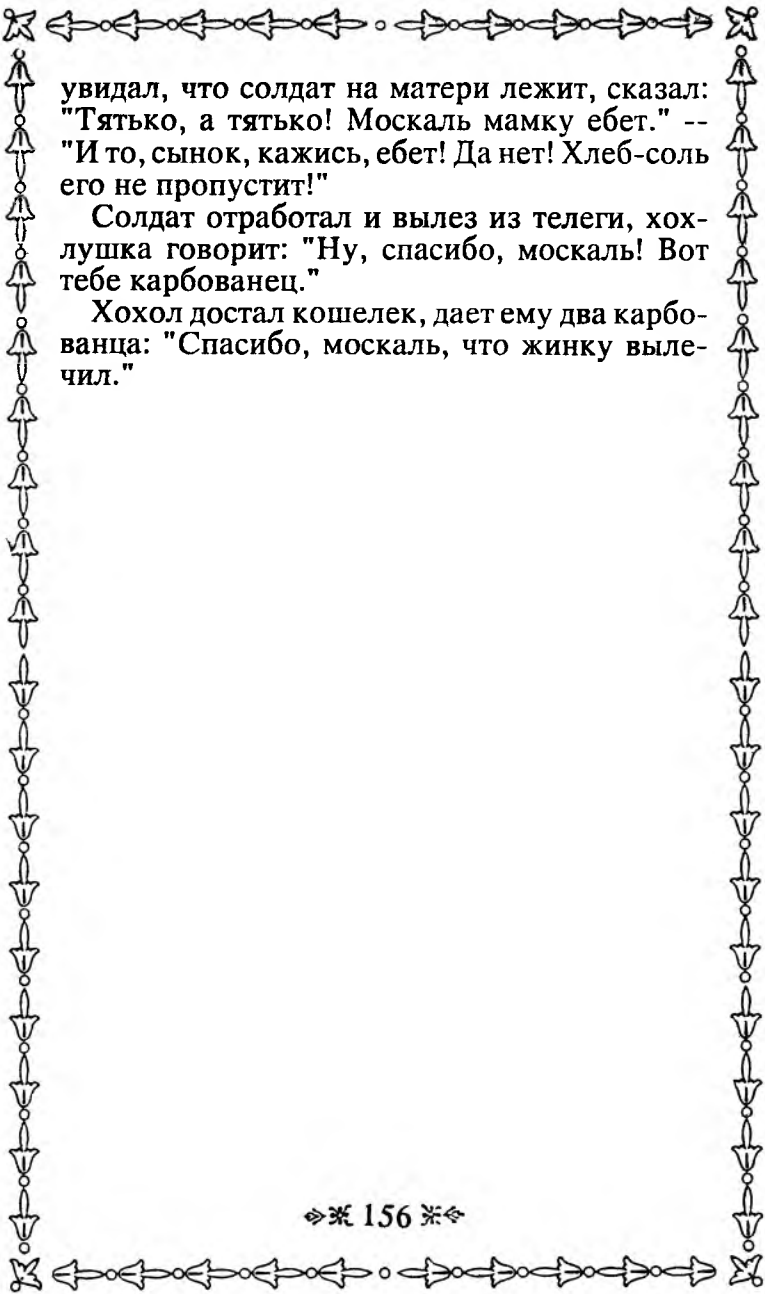
57. СОЛДАТ И ХОХЛУШКА

Знал хохол с жинкою и сыном в город, а кирасир привязал на дороге кобылу к дереву и ебет ее. "Что ты, москаль, делаешь?³⁴" -- "Да вот казенная лошадь сплечилась, так лечу!" А хохлушка думает: "Верно, у него хуй большой! Ишь, кобылу ебет!" Взяла и села в телеге на грядку: колесо ударилося в канаву, хохлушка упала с телеги и кричит: "Беги скорей за солдатом, я сплечилась!"

Хохол побежал, догнал солдата: "Москаль, будь родной отец, помоги, пожалуйста, у меня хозяйка сплечилась." -- "Что делать, надо помочь горю!" Воротился солдат, хохлушка лежит на земле да стонет: "Ай, батинька, сплечилась!" -- "Есть ли у тебя, -- спрашивает солдат хохла, -- рядом, чем телегу накрыть?" -- "Есть." -- "Хорошо, давай сюда!" Накрыл телегу и положил туда хохлушку. "А есть ли у тебя хлеб-соль?" -- "Есть." Солдат взял кусочек хлеба и посолил. "Ну, хохол, ступай, держи волов, чтоб с места не трогались."

Хохол ухватил их за рога и держит, а солдат взлез на телегу и давай есть хохлушку. Сын

увидал, что солдат на матери лежит, сказал:
"Тятько, а тятько! Москаль мамку ебет." --
"И то, сынок, кажись, ебет! Да нет! Хлеб-соль
его не пропустит!"

Солдат отработал и вылез из телеги, хох-
лушка говорит: "Ну, спасибо, москаль! Вот
тебе карбованец."

Хохол достал кошелек, дает ему два карбо-
ванца: "Спасибо, москаль, что жинку выле-
чил."

58. СОЛДАТ И ХОХОЛ

С тоял солдат у хохла на квартире и свел знакомство с его хозяйкою. Хохол заметил и перестал ходить на работу, все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежду, приходит вечером к хате и стучится в окно. Хохлушка спрашивает: "Кто там?" А солдат отвечает: "Бабе." -- "Какой бабе?" -- "Какой хохлов ебе. Что, хозяин дома?" -- "На что тебе?" -- "Да вот последовал указ всех хохлов переесть! Отпирай-ка скорей двери!"

Хохол испугался, не знает, куда деваться, схватил кожух, залез под лавку и укрылся тем кожухом. Хохлушка отперла двери и выпустила солдата; вошел он в хату и кричит: "Где хозяин?" -- "Его нема дома!" Солдат начал искать его на печи, на полатах и по всем углам, и наконец напал на хохла под лавкою. "А это кто?" Хозяйка говорит: "Это теля." А хохол услышал и замычал по-телячьи. "Ну, коли нет хозяина, так сама ложись!" -- "Ах, Боже мой! Нельзя ли обождать до другого раза, пока хозяин придет?" -- "Тебе хорошо --

до другого раза! А мне надо обойти все избы, а не обойду -- так триста палок в спину! Ложись-ка скорее, мне с тобой некогда разговаривать!"

Хохлушка легла, а солдат начал ее осаживать по-свойски, до того припер ей, что аж запердела с натуги.

Отвалял солдат и ушел из хаты; хохол вылез из-под лавки и говорит: "Ну, спасибо тебе, жинка, что за меня потрудилась³⁵; у тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет -- и то ты не утерпела да запердела, а я, кажись, совсем усрался бы! Ох, жинка! Ты умна, а я еще (еще) умней: ты сказала теля, а я и замычал по-телячьи!"

59. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит -- кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу.

Вот пришла туда девка, а за нею парень, принесли с собой вина и разных закусок, поставили в угол, разделись и давай целоваться да любоваться. Парень повалил девку на сено и начал ее есть; девка подмахивает, а сама говорит: "Ах, милый друг, коли Бог даст да рожу я ребенка, кто за ним присмотрит, кто его выходит?" А парень говорит: "Тот, кто над нами!"

Как услышал эти речи солдат, не вытерпел и закричал: "Ах вы, подлые! Вы блуд творите, а я за вас отвечать буду?!" Парень тотчас вскочил с девки да бежать. Девка тоже -- давай Бог ноги! А солдат слез наземь, забрал их одежду, вино и закуски и пошел своей дорогой.

60. СОЛДАТ И ПОП

ахотелось солдату попадью уеть, как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор. "Ну, батька, вышел такой указ: велено всех попов перееть, подставляя свою сраку!" -- "Ах, служивой, нельзя ли меня освободить?" -- "Вот еще что выдумал! Скидай-ка портки поскорей да становись раком." -- "Смилуйся, служивой! Нельзя ли вместо меня попадью уеть?" -- "Оно, пожалуй, можно-то! Да чтоб не узнали, а то беда будет! А ты, батька, что дашь? Я меньше сотни не возьму." -- "Возьми, служивой, только помоги горю." -- "Ну, поди ложись на телегу, а поверх себя положи попадью, я взлезу и будто тебя отьебу!"

Поп лег в телегу, попадья на него, а солдат задрал ей подол и ну валять на все корки! Поп лежал-лежал и разобрало его, хуй у попа понатужился, просунулся в дыру, сквозь телегу, и торчит, да такой красной!

А попова дочь смотрела-смотрела и говорит: "Ай да служивой! Какой у него хуй-то здоровенный: матку и батьку насквозь пронизал, да еще конец мотается!"

61. СОЛДАТ РЕШЕТИТ

ыла свадьба у богатого мужика: женил он сына; и было у него пированье великое. Обвенчали жениха с невестой и спать уложили, а наутро поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белою простынею и стали решетить (т.е. дарить молодых): всякой кладет денег сколько может.

Вот все отрешетили, остался один солдат. Старик видит, что он лежит с похмелья, и говорит: "Что ж, служивой, встань да порешети молодых-то!" Солдат встал: "Решетить так решетить!"-- говорит и идет без порток, как спал, берется за решето и прямо поднял простыню и давай решетить молодую через жопу. "Служивой!-- кричит свекор,-- ты не так решетишь!" А молодая: "Ничего, батюшка! Пускай хоть так порешетит!"

Отвалял ее солдат и полез на лавку.

Вот свекру досадно стало и говорит он девушкам: "Спойте-ка солдату страшную песню!" Девки спели: "Ах ты, солдат, по белу свету волочился, а решетить не научился!" -- "Ах вы, курвы! Как умел, так и решетил!"

62. ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ

ил-был мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высватал девку и женился на ней.

Случилось зятю у тещи в гостях быть на святках. Теща посадила его за стол и начала угощать; поставила перед ним разных закусок, а сама зятя спрашивает: "Послушай, сынок, у вас нонче какую животину к празднику били?" -- "Да вишь, мой батька перед самым праздником поймал суку в анбаре и так ее прибил, что она уссалась и усралась; насилу сука-то вырвалась да бежать, а батька вдогонку за нею, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да по пизде еще раз ударил!"

"Ну, нажила себе умного зятя!-- думает теща,-- эдакое словечко сбухал! Больше ничего не спрошу у него."

63. БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА

ил-был мужик, и захотелось ему попытать: можно ли, когда случится, сказать жене тайну али нет?

Захотелось ему раз до ветру, он пошел на двор и высрался, воротился в избу, сел на лавку, повесил голову и так тяжело вздыхает, будто что худое сделал! Стала баба его спрашивать: "Что ты, али захворал? Какой давеча веселой был, а теперича ишь насупился!" -- "Эх, жена, молчи!-- говорит мужик.-- Сам не знаю, перед добром или худом это со мной случилось!" Баба пристала: "Скажи да скажи мне, что такое случилось?" -- "Сейчас ходил я, жена, до ветру, только сел да перднул, как у меня из жопы вылетела одна сорока! Вот я и думаю: к чему бы это такое было?"

Как услышала баба про сороку, тут же побежала к куме за каким-то делом и давай рассказывать: "Послушай, кума, что с моим мужем-то вчера случилось: пошел он до ветру, только перднул -- как у него из жопы вылетело две сороки. К чему бы это такое?" -- "Не знаю, кумушка!"

Потолковали они, потолковали и разошлись. Кума побежала сейчас к своей куме и говорит ей: "Не слыхала ты, кумушка Арина, что с Иваном-то случилось? Ко мне жена его приходила и сказала, что пошел он до ветру и только перднул раз -- как у него из жопы вылетело три сороки!"

Кума Арина побежала к соседям и нахвастала, что пошел Иван до ветру, а у него из жопы вылетело четыре сороки!

Чем дальше шло -- тем больше сорок прибывало; как обошла весть всех деревенских баб -- оказалось, что у мужика из жопы вылетело двенадцать сорок; и так пошла на него слава, что и показаться нельзя! Кто не попадется на глаза, всяк его спрашивает: "Как это, брат, у тебя из жопы двенадцать сорок вылетело? Расскажи, пожалуйста!"

64. ПОП РЖЕТ, КАК ЖЕРЕБЕЦ³⁶

некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окно, что мимо двора его идет молодка, сейчас высунет голову и заржет по-жеребьячи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждой день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее, сейчас высунет голову в окно и заржет.

Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика: "Муженек, скажи, пожалуй, отчего это: иду я за водой мимо попова двора, а поп на всю улицу ржет по-жеребьячи." -- "Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет. А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячи: иго-го! -- ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой, ты его и замани; вот мы попа-то и обрабатываем: пусть не ржет по-жеребьячи".

Взяла баба ведро и пошла за водой. Поп увидал ее из окошка и заржал на всю улицу:

"Иго-го! Иго-го!" А баба в ответ ему заржала: "Иги-ги, иги-ги". Поп выскочил, надел под-
рясник, выбежал из избы к бабе: "Что, Марь-
юшка, нельзя ли того..." -- "Можно, батюш-
ка! Вот муж собирается в город на ярманку,
только лошадей нигде не добудет". -- "Ты
давно б сказала! Присылай его ко мне -- я дам
свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе
едет". Воротилась баба домой и говорит му-
жу: так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а
поп давно его ждет. "Сделайте милость, ба-
тюшка, дайте пару лошадок на ярманку съез-
дить". -- "Изволь, изволь, свет!" Запрег му-
жик поповых лошадей в повозку, приехал до-
мой и говорит жене: "Ну, хозяйка, я выеду за
деревню, постою немножко да и назад. Пусть
поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь
да застучу в ворота, он испугается и станет
спрашивать, где бы спрятаться, ты и спрячь
его в этот сундук, что с голландской сажей
стоит; слышь?" -- "Ладно!".

Сел мужик в повозку и поехал за деревню.
Поп увидел и сейчас бросился к бабе: "Здрав-
ствуй, Марьюшка!" -- "Здравствуй, батюшка;
теперь нам своя воля -- погуляем! Садись-ка
за стол да выпей водочки". Поп выпил рю-
мочку и не терпит ему: поскидал с себя ря-
су, и сапоги, и портки; сбирается на постель
ложиться. Вдруг как застучит у ворот! Поп
испугался и спрашивает: "Кто это, Марьюш-
ка, стучится?" -- "Ах, батюшка, ведь это мой
мужик домой приехал, кажись, что-то за-
был". -- "Куда ж мне-то, свет, спрятаться?" --

"А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда." Поп залез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает: "Что воротился?" -- "Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярмарке-то купят! Пособи-ка на повозку снести". Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы. "Отчего он такой тяжелой, -- говорит хозяин, -- кажись, совсем порожний, а тяжел?" А сам тащит-тащит да нарочно об стенку или об дверь стукнет. Поп катается в сундуке и думает: "Ну, попал в доброй капкан". Встали на повозку; мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней поестегивать, помчались они во весь дух!

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею: "Поди останови этого мужика да спроси -- куда он так шибко гонит?" Лакей побежал и кричит: "Эй, мужичок, стой, стой!" Мужик остановился. "Барин велел спросить, что так шибко гонишь?" -- "Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню". -- "Что ж, мужичок, поймал хоть одного?" -- "Одного-то поймал, а за другим гнался, а вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься." Лакей рассказал про то барину: так и так, одного черта мужик поймал. Барин сейчас к мужику: "Покажи, братец, мне черта, я сроду их не видывал." -- "Дашь сто рублей, барин, покажу". -- "Хорошо", -- сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл

сундук и показывает, а в сундуке сидит поп весь избитый да вымазанный в саже, с растрепанными патлами! "Ах, какой страшной,-- сказал барин,-- как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и выпучил." Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город.

Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился. "Что, мужик, продаешь?"-- спрашивают его. "Черта",-- отвечает он. "А что просишь?"

-- "Тысячу рублей."

-- "А меньше как?"

-- "Ничего меньше! Одно слово -- тысячу рублей".

Тут собралось около мужика столько народу, что яблоку упасть негде! Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке. "Мужик, продай черта!"

-- "Купите".

-- "Ну что цена будет?"

-- "Тысяча рублей, да и то за одного черта без сундука, сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить".

Купцы сложились и дали ему тысячу. "Извольте получать!"-- говорит мужик; открыл сундук. Поп как выскочит -- да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнет от него в разные стороны... Так поп и убежал. "Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь!"-- говорят купцы промеж себя.

А мужик воротился домой и отвел к попу лошадей. "Спасибо,-- говорит,-- батюшка, за

повозку; славно торговал, тысячу рубликов зашиб!"

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа и ну ржать: "Иги-ги-ги!"

-- "Ну, мать твою так,-- сказал поп,-- муж твой славно меня угигикал!"

С тех пор перестал поп ржать по-жеребачьи.

65. ХИТРАЯ БАБА³⁷

ил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожились. И говорит жена мужу: "Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить." -- "А как поправиться?" -- "Уж я придумала, только не ругай меня". -- "Ну, делай, коли придумала." -- "Спрячься-ка,-- говорит жена,-- да выжидай. Я найду и приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем." -- "Ну, хорошо!"

Вот взяла она короб, насыпала его сажеею и поставила на полатах. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралась и вышла на улицу да и села подле окошечка -- такая наряжена!³⁸

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит: "Что, молодушка, нарядилась, али у тебя праздник какой?" -- "Какой праздник, с горя нарядилась: теперь я одна дома." -- "А муж где?" -- "На работу уехал". -- "Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коро-

тать". -- "Милости просим, батюшка!" -- "Куда ж лошадь девать-то?" -- "Веди во двор. А я велю батраку прибрать ее".

Вот они вошли вдвоем в избу. "Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковой, посылай за вином". Принес батрак им целый штоф водки; они выпили и закусили. "Ну, теперь пора и спать ложиться,-- говорит поп,-- поваляемся да и поебемся немножко". -- "Послушай, батька, коли грешить так грешить: раздевайся догола, так веселее". Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучит шибко-нашибко! "Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!" Поп как был голый, вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается: "Что ты, мать твою разъедак! Долго дверь не отворяешь!"

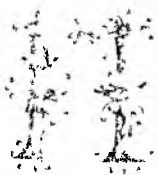
Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком. Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа: "Кто тут?" -- "Это я,-- говорит поп шепотом.-- А ты, свет, кто?" -- "Я, батюшка, дьякон". -- "Да как ты сюда попал?" -- "А ты, батюшка, как? Уж молчи, чтоб хозяин не услышал, а то беда будет".

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка и дьячка. Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона: "Кто здесь?" -- "Это мы, я и отец дьякон,-- говорит поп,-- а ты, кажись, дьячок?" -- "Точно так,

батюшка". Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук, он бултых в короб: "Кто тут?" -- "Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?" -- "Так точно, батюшка". -- "Ну, свет, теперь весь причет церковной собрался!"

Муж вошел и говорит жене: "Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят." -- "Пожалуй, продавай,-- говорит жена,-- на полатях целой короб стоит". Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин: "Сворачивай!"-- кричит во всю глотку. "Нельзя, у меня черти на возу". -- "А покажи,"-- говорит барин. "Дай пятьсот рублей!" -- "Что так дорого?" -- "Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут." Дал ему барин пятьсот рублей; как открыл он короб -- как повыскочил оттуда весь причт церковной да во всю прыть бежать -- настоящие черти, измазанные да черные!³⁹

66. ЖИДОВКА

ошел парень на работу, увидел на дороге кабак и заехал ночевать. А тот кабак держал жид, у него была жена.

Вот стемнело, и легли они спать на полу. Показалось жидовке жарко, она спросонок раскидалась и посбросила с себя все: лежит с открытой пиздой. Взяла мужика охота; он не думал долго, взлез на нее и давай валять. Жидовка думает себе, что это муж ее качает, и говорит: "Волько, волько!" А парень отвечает: "Какого ты черта волькаешь? Жид проснется!"

Жидовка схватила его за голову, пощупала -- а пейсиков нет!" -- "Ай вей, волько?" -- "И так потихонько!" -- сказал парень, отработал и слез долой.

67. СОЛДАТ И ЧЕРТ

Вышел солдат в чистую отставку и пустился на родину; а солдат-то был размышь-горе: какие были деньжонки, все пустил в разные стороны.

Идет дорогою: "Дай,-- говорит,-- я с горя горелки тяпну! Продам последний ранец и развеселю ретивое."

Ладно, ранец по боку и урезал полштоф на-чисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спяна наземь и стоит на четвереньках, никак не может подняться!

Прибежал черт: "Что ты, делаешь, служивой?" -- "Сам видишь -- ебу!" -- "А что ж у тебя хуй торчит наружу!" -- "Не попаду!" -- "Да ты кого ебешь?" -- "Да кого велишь, того и стану." Черт видит, что солдат парень ловкой, а им таких и надо, взял его к себе.

Солдат теперь живет богато -- каждый день пьет горелку, курит махорку, редькой закусывает.

68. НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ⁴⁰

ил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень молодой -- Тереха Гладкой. Спознал про то старик и говорит жене: "Хозяйка, я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел: о чем его ни попросишь -- то и дает тебе!" А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и заполз к ней в дупло.

Вот баба его напекла пирогов, колобков да масленых блинов и пошла в лес молиться Миколу Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает: "Вон он батюшка Микола Дуплянской-то!" Давай ему молиться: "Ослепи, батюшка Микола, моего старика!" А старик отвечает: "Ступай, женка, домой, будет твой старик слеп; а зобенку (корзину) с пирогами оставь здесь." Баба поставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой. Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобков и блинчков, высек себе дубинку и пошел домой.

Идет ошупью, будто слепой. "Что ты, старик, -- спрашивает его жена, -- так тихо пол-

зешь? Разве не видишь?" -- "Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу!" Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку.

Вечеру того ж дня пришел к ней дружок -- Тереха Гладкой. "Ты теперя ничего не бойся!-- говорит ему баба.-- Ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколу Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намеренно домой и уж ничего не видит!" Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся их уписывать за обе щеки. "Смотри, Тереха,-- говорит хозяйка, -- не подавись блинами, я схожу масла принесу!"

Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого: так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комком и пихнул Терехе в рот, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый! "Говорила тебе: не ешь без масла, а то подавишься, дак не послушал; вот теперь и помер!" Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать. Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит: "Мне и здесь хорошо!"

Полежал-полежал старик и закричал, ровно со сна: "Жена, вставай, у нас под мостом Тереха лежит мертвой!"-- "Что ты, старик! Тебе во сне привиделось!" Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику; увидал у него бадью с медом,

поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку -- будто мед колупает.

Смотрит мужик: кто-то мед ворует, подбежал да как ударит Тереху по голове: тот на землю и повалился аки мертв.

А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот: "За что ты парня убил?"-- "Возьми сто рублей, только никому не скажывай!"-- говорит мужик. "Давай пятьсот, а то в суд поволоку!" Дал мужик пятьсот рублей, старик подхватил мертвеца и поволок на погост, вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал возжи к рукам и пустил по погосту.

Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жереб от попа, да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого о перекладину -- он упал и покатился наземь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду: "За что убил парня? Пойдем-ка в суд!" Делать нечего, дал ему поп триста рублей: "Только отпусти да никому не скажывай!"

А Тереху похоронил.

69. ДВА БРАТА ЖЕНИХА

ил-был мужик; у него было два сына -- парни большие. Стал старик со старухой советоваться: "Какого бы сына оженить нам -- Грицька или Лавра?"-- "Женим старшего,"-- сказала старуха. И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую масляницу в другой деревне. Дождались святой недели, разговелись; вот и собирается Лавр вместе с братом Грицьком ехать к невесте; собрались, запрягли пару лошадей, сели в повозку: Лавро, как жених, за барина, а Грицько за кучера, и поехали в гости.

Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже срать, так налупился на разговенах! "Брат Грицько!-- говорит он,-- останови лошадей."-- "Зачем?"-- "Посрать хочу."-- "Экой ты дурак! Ужли ж ты станешь на своей земле срать? Потерпи маленько, съедем на чужое поле -- там хоть во все брюхо!"

Нечего делать, понатужился Лавр, терпит -- ажно в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле. "Ну, братец,-- гово-

рит Лавр, -- сделай такую милость, останови лошадей, а то невтерпеж: до смерти хочу срать!" А Грицько в ответ: "Экой ты глупой! С тобой пропадешь; отчего не сказал, как ехали мы через свое поле: там смело бы сел и срал, покуда хотел. А теперь сам знаешь, как срать на чужой земле! Еще не ровен час, какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадь отберет. Ты потерпи маленько; как приедем к твоему тестю на двор -- ты выскочи из повозки, и прямо в нужник, и сери себе смело; а я тем временем лошадей выпягу."

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору; у самых ворот встречает своего будущего зятя теща: "Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!" А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Теща думала, что зять стыдится, схватила его за руку и говорит: "Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никаких нету, прошу покорно в избу."

Втащила его в избу и посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру в немоготу, начал под себя валить и насрал полные штаны; сидит на лавке, боится с места пошевелиться. Теща-то суетится: наставила перед гостями закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первый стакан жениху. Только поднялся жених за стаканом и встал на ноги -- как поплыло говно вниз по ляшкам да в голенищи; пошла вонь на всю избу! Что за причина? Воняет! Теща бросается по всем уг-

лам, глядит: не ребяташки ли где напакостили? Нет, нигде не видать; подходит к гостям: "Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто, может, кто из вас ногой в говно попал, встаньте-ко, я посмотрю: не замарали у кого сапог?"

Осмотрела старуха Грицька -- ничего нету, подошла к Лавру: "Ну-ка, зятек, ты как приехал на двор -- так и побежал к нужнику, не втяпался ли в говно?" Стала его щупать и только дотронулась промеж колен -- всю руку выпачкала. Заругалась она на жениха: "Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмехаться над нами, подлая твоя душа! Еще не пил, не ел, а за столом обосрался! Ступай же к черту, будь ему зятем, а не нам!" Тотчас призвала старуха свою дочку и говорит: "Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дрянного засерю, выходи за его брата: вот тебе жених!" Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохлаждаться до самого вечера.

Пристигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха говорит гостям: "Ну, ступайте с Богом спать в новой избе, а ты, дочька, снеси туда перину да постели жениху, а этому засерю ничего не стели, пушай на голой лавке валяется!"

Вот легли они спать: Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все думает: как бы отмстить брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко, он

встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил его к самым дверям, а сам опять улегся на лавке.

В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям; подошел да как ударится о стол. "Что такое? Где же двери?" -- думает он, воротился назад, давай искать -- куда не сунется, все стены. Куда ж двери-то девались? А срать так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и насрал такую кучу, что на лопате не унесешь. Насрал и раздумался: "Дело-то не ладно, надо говно до утра убрать!" Поглядел кругом и увидел в стене большую щель; как ляпнет -- в щель-то не попал, а прямо в стену; говно отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками, забрал еще пригорш, бросил в другой раз -- опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого выпачкал. Надо умыться: стал искать воды, искал-искал и нашупал в печи чугунок с красною краской, что яйца к празднику красят, вытащил и стал умывать руки и голову. "Ну, теперь ладно будет!"

Лег Грицько спать и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место.

Стало совсем рассветать, пришла невеста жениха будить. "Вставай, душенька!-- говорит она,-- уж завтрак готов." Да как глянула на него и видит, что жених рожею на черта смахивает, испугалась и побежала вон.

Прибежала к матери, а сама-то разливается. "Что ты плачешь?"-- спрашивает мать.

"Как же мне не плакать? Вить я совсем пропала; поди-ка сама посмотри, что у нас в новой-то избе делается!"-- "А что делается? Там жених твой с братом."-- "Какой жених? Это черт, а не жених!"

Пошли все трое: отец, мать и невеста в избу, где жених спал, только вошли -- жених увидал их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все синее -- настоящий бес! Они бежали вон. Старик запер избу накрепко и пошел к попу: "Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!"

-- "Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!"

-- "Не бойся, батюшка! У меня есть кобыла: коли что случится -- садись на нее верхом и уезжай, так ни то черт -- птица не поймает!"

-- "Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!"

-- "Ваша, батюшка! Ваша!"-- говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, захватил с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, посыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют: "Святый Боже!"-- "Ишь,-- думает Грицько,-- поп ходит со крестом; стану у дверей, неровно войдет в избу -- так попрошу у него благословения!"

Стал у дверей и дожидается. Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям и только отворил да сделал шаг за порог -- Грицько и протянул к нему свою синюю руку. Поп как бросится назад, да на кобылу вер-

хом, и давай стегать ее по бокам кадильницею наместо кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то махнул и попал ей невзначай под хвост горячим; кобыла еще пуще понесла, бьет задом и передом, споткнулась и грянулась наземь, поп через нее кубарем, сломил себе голову и околел.

А женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

70. НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ⁴¹

ил мужик с бабою. Повел он на ярмонку корову и продал мужику из другой деревни; выпили могарыч и стали сватами. "Ну, сват, будь завсегда знаком!" -- "Как же, сват, как же!" С тех пор где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угощают водкой.

Случилось один раз съехаться им в харчевне. "А, здравствуй, сват!" -- "Здорово, сват! Какова твоя коровушка?" -- "Слава Богу!" -- "Ну, слава Богу лучше всего. А вот, сват, как бы нам с тобой породниться?" -- "Ну, что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь -- хоть сейчас выдавай замуж!" -- "Так, значит, по рукам?" -- "По рукам!"

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что корову-то продал, и говорит сыну: "Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить!" -- "Где же так нашел, батюшка? -- "А помнишь того свата, которому анодысь я корову-то продал?" -- "Знаю, батюшка." -- "Ну, вот у этого свата дочка -- раскрасавица!" -- "Нешто ты ви-

дел?" -- "Сам-то я не видал, а от свата слышал." -- "А не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазного купца кнутом дерут! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, посмотрю хорошенько и разужнаю: какова еще девка?" -- "Ну, ступай с Богом!"

Парень надел на себя самую худую одежду, перекинул узду через плечо, взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы: "Здорово, хозяин!" -- "Будь здоров, добрый человек,--отвечает мужик,-- чего тебе надо?" -- "Пусти к себе от темной ночи укрыться." -- "А ты откуда?" -- "Издавеча, верст за сто, ишу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночеде с лошадьми, у меня двух лошадей и увели. Вот третий день ишу, а толку нету..." -- "Пожалуй, переночуй у нас!"

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сел на лавку и поглядывает на невесту. Старик спрашивает у своего ночежника: "А что в вашей стороне хорошего слыхат?" -- "Хорошего, дядинька, ничего, а худого много." -- "Что же то такое?" -- "Да вот что: кажную ночь волки людей едят, уж недели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли пять или десять человек!"

Потолковали и легли спать: старик со старухой в клетки, дочь в сенях на койке, и ночежник в сенях, только на сене, что наверху было на досках наложено. Парень лежит да все прислушивается: не придет ли к девке какой любовник? Прошел час и два, вдруг постучался кто-то в дверь и говорит: "Ми-

ленькая, отопри!" Девка встала потихоньку, отперла дверь и впустила своего любовника; он разделся и лег с нею спать. Поговорили промеж себя и до того договорились, что гость взобрался на девку и ну валять ее во все лопатки; отзудил раз, отзудил и в другой. "Послушай, душа, я слыхала от баб, что если привязать ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то пизда вся наружу будет, и что эдак-то хорошо еться: не надо и подмывать. Попробуем-ка, дружок!" Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около ее ног, притянул их покруче к шее и давай качать. Тут ночлежник как бросится сверху да закричит во все горло: "Караул! Рятуй, хозяин! Твоя дочь пропала -- волки голову отъели!" Любовник соскочил да и к дверям, а ночлежник схватил его за шиворот: "Нет, брат, стой! Погоди маленько!"

Старик со старухой услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели, выбежали из клетки и к дочерниной постели, щупает ее старик руками и нащупал впотьмах пизду и жопу, оробел: "Вить это, -- думает, -- одно туловище -- головы нету!" И закричал на старуху: "Давай скорей огня! Теперича нашей дочки нет живой на свете!" А сам крепко ухватился и держит за пизду и жопу и плачет по дочери. Принесла баба огня. Глядь, а дочка-то связана!" Господи Боже мой! Что это такое?" -- "А вот он, дядюшка, волк-та!" -- говорит ночлежник, держа любовника за ворот. "Эка ты, сукин сын! -- закричала старуха. -- Разя не мог поеть ее попросту?" Давай

толкать любовника в шею, так и вытолкали! А дочь развязали. "Сделай милость, дружок, -- просит старик, -- не сказывай никому нашего горя, вот тебе за то двадцать пять рублей!" -- "Нет, дядюшка, не скажу, Бог с вами! Какое мне дело!"

Поутру угостил старик ночлежника и проводил за деревню. Пошел парень домой, идет, а навстречу ему целая ватага нищих с котомками. "Послушайте, нищенские, -- стал он говорить им, -- ступайте в эту деревню, там на самом краю живет мужик богатой, нонче он делает поминки по своей дочери, у которой волки голову отъели. А мужик-то доброй, он вас примет, накормит и напоит, еще и в котомки наладет!"

Нищие прямо туда и потащились; пришли на двор, выстроились в ряд и дожидаются обеда. Хозяин увидел: "Ишь, сколько их нашло!" Взял большой коровой хлеба, разрезал и обдал всех по куску, а нищие все стоят, нейдут со двора вон. "Чего ж вы дожидаетесь?" -- спрашивает мужик, -- вить вам дали милостинку!" -- "Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли нам пообедать да помянуть твою дочку." -- "Какую дочку?" -- "Да которую волки съели." -- "Какой черт вам сказал? У меня дома все благополучно!" -- "Да нас послал к тебе эдакой-то парень." -- "Ну, ну, проваливайте!" -- закричал хозяин.

Нищие ушли со двора, а хозяин говорит: "Ну, старуха, пропали мои деньги! Только понапрасну дал этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота,

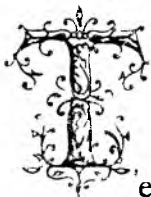
полон двор нищих нагнал! Поди-кась, он те-
перича по всем деревням славу пустил! Да
еще коли сват про то узнает, так дело наше
дрянь выйдет!"

Меж тем парень шел-шел и пришел домой.
"Ну что, сынок, видел свою невесту?" -- спра-
шивают его отец с матерью. "Ах, батюшка!
Не досаждайте мне, лучше бы совсем не ви-
дать." -- "Что так?" -- "Да вить у моей наре-
ченной невесты -- царство ей небесное! --
волки голову отъели, одно туловище остави-
ли, завтра хоронить будут!" -- "Эка беда-то
стряслась над ними! Надыть, старуха, поехать
да проститься, пока не похоронили. Люди
они для нас были хорошие! Запряги-ка нам,
сынок, лошадок, мы со старухой к свату по-
едем..."

Сын запряг лошадей, они сели и поехали.
Подъезжают ко двору, а сват увидал и выбе-
жал навстречу. "Здравствуй, сват! Как Гос-
подь милует?" -- "Милости просим в избу, го-
сти дорогие!" А гости унылым голосом отве-
чают: "Спасибо, сватушка! Мы к тебе не гос-
тить приехали, а проститься с твоею дочкой.
Верно, не судьба нам быть в родстве с то-
бою." -- "Отчего же, сват?" -- "Да вить у тебя
несчастье в доме: волки голову у дочки от-
грызли!" -- "Когда? Кто это вам сказывал?" --
"Да сынок, вить он у тебя прошлую ночь но-
чевал, все сам и видел." -- "Вот те раз! Дак
это твой сын был? Нечего делать: хоть дочка
моя и жива, да дело-то неладно!"

Потолковали и решились с Богом; с тех пор
и перестали они называться сватами.

71. БАБЬИ УВЕРТКИ

етушка, я хочу у тебя попросить..." -- "Ну, говори, что тебе нужно?" -- "Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно." Тетка сейчас догадалась: "Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удовольствие, да вить ты не знаешь наших бабьих уверток." -- "Авось, тетушка, как-нибудь и увернуся!" -- "Ну, хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко."

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору, а кругом двора-то была набросана кострика. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит! "Посмотри-ка, старик,-- говорит тетка,-- кто-то ходит около избы: не вор ли какой?" Дядя открыл окошко и спрашивает: "Кто там по ночам шляется?" -- "Это я, дядя,"-- отвечает племянник. "Какой черт тебя сюда занес?" -- "Да что, дядя, за спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять венцов, а я говорю в десять. Вот я и пришел пересчитать." -- "Разве он, старой черт, разум-то прожил!-- говорит дядя. -- Сам же рубил со мной избу

в десять венцов!" -- "Так, дядя, так; вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!"

На другой день парень сказал тетке: "Ну, тетушка, эдак пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а попадешься!" -- "Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? А ты знаешь, где наша закута, куда овец загоняют, туда и приходи нынешнюю ночь. Уж я к тебе непременно выйду!"

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, прижался в угол и поджидает тетку. А тетка говорит своему мужу: "Подика, хозяин, что-то у нас на дворе не здорово, нет ли зверя? Овцы наши что-то всполошились, уж не волк ли к ним забрался?" Старик вышел на двор и спрашивает: "Кто здесь в закуте?" Племянник выскочил: "Это я, дядюшка!" -- "Зачем тебя черт занес в эдакую пору?" -- "Чего, дядюшка? Отец не дает мне покою, чуть не дошло у нас до драки." -- "За что ж так?" -- "Вот за что: он говорит, что у тебя девять овец, а десятый баран, а я спорю, что у тебя только девять овец, а барана вить ты зарезал." -- "Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал. Да вить он, старой дьявол, сам был у меня на крестинах и ел баранину! Даром, что он мне брат родной, а я завтра как увижу его -- сейчас в глаза наплюю." -- "А мне что? Даром, что он мне отец родной, -- пойду ему да бороду выдеру; а то вить сам не спит и людям не дает! Прощай, дядя!" -- "Прощай с Богом!"

А тетка так со смеху и катается.

На третий день племянник увидал тетку и

говорит: "Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобой, право, пропадешь!"

-- "Эх ты, Ваня, Ваня, какой глупой! Дядя-то с тобой разговаривает, а мне как к тебе выйтить? Вот теперь два раза увернулся, смотри, в третий раз не дай маху. Ночью приходи к нам в избу; вить ты знаешь, где мы спим, да как нащупаешь -- так и валяй: у меня жопа-то будет заворочена."

Только легла тетка спать с мужем, и говорит ему: "Послушай-ка, что я тебе скажу: чтой-то мне мочи нету, спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к стенке". -- "Мне все равно!" -- сказал старик и полез на край. Полежала-полежала тетка да и вздумала: "Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть печка закрыта," -- а сама хватъ его рукой за жопу: "А ты все в портках! Ах ты -- прелые муде! Ты бы спросил хоть у Лукьяна или у Карпа: спят ли они когда в портках со своими женами?" Он послушал ее ума-разума, скинул портки и заснул: жопа заворочена!

Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню да сейчас в сени; приложил ухо к дверям: в избе тихо, отворил дверь потихоньку, вошел в избу и ну шупать около постели; нащупал дядину жопу и обрадовался голой сраке; вынул свой кляп и наставил дяде в жопу; как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за хуй. А тетка спрашивает: "Что ты, что ты, старик?" -- "Вставай скорей, -- закричал дядя на жену, -- зажигай лучину: я вора поймал." Тет-

ка вскочила, побежала будто огонь дуть, да взяла воды и остальной огонь залила. "Что ж ты копаешься?"

-- "Да огня нету!"

-- "Беги к соседу!"

-- "Как я пойду? Теперь дело ночное, волки таскаются."

-- "Ах, мать твою разтак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-то! Да смотри не упусти!"

Покедова дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разбудил его и рассказал, что случилось, да добыл огня, тетка в это время оставалась с племянничком в избе. "Ну,-- говорит,-- теперича делай со мною, что хочешь!" Вот он положил ее на постелю и отработал ее два раза. Тетка проводила парня и думает: "Что сказать мужу? Как-де вора упустила?" Спасибо, на ее счастье не так давно отелилась корова, а теленок был привязан к ихной кровати. Баба хитра, ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает: "Жена, что ты держишь?"

-- "Как дал ты, так и держу!"

Мужик так рассердился, схватил ножик и отрезал теленку голову. "Что ты, с ума сошел али взбесился?" -- закричала на него жена. Он скинул свои портки и показывает ей жопу: "На-ка посмотри, как он меня лизнул! Коли б еще раз лизнул -- кажись, и жив не был бы!"

Повстречалась тетка с племянничком и говорит: "А что, Ваня, купишь мне красные башмаки (сапоги)?"

-- "Отчего не купить! Вот завтра в город поеду и куплю."

-- "Купи, Ваня, я те заслужу. "

А Ванька-то был не промах, пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок да в платок завернул и несет тетке. "Что, Иванушка, купил?"

-- "Купил."

-- "Дай-ка я попробую."

-- "Сперва заработай!"

Привел ее в сарай, платок с вилок положил ей под голову и давай попирает тетку; попирает, а капуста в головах скрипит да скрипит. Тетка говорит: "Скрипи не скрипи, а быть на ногах!" А парень: "Съесть и в пирогах!"

72. СТРАННЫЕ ИМЕНА

ил-был мужик с женою; поехал на поле пахать, только прошел одну борозду и выпахал котелок с деньгами. Обрадовался мужик, схватил котелок и только хотел припрятать -- подходит солдат, увидал деньги и говорит: "Послушай, мужик! Это мои деньги. Коли отдашь мне их, то сколько борозд пропадешь нынче, столько и котелков с деньгами найдешь!"

Мужик подумал-подумал и отдал солдату свою находку. Начал опять пахать, прошел одну борозду -- нет денег, прошел другую -- тоже нет! "Видно, соху пушаю мелко!" -- думает мужик и опустил соху поглубже: едва лошадь тянуть сможет! А денег все нету.

Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать: "Какой хозяин! Бога ты не боишься, поди-кась, как лошадь упарил! Зачем так глубоко падешь?"

-- "Послушай, жена!--говорит мужик.-- Только приехал я на поле да прошел первую борозду -- сейчас и вырыл котелок, полный денег, да принеси на ту пору нечистая сила

солдата: "Коли ты,-- говорит,-- отдашь мне эти деньги, то сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь!" Я ему и отдал свою находку; стал пахать да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко; ну, взял и пустил ее поглубже. Пахал-пахал, целой день пахал, а толку нету!"

-- "Экой ты дурак! Попало счастье, не смог сберечь. А в какую сторону пошел солдат?"

-- "Да прямо вот по этой дороге."

-- "Пойду-ка его догоню!"

И пошла хозяйка с своим сынишкой догонять солдата; шли-шли и видят: идет впереди какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнала. "Здорово, служивый! Куда Бог несет?"

-- "Иду в отпуск, голубушка!"

-- "А в какую деревню?"

-- "Да в такую-то."

-- "Ну и мне туда ж надо, пойдем вместе."

-- "Пойдем!"

Идут вместе и разговаривают. "Как тебя, голубушка, зовут?"

-- "Ах, служивой, нас с сыном так зовут, что и сказать стыдно."

-- "Что за стыдно! Украсть -- стыдно, а сказать -- ничего, все можно."

-- "Да вишь, меня-то зовут: Насеру, а сына -- Насрал."

-- "Ну что ж -- это ничего!"

Пришли они на постоялой двор и легли ночевать; только солдат заснул, баба вытащила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился -- а денег

нету и стал звать: "Насеру, Насеру!" А хозяин услышал и говорит: "Служивой, ступай в нужник срать."

Солдат видит, что баба не откликается, давай звать мальчика: "Насрал, Насрал!"

А хозяин заругался: "Экой ты, служба! Таки насрал в хате!"

Взял солдата и выгнал вон.

73. ПОП И ЦЫГАН

некотором царстве, в некотором государстве жил-был цыган, у него был отец -- старик. Крепко старик заболел, лежит в постели: а сын ходил-ходил за ним да потом и бросил. Что отец ни попросит у него -- пить або что -- цыган будто не слышит, только думает, кабы поскорее помер! "Э, сынку!-- говорит отец. -- Ты вже не став мене и за батька почитати, а я ж тебе на свит родыв!"

А сын ему отвечает: "Серу твоего батька! Ты не мене робыв, а свою душу солодыв (улаждал). Полизай ты к матери в сраку, то я, батько, и тебе перероблю." Отец вздохнет и промолчит.

Пришло время, помер старик. Одели его и положили на лавке: лежит покойник, борода у него длинная; накурили в избе ладаном, все готово; пошел цыган за попом: "Здравствуй, батиньку!"

-- "Здорово, цыган! Что скажешь?"

-- "Мой батька помер, пида -- похорони."

-- "Невжели помер?"

-- "Помер, легкой ему опочывок! Лежит на

лавке как Спас и бородку свою распас: мось-мило по хатоньке походить и на его билое тило посмотрити. Да кажись, батиньку, он и просвятится, бо так пахнет от него ладаном!"

-- "Что ж, цыган, есть у тебя деньги -- за похороны заплатить?"

-- "За что тоби деньги платить? За тое стерво, шо лежит на лавки, черной, як головешка, а вытаращив зубы, як бешена собака. Дай ще тоби за него деньги платити! Пожалуй, не прихоть хоронить, я тоби приволоку его за ноги: шо хошь, то и роби з ним, хоть соби на вечину капти да жры!"

-- "Ну ладно, ладно,-- говорит поп,-- сей-час приду да похороню."

Воротился домой цыган, вслед за ним пришел поп; тут отпели цыганова отца, положили во гроб, снесли на кладбище и похоронили. "Невжли ты,-- говорит поп цыгану,-- насколько не заплатишь мне за своего отца? Тебе грешно будет!"

-- "Ах, батиньку,-- сказал цыган,-- сам знаешь, яки у цыгана деньги: було трошки, усе потратив на поминки, а ты, батиньку, повремени до ярманки, добуду денег -- отдам тоби!"

-- "Ну хорошо, свет, подождать можно."

Началась ярманка, поехал цыган в город лошадыми менять, поехал и поп по своим делам. Вот и попадает ся цыган попу навстречу. "Послушай, цыган,-- напоминает поп,-- время тебе деньги отдать!"

-- "Якие деньги? За шо тоби отдавать?"

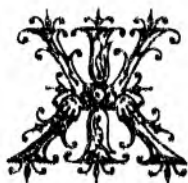
-- "Как за что? Я твоего батька схоронил."

-- "А то ж мини и треба! Я сколько не ищу своего батька, нияк не могу найти; чужие батьки лошадыми миняют, а мого нима, а се ты, псяча-козляча твоя борода, похороныв мого батьку!"

Ухватил попа за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать: "От тоби, псяча-козляча борода! Хоть здохны да роды мого батька! А то задеру кнутом!"

Насилу поп вырвался из цыганских рук да давай Бог тягу! С тех пор полно спрашивать с цыгана денег.

74. ДОБРЫЙ ПОП

ил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: "Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставляю." Пожил работник с неделю, настал сенокос. "Ну, свет,-- говорит поп,-- Бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено." -- "Хорошо, батюшка."

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье: "Давай-ка нам, матушка, завтракать; мы пойдем на поле -- косить сено." Попадья собрала на стол, сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику: "Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдника без роздыху." -- "Как вам угодно, батюшка. Пожалуй, и пообедаем." -- "Подавай, матка, на стол обедать!"-- приказал поп жене. Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули и сыты. Поп говорит работнику: "Давай, свет, за одним столом и пополуднуем, и будем косить до самого ужина." -- "Как вам угодно, батюшка, полудновать, так полудновать." Попадья подала на стол полудник. Они

опять хлебнули по ложке, по другой и сыты. "За равно, свет,-- говорит поп работнику,-- давай заодно и поужинаем, и заночуем на поле -- завтра раньше на работу поспеем." -- "Давай, батюшка!"

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон. "Куда ты, свет?"-- спрашивает поп. "Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться." Пошел в сарай и проспал до света.

С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

75. БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД

Был поп, содержал на большой дороге постоялой двор. Идучи с заработков, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем: "Что, свет, хороша ль работа была? Много ль денег заработал?" -- "Сот пяток не-су домой." -- "Это доброе дело, свет! Давай-ка с тобой поспорим да об заклад побьемся на эти пять сотен, коли выиграешь, будет у тебя целая тысяча." -- "О чем нам с тобой спорить-то?" -- "А вот что: живи у меня сутки, пей, ешь, что твоей душе угодно, только до ветру не ходи: вытерпишь -- твое счастье, а не вытерпишь -- мое!" -- "Изволь, батька!"

И ударились об заклад.

Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина; парень давай уписывать, нажрался и напился до того, что вздохнуть не-возмогу. Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось срать: невтерпеж пришло. "Что де-лать,-- говорит он попу,-- отопри, батька! Проспорил!"

Поп обобрал с него деньги и отпустил домой начистоту.

Понравилось попу огребать денежки, надул еще двух-трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга. Шел он домой с работы, а денег у него в мошне-то меньше гроша; пришел к попу ночевать. "Откуда идешь?" -- спрашивает его поп. "В работниках жил, теперя иду домой." -- "А много ль денег домой несешь?" -- "Тысячи полторы будет!" Поп как услышал -- чуть не подскочил от радости. "Давай, -- говорит, -- об заклад биться. Ешь и пей ты у меня, что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки; вытерпишь -- я плачу тебе полторы тысячи, а не вытерпишь -- ты мне заплатишь. Хошь?" -- "Давай, батка!"

Уселся мужик и давай угощаться: поп не успевает носить кушаньев да вина подливать -- так все и прибирает; нажрался, напился и спать повалился; поп его и запер накрепко. Ночью проснулся мужик и так захотелось ему до ветру, что, кажись, последнюю калитку ломает -- туго приходит! Мужик увидал: на гвозде висит большая попова шапка, снял ее, навалил ее больше половины и опять повесил на стену, а сам улегся спать.

Прошли сутки, мужик давай стучать: "Отпирай, батко!" Поп отпер, осмотрел везде -- нигде не видать насранного. Тут мужик и прижал попа: подавай денежки! Поп морщится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает: "Как тебя, проклятой, зовут-то?"

Николи тебя пущать не буду." -- "Меня зовут Какофием, батько!" -- отвечал мужик, взял деньги и ушел.

Остался поп один и раздумал: жалко стало ему денег. "Пойду, с горя лошадей посмотрю!" Схватил со стены шапку и напялил на голову: говно и потекло оттуда по голове на шею ему и на плечи. Поп пуще взбесился, выскочил на двор, сел верхом на лошадь и погнал по большой дороге, а навстречу ему извошки едут. Поп и спрашивает: "Не видали ль, ребята, Какофья?" -- "Батька, каков ты? Неча сказать, хорош! Кто тебя так славно изукрасил-то?"

С тем поп и воротился.

76. КАКОВ Я!⁴²

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватой, что Боже упаси! Стибрил где-то сотню рублей и убежал из своей деревни. Шел-шел и выпросился переночевать у попа. "Ступай,-- говорит поп,-- ты у нас места не пролежишь". Пришел мужик, разделся и лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидел, что мужик считает деньги -- а на это они чутки!-- и думает: "Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть! Дай-ка напою его пьяным да и оберу". Вот поп немного погодя подошел к мужику и говорит: "Пойдем, свет, с нами ужинать". Мужик обрадовался: "Спасибо, батюшка!" Сели ужинать; поп поставил вина и давай его наливать: так потчует -- просто отдыха не дает! Мужик напился пьян и свалился на пол, поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку.

Наутро проспался мужик, глядь, а в кармане пусто; смекнул, в чем дело, да что возь-

мешь: коли просить на попа -- так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам отколь пришел; еще беды наживешь! Так мужик и ушел; таскался кое-где месяц и другой, и третий, а там и думает себе: "Чай, поп теперь меня позабыл; оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить". Пришел к попу в избу; а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела. "Пусти, матушка, переночевать к себе". -- "Пожалуй, иди". Он вошел в избу и уселся на лавке. "Как тебя зовут, свет? Откуда идешь?" -- "Какофием, матушка; иду издале-ча на богомолье".

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет, будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает: "О чем, свет, плачешь?" -- "Как мне не плакать? В Святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще Бог грехам-то терпит." -- "А ты, свет, научен грамоте?" -- "Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от Бога." -- "А петь по-дьячковски умеешь?" -- "Умею, матушка, умею. С малых лет учился: весь церковный устав знаю." -- "А у нас, свет, дьячка нету; уехал отца хоронить; не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?" -- "Хорошо, матушка! Отчего не помочь?"

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь

и начал служить обедню. Только мужик стоит на крылосе и молчит себе. Поп закричал на него: "Что же ты стоишь молча, а не поешь?" А мужик ему: "Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь." И сел на жопу. Поп опять кричит: "Что же ты сидишь, а не поешь?" -- "Пожалуй, я и лягу." И развалился на полу. Поп подошел и выкурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать.

Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает: "Что, отслужили обедню?" -- "Отслужили, матушка!" -- "А где ж батя?" -- "Он в церкви остался: надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новой тулуп, сукном крытой, да бобровую шапку; иди далеко, дак он хочет потеплей одеться." Попадья пошла за тулупом и шапкою. А мужик зашел за избу, снял свою шапку, насрал полную и положил на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой. Попадья увидела, что он в старом тулупе, и спрашивает: "Где ж новой тулуп-то?" -- "Какой?" Ну, тут рассказали друг другу про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, что с говном лежала, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а говно из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина: "Не видал ли Какофья?" -- "Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!" Кого ни спросит -- все ему одно отвечают. "Какие дураки, -- говорит поп, -- им одно толкуешь, а они тебе другое!"

Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добился. "Ну,-- думает,-- что с воза упало, то пропало." Воротился домой, снял шапку, а попадья как посмотрела на него, сейчас завопила: "Ай, батька, вить у тебя оспа на голове выходит!" -- "Что врешь!"-- сказал поп. Пощупал свою голову и всю руку в говне вымазал.

Так сказка и кончилась.

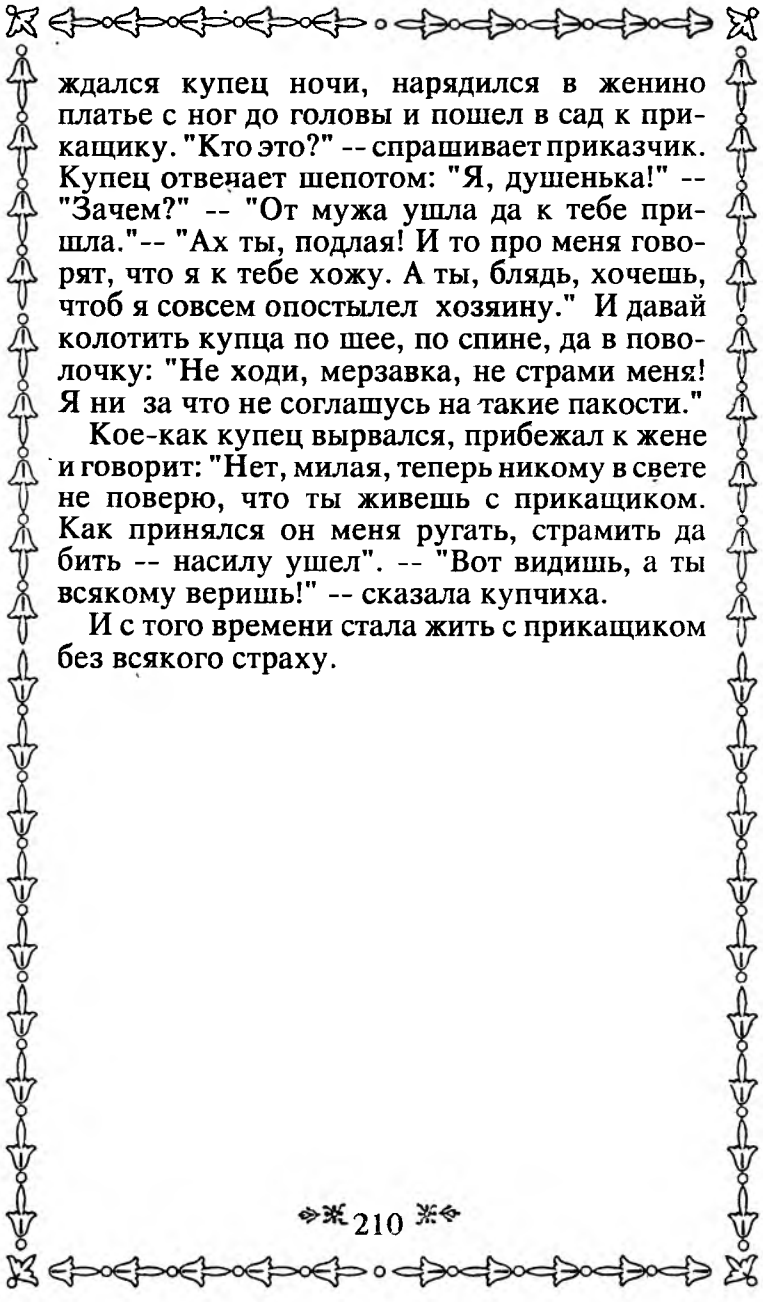
**77. КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА
И ПРИКАЩИК**
(Подобная есть у Боккаччо)

ил-был купец, старый хрыч; женился на молоденькой бабенке, а у него было много прикащиков. Старшего из прикащиков звали Потапом; детина он был видной, зачал к хозяйке подбираться, шутит с нею всякие шуточки, так у них дело и сладилось.

Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене: "Послушай, душинька, что люди-то говорят, будто ты с прикащиком Потапом живешь." -- "Что ты, Бог с тобой, соглашусь ли я! Не верь людям, верь своим глазам!" -- "Говорят, что он к тебе давно подбирался. Нельзя ли как-нибудь испытать его?" -- "Ну что ж,-- говорит жена,-- послушай меня, нарядись в мое платье и пойди к нему в сад -- знаешь, где он спит, да потихоньку шепотом и скажи: я-де к тебе от мужа пришла. Вот и посмотришь тогда, каков он есть." -- "Ладно,"-- сказал купец.

А купчиха улучила время и научила прикащика: как придет муж, хорошенько его поколотит, чтобы он, подлец, долго помнил! До-

ждался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к прикащику. "Кто это?" -- спрашивает приказчик. Купец отвечает шепотом: "Я, душенька!" -- "Зачем?" -- "От мужа ушла да к тебе пришла." -- "Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу. А ты, блядь, хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину." И давай колотить купца по шее, по спине, да в поволочку: "Не ходи, мерзавка, не страми меня! Я ни за что не соглашусь на такие пакости."

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит: "Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с прикащиком. Как принялся он меня ругать, страмить да бить -- насилу ушел". -- "Вот видишь, а ты всякому веришь!" -- сказала купчиха.

И с того времени стала жить с прикащиком без всякого страха.

ПРИМЕЧАНИЯ А.Н. АФАНАСЬЕВА

1 ... *меж двух берез.* -- Вар.: меж развилинами березы.

2 ... *да и завязла.* -- Вар.: Пошел заяц в лес, увидел лису и стал с нею разговаривать. Говорить-то говорит, а сам норовит, у него хуй как рог стоит. На такое дело он ловок, да попросить-то робок. Дождался заяц удобного времени, когда лиса завязла между березами...

3 ... *говна тебе кус...* -- Вар.: "Видел архирея?" -- "Видел." -- "Какой же он?" -- "На четырех ногах ходит, на цепи его водят, золотое кольцо через нос продето, а собаки на него так и лают." -- "Дурак же ты! Это медведь!" -- "Поди ты к хую, не бредь!."

4 ... *петух топчет курицу, воробей -- воробку...* -- Вар.: Петух курицу топчет, она под ним клокчет.

5 Московские слепцы знают этот стих в полнейшем виде и в более интересном варианте.

6 ... *Закричит барыня: "Тпрру!"* -- Вар.: Мужик учит барыню говорить: "Но -- тпрру! Но -- тпрру!". Скажет "но" -- хуй пойдет в дыру, скажет "тпрру" -- назад попятится и т. д.

7 ... Заебли б меня до двора... -- Вар.: Барыня наказывает лакею принести свой секрет в ящике, да никак не заглядывать туда, не любопытствовать, что такая за штука. Лакей не утерпел и посмотрел, идя дорогою; как увидел и промолвил, покачав головой: "Ну, ну, ну!" Оба хуя так и всадились к нему в жопу, и долго его промучили. Да спасибо, ехал навстречу мужик на доброй лошади и закричал на нее: "Тпру!". Тут они и выскочили вон.

Имеется следующий вариант сюжета сказки:

б) Был-жил портной, у него было такое волшебное кольцо: как наденешь на палец, так хуй и вырастет! Случилось ему работать у одной барыни, а он был такой весельчак да шутник: когда спать ложился, никогда своего хуя не закрывал. Вот эта барыня увидала, что у него хуй очень велик, позадорила на эдакую збрую и позвала его к себе¹.

"Послушай,-- говорит,-- согласишься сделать со мной грех, хоть один раз!" -- "Отчего не так, барыня! Только с уговором: чур не пердеть! А если уперднешься, то с тебя триста рублей!" -- "Хорошо",-- сказала барыня.

Легли они; вот барыня всячески старается, чтобы как можно под портным не усрать, и приказала своей горничной девке приготовить большую луковицу, и заткнуть ей жопу, и покрепче придерживать обеими руками. Воткнула барыне в жопу луковицу и стала придерживать; а портной как взобрался на нее да напер -- куда к ебенной матери и луковица вылетела, да прямо в горничную, так ее до смерти и убила!

Пропало у барыни триста рублей.

Взял портной деньги и пошел домой; шел-шел долго ли,

¹ Вар.: Жил-был Иван бедной, у него хуй медной, плешь полуженая. Нанялся у купца в работники; стал один раз мочиться, увидала купеческая дочь, что у него хуй велик, и пошла за него замуж. У Ивана было волшебное кольцо (далее следует история с тещей).

коротко ли и лег в поле отдохнуть; надел на палец свое кольцо -- у него хуй и протянулся на целую версту; лежал, лежал да так и заснул. Откудова не возьмись семь волков, стали хуй глотать, одной плечи не съели -- и то сыты наелись. Проснулся портной -- будто мухи кляп покусали. Снял с руки кольцо, спрятал в карман и пошел в путь-дорогу.

Шел-шел и зашел ночевать к к одному мужику, а у того мужика была жена молодая, до больших хуев великая охотница. Лег портной спать на дворе и выставил хуй наружу. Увидала мужикова жена, как ухитриться? Подошла, заворотила подол и наставила чужой хуй в свою пизду. Портной видит -- дело ладно, стал потихоньку кольцо на палец надевать -- стал у него хуй больше да больше вырастать, поднял ее вверх на целую версту. Пришлось бабе не до ебли, уцепилась за хуй обеими руками. Увидали добрые люди, соседи и знакомые, что баба на хую торчит -- давай молебн служить: обое целы будут! Стал портной помаленьку снимать с руки кольцо, хуй понизился, баба свалилася. "Ну, ненаебная пизда! Смерть бы твоя была, коли б хуй-то подрубил."

9 ... -- *остался у барина его старый хуишка.* --

Бар.: Мужик устал дорогою, лег в стороне и заснул, а кольцо позабыл снять с пальца. Вот кольцо и сдвинулось с ноготка на палец -- хуй и протянулся на семь верст, лежит через дорогу, словно дубовая колода. Вдруг скачет во весь дух на тройке добрых лошадей молодой барин, наскочил на хуй -- крик! -- ось пополам! Что за диво такое? Пошли и добрались по хую до мужика. Разбудил его барин: "Отчего, скажи, у тебя хуй такой большой?" Мужик рассказал. "Продай мне кольцо." -- "Купи." -- "Что стоит?" -- "Сто рублей". Барин заплатил и поехал, дорогой надел кольцо на весь палец и не знает, что делать с хуем, не рад и кольцу! Опять к мужику: "Сделай по-старому!" А тот взял еще сто рублей и снял кольцо с руки барина.

10 ... *прости, зятек, больше не стану!* -- Вар.: Зять лег спать в избе, хуй у него стоял по локоть; теща в задор вошла, влезла на хуй к нему и ну покачивать; кольцо сдвинулось, хуй поднялся выше и выше, проломил потолок, пробил крышу и высунулся с тещей поверх трубы.

11 ... *ничего похабного!* -- Вар.: скромного.

12 ... *оба из воды вылезли.* -- Вар.: "Что этот жеребец делает?" -- "Свой табун оглядывает". -- "Правда, правда!" -- "Кабы не правда, сударыня, не сказал бы!" Вот петух топчет курицу. "Что это?" -- "Нынче день ненастный, так он ее от дождя закрывает". -- "Правда, правда!" -- "Кабы не правда, не сказал бы." Вот еще склешились. "Это что?" -- "Сегодня канун, а завтра праздник; друг дружку в гости тащат." -- "Правда, правда!.."

13 ... *по-соромски не ругаться...* -- Вар.: матерным.

14 ... *ступай, куда хошь!* -- Вар.: Парень просто отвечает: "Повыше-то жопа, а пониже-то пизда." -- "Ну, брат, слезай с телеги долой да убирайся от греха к хую: меня с тобою попадья и в избу-то не пустит, она похабного до смерти не любит!"

15 ... *Это подтюрьмок.* -- Вар.: Пришел поп с батраком в избу, попадья села на лавку, подняла подол, раставила ноги и говорит батраку: "Смотри-ка, что это у меня?" А батрак будто испугался, как побежит из избы вон; она его ухватила: "Чего ты, глупенький, боишься? Вить это, право, ничего!" А тут еще попова дочь заворотила подол да спрашивает батрака: "А у меня -то что?" Батрак дрожит со страху да посматривает на двор. "Ну,-- говорит попадья,-- мы тебя, голубчик, больше страшать не будем; а вот помни, что я тебе скажу: у меня-то меж ног тюрьма, а у дочки-то перетюрьм-

тюрьма; кто провинится в воровстве или в чем ином нехорошем -- того сюда и посадим!"

16 ... *его из дому.* -- Вар.: Вот батрак и ухитрился: украл серебряную ложку и привязал ее мочалкою на хуй. Стала обыскивать его попадья, спустила с него портки, увидела ложку, засмеялась и говорит: "Ишь тебя черт догадал! Ведь я ж тебе говорила, что за воровство в тюрьму сажают." -- "Да я, матушка, и сам вора не потатчик, за такую вину надо его, подлеца, посадить в перетюрьм-тюрьму!" Поп с попадьею видят, куда оно пошло, и говорят, на первый раз-де и простить можно... "Вы-то прощаете,-- говорит батрак,-- да я-то не прощу, вить на меня худая слава пойдет! В перетюрьм-тюрьму его, бестию!" Поп и попадья стали его уговаривать, просить да кланяться и упросили батрака не сажать вора к поповне в перетюрьм-тюрьму, а взять за то сто рублей деньгами. Тем и сказка кончилась.

17 ... *давно простыл.* -- Вар.: У того попа была большая свинья. Только поп с попадьею уехали, она и опоросилась, и принесла одиннадцать поросеночков. Поповна и говорит: "Ведь наша свинья распосталась. Ах, как мне поросятинки захотелось!" А батрак: "Ну что же? Возьмем одного, заколем да и зажарим." -- "Отец узнает!" -- "Черта с два! Что он поп, так и узнает! Вить свинья не равно поросится: иной раз принесет 6, а то и 10 поросят и больше!" Вот взяли они одного поросенка, закололи, ошпарили, положили на противень и поставили в печь, да и начадили на всю избу. Только сжарился поросенок, смотрят: а черт попа несет! Что делать, куда девать поросенка? "Просунь голову в окно,-- говорит поповне батрак,-- да смотри, далеко ли отец, а я стану прятать поросенка!" Она высунулась в окошко, а батрак бросил поросенка под рогожу, сам скинул портки и заворотил поповне платье. "Что ты делаешь?" -- "Я туда поросенка схорю! Никто не найдет!" Да как запихнул ей, аж она за-

охала: "Ах, как больно! Никак до крови?" -- "Терпи уж как-нибудь! Я его спрячу!" Приехал поп: "Что у вас чад в избе-то?" -- "Должно быть, в печи была головешка, -- говорит батрак, -- ишь, и дочка-то ваша угорела, вся из лица переменялась!" С того самого часа и забрюхателя поповна, стал шевелиться у ней в брюхе ребенок, она и говорит батраку: "Знаешь что? Вить тот поросенок, что тогда ты схоронил во мне, у меня в брюхе ожил!" -- "И впрямь?" -- "Ей Богу! Так и шевелится!" -- "Ну, его пирогом можно вымануть!" Вот поповна взяла конец пирога, пошла в сарай к телеге, подняла левую ногу на колесо и кричит: "Чух, чух, чух!.."

18 Имеются следующие варианты сказки.

б) Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву. Что делать: жена беременна, а ехать надо. "Ладно, -- говорит он жене, -- я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да повоздержнее".

Сказал и уехал.

А дело-то было великим постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба- то была собой хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает: "Отчего у тебя брюхо велико?" -- "Согрешила, батюшка, жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал". -- "Как в Москву?" -- "Да, батюшка, " -- "А долго ль проездит?" -- "Почти с год." -- "Ах, он мошенник, заделал ребенка и не доделал, вить это смертный грех! Делать нечего: я твой отец духовной и должен тебе доделать, а за хлопоты приноси-ка три холста!" -- "Сделай божескую милость, -- просит баба, -- избавь от смертного греха, доделай, а ему, мошеннику, как приедет с Москвы, все глаза выцарапаю!" -- "Ну, свет, рад послужить тебе, а то грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!"

Так дело-то и обделалось.

А поп был женатый, и у него были две дочери; вот он и боится, как бы попадья про его шашни не узнала. Хорошо. Приехал мужик с Москвы, а жена его уж давно родила;

только что входит он в избу, баба и напустилась на него: "Ах, ты сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержнее, а сам у меня ребенка заделал да не доделал, так и уехал! Спасибо еще: батюшка-поп мне его доделал, а то что бы я стала делать?" Мужик догадался, что дело не ладно, и говорит себе: "Погоди, я его, долгогривого колухана, обтяпаю!"

Случилось в одно время летом, поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и понадобилась ему борона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить борону. Поп рад всячески ему угодить, чтоб только до попадьи не довел его шашней, боится отказать и говорит: "Возьми хоть все три!" -- "Да без тебя, батюшка, не дадут, скричи попадье-то хоть из окошка, чтоб все три дали". -- "Хорошо, свет, ступай."

Мужик к попадье пришел и говорит: "Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать..." -- "Что ты, свет, с ума что ли сошел?" -- "Спроси его хоть сама, ведь он мне сейчас приказывал." Попадья и кричит попу: "Поп! Ты велел нам дать мужику?" -- "Да, да, все три дайте". Делать нечего, стали давать мужику по очереди; он начал с попадьи, а кончил меньшей поповною, и воротился домой.

Как только пришел поп от обедни, попадьа и давай его ругать: "Ах, ты черт, колухан! С ума что ли спятил! Всех дочерей перепортил; ну, меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему отделать!" Поп хвать себя за бороду и побежал к мужику: "Я тебя в суд потащу, ты моих дочерей перепортил!" -- "Не сердись, батька!-- говорит мужик -- Ты любил чужих ребят доделывать да еще за труды холстом брал; вот теперя мы с тобой поквитались!"

Помирился поп с мужиком, и стали жить большими приятелями.

в) Та же интрига в одном варианте выставляется как случившаяся между племянником и дядею, который вздумал

доделывать ребенка. Задумал Иван, как бы дяде Кузьме на-смешку отплатить. На ту пору Кузьмы дома не было, оставались одни бабы. Ванька взял веревку, привязал корову за рога и повел вдоль деревни. Увидала из окна тетка и говорит: "Видно, Ванька-то совсем промотался: последнюю корову повел продавать. Сноха, поди-ка спроси его, куда ведет корову?" Сноха выбежала и спрашивает: "Куда повел корову?" -- "Да рассердился на жену, так и веду: где-нибудь проебу!" -- "Дай ему, сноха,-- говорит тетка,-- пусть чужим корова не достается!" Сноха согласилась. "Веди корову на двор!" -- закричала она Ваньке.

Вот он привел ее на двор, привязал к столбу, положил сноху на солому, отделал как надо и хочет зашивать ей пизду: вынимает иголку и нитки. Та испужалась да в избу. "Ну, где ж корова?" -- спрашивает тетка. Та чуть не плачет: "Поди сама! Он отделать-то отделал, да еще хотел пизду зашить: очень-де широка!" -- "Ну, ступай ты, Матрешка!-- стала посылать тетка свою дочь-девку,-- хоть не задаром твоя честь пропадет, все корову возьмешь!"

Пошла Матрешка к Ваньке, он положил ее на солому, отработал и стал вынимать ножик. "Ах, старая чертовка! -- говорит Ванька,-- что она -- на смех высылают? Весь хуй ободрал! Я не пожалею, что родня, разрежу пизду-то!" Матрешка испужалась и побежала в избу. "Сама ступай, старая ведьма!-- говорит с плачем матери.-- Мне и так больно, а он хотел еще ножом резать!" А старуха говорит: "Уж разве мне пойти -- стариной тряхнуть!"

Пошла к Ваньке, он и ее положил на солому да и стал смеяться: у меня-де и дома много в погребу снегу! Вынул огниво и хочет поджечь солому. Старуха давай Бог ноги, а Ванька отвел свою корову назад домой и пошел на встречу к дяде. Повстречались. "Здорово, дядюшка!" -- "Здорово!" -- "Спасибо, что без меня в моем доме порядок держал! Да что у тебя волос на голове совсем нету?" -- "Что делать, Бог взял!" -- "Хошь, я сделаю, что у тебя на голове будут волосы;

только пошепчу тебе в шапку -- и дело с концом!"

Взял дядину шапку, зашел за куст, насрал в нее, заслал сверху травкой и надел дяде на голову: "Смотри, дядя, трои суток носи -- не скидывай!"

19 ... *на отместку*. -- Вар.: Поехала попадья с мужиком на крестины, выехала а чистое поле и слезла до ветру; исправила свое дело и захотела помыть руки хоть в луже. Сняла кольцо и положила наземь, мужик взял его и припрятал. Далее рассказ тот же: мужик достает кольцо у попадьи из пизды и надевает его себе на хуй.

20 Имеется следующий вариант сказки:

б) Нанял поп батрака. Раз поутру говорит поп батраку: "Давай-ка позавтракаем да пойдем молотить." Сели завтракать; поели того-сего, потом попадья дала на закуску три яйца: попу два, а батраку одно.

Пошли они на ток молотить; взяли цепи и стали работать; поп ударит цепом два раза, а батрак -- один раз, поп -- два раза, а батрак -- один раз. Поп видит, что батрак выдает его в работе, рассердился и говорит: "Что ты, свет, со мною шутишь, что ли? Я как следует молочу, а ты все выжидаешь: я ударю цепом два раза, а ты супротив меня только один раз!" -- "Послушай, батюшка, -- сказал батрак, -- когда мы завтракали, так ты два яйца съел, а я одно; от того и силы у меня меньше!" -- "Что ж ты, свет, давно мне этого не скажешь? Я бы приказал матке, чтоб тебе и другое яйцо дала. Ступай в избу да скажи матке, чтоб дала тебе другое яйцо, съешь да и ворочайся назад."

Батрак бросил цеп, прибежал в избу и говорит попадье: "Матушка! Поп приказал, чтоб ты мне дала." -- "Чего тебе дать?" -- "Сама догадаешься -- вестимо поеть! Только дай поскорее, батька велел торопиться." -- "Что ты, проклятой, с ума спятил? Эдакие речи говоришь!" -- "Ну, сама спроси у попа, коли не веришь." Попадья вышла на двор и

кричит: "Послушай, батька! Ты велел работнику дать?" -- "А ты еще не дала!-- кричит ей поп.-- Дай ему поскорее да отпусти: пусть молотить идет."

Попадья вошла в избу. "Ну, правда твоя!"-- говорит работнику и легла на лавку за столом. Батрак взлез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтоб поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол, и тут с его хуя потекло на стол соплей-таки порядочно. Вышел на двор и дал тягу от попа.

Вот поп помолотил, помолотил и думает: "Что такое значит, что по сю пору нет работника; дай схожу за ним." Пришел в избу и спрашивает у попадьи: "Где же батрак?" -- "Как обработал, так сейчас и ушел." Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе нагажено, и говорит жене: "Эка ты ему уважила; верно, дала яйцо всмятку, ишь, не мог он аккуратнo съесть, на стол разлил¹."

А попадья посмотрела на стол и говорит: "Эка подлец! Это как он с меня слез прямо через стол -- верно с его хуя и натекли сопли; надо убрать." -- "Что, что?-- спрашивает поп. -- Что он с тобой сотворил?" -- "Да что ты приказывал, то и сотворил -- отъеб меня!" Поп начал на себе длинные волосы рвать и заругался на попадью: "Ах ты, проклятая блядища!"

Тотчас запрег он лошадь и поехал нагонять батрака. Батрак увидал попа, взял -- выпачкался в грязи и сам пошел к нему навстречу. "Здравствуй, батюшка!" -- "Здорово, свет!" -- "Куда едешь?" -- "Батрака своего разыскиваю." -- "Возьми и меня с собою." -- "Да ты кто?" -- "Грязнов." -- "Пожалуй, поедем." Едут вдвоем; попадается им цыган, тоже назвался с ними ехать.

¹ Вар.: Подошел к столу и говорит: "Ишь ты, мать, с батраком яишницу ела да разлила!" Взял соли, посолил да и слизал языком. (Этим и кончается сказка).

Вот едут втроем, и настигла их ночь. Приехали они к реке и увидели: стоит на берегу избушка; а в той избушке жила вдова и к ней по ночам ходил любовник. Стали у ней проситься ночевать, она им отказывает: "Никак нельзя! Нынче ночью зальет мою избу водою -- все, пожалуй, сонные потонете!" -- "Ничего, мы тогда как-нибудь выйдем."

Делать нечего, пустила их ночевать; поп лег на полати. "Здесь,-- думает,-- высоко, авось, вода не дойдет!" Цыган привесил корыто к потолку, лег в него и взял нож. "Когда придет вода,-- думает себе,-- я обрежу веревки и поплыву в корыте." Хозяйка легла на печке; а батрак хозяйкино-то дело сметил да и лег у окна: "Пусть вода придет, ведь один раз умирать!"

Вот ночью слышит он: кто-то стучится к нему под окошко. "Кто там?" -- "Я,"-- говорит любовник. "Ну, что ж, принес что-нибудь?" -- "Принес полштофа водки да колбасу." -- "Ну, давай!" Тот подал. Батрак взял и говорит ему: "Мне никак нельзя теперича тебя принять, потому что у меня постояльцы ночуют, а дай хотя для потехи поддержку твой в руках, все легче мне будет!" Любовник вывалил из штанов свой хуй, а батрак взял рукою за хуй покрепче, другою ищет: нет ли палки его поподчивать; на счастье и попадись ему ножик. Как он барахнул-то ножом -- тот и стоит словно безумный, без хуя, видит: дело-то плохо, и марш домой! А батрак сейчас полуштоф по боку, пьет себе да колбасой заедает. А попы на это чутки: проснулся поп и кричит: "Грязнов! Что ты ешь?" -- "Колбасу!" -- "Дай и мне!" Он ему и подал отрезанный хуй. Поп погрыз, погрыз да и отдал назад: "Очень крепка!"-- говорит. "Еще не уварилась!"

Потом опять заснули все, батрак и вздумал еще подшутить, взобрался на полати и зачал ссать, да наметил прямо попу в рот, а тот как закричит: "Вода, вода!"-- да чебурах вниз головою. А цыган видит, что поп нырнул вниз, сейчас обрезал ножом веревки да и с корытом бац -- так и брякнулся об пол. Кое-как повскакивали да бежать вон!

А батрак и теперя поживает с этою хозяйкою¹.

21 ... мою долю за давишнее... -- Вар.: за твою сласть.

22 промахнул ее как следует. -- Вар.: В одном селе, против неба на земле, жил поп Сирах, носил рясу в дырах. Жил он без лишних затей, а семья у него -- сам третей: была одна дочь Катерина да батрак. В одно время поповна печку топила, а батрак стоял против огня, и встал у него хуй, ажно сорочка поднялась. Увидала попова дочка и стала батрака спрашивать: "Что это у тебя за бурак под рубашкою торчит?" -- "Ах, барышня! Это у меня не бурак, а чесалка!" -- "Какая ж такая чесалка? Нельзя ли и меня один разок чеснуть?" -- "Ишь ты, барышня, какой у тебя завидливой глазок! Что не увидишь, то и просишь!" И начал батрак чесать поповну, и с тех пор чесал ее до тех пор, пока не поднялось у ней брюхо к носу: тут батрак с попом рассчитался да и дра-ла от него.

23 ... отдай назад... -- Вар.: Ищет поповна в реке чесалку; приходит поп и давай вместе шарить; поднял рясу, а порт-

¹ Вар.: Шел сапожник дорогою, нагнал его портной и говорит "Здравствуй, мир дорогою!" -- "Здравствуй!" -- "Нельзя ли пристать к тебе в товарищи?" -- "Пойдем." Идут. Навстречу им немец. "Здорово, мир дорогою вам, братцы! Не примите ль в товарищи?" -- "Какие мы тебе товарищи: мы русские, а ты немец!" -- "Возьмите с собой, братцы!" -- "Ну, иди!"

(Дальнейшая история та же: останавливаются ночевать у вдовы; сапожник у окошка; вдова было не пускать его -- куда! Портной на гольце у печки, а немец в корыте, которое привесил к потолку. Приходит любовник. "Дай, милая! Я хоть тебя поцелую!" Сапожник выставил ему свою жопу. Тот поцеловал и говорит: "Какая у ней морда-то широкая! Дай еще поцелую!" Сапожник еще выставил жопу, а любовник нашел колотушку да как хватит его по жопе. "Ах, мать его так! Ловко поцеловал!" Сапожник ссыт немцу прямо в рот, тот падает наземь. "Хитер немец,-- говорит сапожник,-- а мы его надули.")

ки-то еще до берегу спустил. Дочь увидала у него хуй и кричит: "Батюшка! Отдай мою чесалку!" Поп туда-сюда, она все свое: "Отдай чесалку!"

24 ... нэ заплачу тебе ни копейки... -- Сличи с N 46.

25 Имеется следующий вар.:

б) Жил старик со старухой; не было у них ни одного де-тища, только и был что козел: тут все и животы! Старик ни-какого мастерства не знал, плел одни лапти -- только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому.

Вот однажды случилось старику идти в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес, старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да травку щиплет; щипал-щипал да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему -- и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лы-ки, подобрал деньги -- и домой. Рассказал обо всем старухе. "Ну, старик!-- говорит старуха.-- Это нам Бог дал такой клад на старость за то, что столько лет потрудились с тобой в бедности! А теперь поживем в свое удовольствие." -- "Нет, старуха!-- отвечал ей старик.-- Эти деньги нашлись не на-шим счастьем, а козловым; теперича надо нам жалеть и бе-речь козла пуще себя!"

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились -- луч-ше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе -- поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать: "Коли выбро-сить козла собакам, так нам за это будет перед Богом и людьми грешно, потому что все счастье наше мы через коз-ла получили! А лучше псйду я к попу и попрошу его похо-

ронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят!"

Собрался старик, пришел к попу и кланяется: "Здравствуй, батюшка!" -- "Здорово, свет! Что скажешь?" -- "А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою: у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер! Пришел звать тебя на похороны." Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе: "Ах ты, окаянной! Что выдумал! Вонючего козла хоронить!" -- "Да вить этот козел, батюшка, был совсем-таки православной; он отказал тебе двести рублей." -- "Послушай, старой хрен!-- сказал поп.-- Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер!" Взял поп с мужика двести рублей и говорит: "Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приговаривался; сейчас пойдем козла хоронить!"

Приходит старик к дьякону и просит: "Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос." -- "А кто у тебя помер?" -- "Да вы знавали моего козла, он -то и помер!" Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо! "Не бей меня, отец дьякон!-- говорит старик.-- Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал -- тебе сто рублей отказал за погребение." -- "Эка ты стар да глуп!-- сказал дьякон.-- Что ж ты давно не известил меня о его православной кончине; ступай скорей к дьячку: пушай прозвонит по козловой душе!"

Прибегает старик к дьячку и просит: "Ступай, прозвони по козловой душе!" И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит: "Отпусти, пожалуй, вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал." -- "Что ж ты по этих пор копаешься! Надо было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!" Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола.

Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять; положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп-де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом: "Как вы смели похоронить козла? Ах, вы безбожники!" -- "Да вить этот козел,-- говорит старик,-- совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей!" -- "Эка ты глупый старик! Я не то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!.."

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

26 ... *говядинка...* -- Вар.: Вот как-то нанял поп мужика вычистить загороду, где коровы стояли; мужик стал чистить да нарочно ворота и отворил, коровы и ушли со двора. А он, не будь глуп, взял да и загнал всех поповых коров к себе.

27 ... *этому мужику...* -- Вар.: Пришел поп к мужику, а у того и ворота заперты; смотрит сквозь плетень, а мужик свежует поповых коров да солонину готовит.

28 ... *зажил припеваючи...* -- Вар.: В одном списке продолжается эта сказка так: "Пришел поп домой. А у него жил батрак -- по сто рублей в год. Прожил семь лет, а ни за один год не получил денег. Стал он приставать к попу за расчетом, а поп говорит: "Ты жил у меня семь лет и ни разу не говел; ты прежде исповедуйся, а там и разотчемся." Стал батрак говеть и пошел к попу на дух. "Признавайся, свет,-- говорит поп,-- может, у кого товар (т. е. скотину) из загороды выпустил-то, это грех большой!" -- "Нет, батюшка, в том не грешен, а вот каюсь перед тобой на духу -- семь лет еб твою сноху!" -- "Не в том дело, свет, а не спустил ли ты у кого со двора коров?" -- "Нет, батюшка, не грешен; а вот в

чем перед тобой каюсь -- я до твоей попадьи добираюсь!" -- "Полно, свет, пустяки говорить! Я тебя спрашиваю, не спустил ли ты со двора моих коров?" -- "Нет, батюшка, такого греха за собой не знаю, а вот -- нечего таить -- и на тебя мой кляп стоит!" -- "Будь проклят ты, окаянный!" После того поп расчел батрака и остался без коров, и без работника.

29 ... *перевез на свою сторону.* -- Вар.: Жил-был поп; возле его дома протекала река, а на другой стороне стояла церковь. Случился праздник; зазвонили к обедне, поп сел в лодку и переехал на тот берег. Только вылез он из лодки, а навстречу ему мужик: "Перевези, батюшка, на ту сторону." -- "Ах, свет, я бы перевез тебя, да к обедне давно прозвонили, опоздаю." -- "Небось, без тебя не начнут служить обедни; а коли перевезешь, я покажу тебе смех и горе." Поп перевез мужика. "Что ж, батюшка, очень желательно тебе видеть смех и горе?" -- "Да, свет, очень желательно!" (Мужик хуем разбивает лодку). Как теперь без лодки попасть попу в церковь? "Эка сукин сын мужик! Какого горя наделал!" Постоял, постоял поп над лодкою и пошел домой. "Что так рано воротился?" -- спрашивает попадьа. -- "Так и так", -- говорит ей поп.

30 ... *вся ночь у них и прошла.* -- Вар.: Наугощался мужик. "Ну, теперь пойдем в мою горницу, -- говорит ему попадьа, -- потолкуем о родных, как проживают; ты, братец, расскажешь мне про свое житье, а я тебе про свое расскажу." Пошли вместе, а поп смекнул, в чем дело-то, подошел к дверям и смотрит в щель. А там уж мужик матку на постели накачивает, так ее прижимает, что кровать шатается. Видит поп, что дело дрянь, а взойти в горницу боится: "Только я помешаю, -- думает поп, -- мужик убьет меня своим хуем! Видно, так тому и быть." .

31. Имеются следующие варианты сказки:

б) Жил-был молодец; повадился ходить мимо купеческого дома; как идет -- прокашляется и скажет: "Гуся ел, да попершилось!" Вот купеческая дочь и сказала: "У моего батюшки много денег, а каждой день не едим гусей!" -- "Это бывает не богатством, а счастьем!" -- отвечал молодец и пошел дом ѡй. А купеческая дочь позвала какую-то старую нищенку и посылает: "Иди за этим молодцом вслед да узнай, что он там обедает. Я тебя награжу за это."

Молодец пришел домой, а за ним и нищенка просится отдохнуть в избе, вот ее и пустили. Только молодец жил в большой бедности. "Матушка, -- говорит он, нет ли чего поесть?" -- "Щи вчерашние да третьевoshная каша." -- "Давай-ка сюда кашу." Подала мать кашу: "А масла, -- говорит, -- нету!" -- "Да нет ли хоть сальной свечки?" -- "На вот, огарочек." Положил он свечной огарок в кашу и давай уплетать.

Нищенка все это и рассказала купеческой дочери.

Вот идет молодец мимо купеческого дома да опять прокашлялся и сказал: "Гуся ел, да попершилось!" А купеческая дочь в окошко кричит: "Сальный огарок с кашей ел!" -- "Ах, мать твою! Почему она знает? Верно, это нищенка ей сказала."

Отыскал он нищенку и стал ее просить: "Нельзя ли как поправить это дело? Коли будут деньги -- заплачу тебе!" -- "Хорошо", -- сказала старуха. Сейчас пошла к купеческой дочери: "Как, сударыня, поживаешь?" -- "Не совсем здорова, бабушка, все животом хвораю. Нельзя ли помочь моему горю?" -- "Можно, прикажи истопить баню; я вам живот-то потру мазью".

Вот истопили баню; старуха загодя спрятала там молодца, потом привела купеческую дочку, раздела всю донага и говорит: "Ну, сударыня, надо завязать тебе глаза, чтоб дурно не сделалось!" Завязала ей платком глаза, положила ее на лавочку и говорит: "Теперь стану мазать легкую мазью!" -- и провела по брюху рукой раза два. "А теперича будет потруднее!"

Тут она сказала молодцу, он взлез на девку, всунул ей свой кляп, да так, что она на всю баню закричала. "Потерпи, маленько, сударыня! Завсегда сначала больно бывает, а как обойдется -- так по маслу пойдет и живот заживет!" Зачал он махать купеческую дочку, забрало ее за живое, хорошо показалось; она и говорит: "Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!"

Сделал молодец с нею раз и спрятался; старуха развязала купеческой дочери глаза. Та посмотрела, а под нею кровь: "Что это, бабушка?" -- "Это дурная кровь из тебя вышла; полегчало ль тебе?" -- "Полегчило, бабушка! Ах, какая у тебя славная мазь, слаще меду! Нет ли еще?" -- "Разве еще хочется?" -- "Очень хочется, бабушка! Что-то живот опять зачал побаливать."

Завязала ей старуха глаза, положила на лавочку, а молодец опять стал ее махать по-свойски. "Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!" -- говорит купеческая дочь. Отделал молодец и спрятался, купеческая дочь встала и просит: "Принеси мне, бабушка, этой мази, вот тебе сто рублей за лечение!"

Так дело и кончилось.

Вот идет молодец мимо купеческого дома и опять говорит: "Гуся ел, да попершилось." А купеческая дочь кричит в окно: "Сальную свечу с кашей ел!" А молодец в ответ: "Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!"

Стало у купеческой дочери брюхо расти; заметила мать и спрашивает: "Что это, дочка, никуда ты из дому не ходишь, а брюхо у тебя выше носу подымается?" -- "Ах, ма-тушка! Вить это от того -- как ходила я с бабушкой в баню, она все мазала мне живот мазью, да такую славную, слаще меду!"

Мать догадалась, позвала к себе нищенку и спрашивает: "Ты, бабушка, мазала мою дочь в бане мазью?" -- "Я, сударыня". -- "Помажь и мне!" -- "Изволь, помажу." Тотчас побежала за молодцем: "Одевайся, купчиха мази просит!"

Пришли в баню, старуха завязала купчихе глаза и положила ее на лавку, а молодец взлез на нее и ну отжаривать. Тут купчиха поскорей платок с глаз долой, увидала молодца, поцеловала его за работу и говорит: "Ну, молодец, живу я с мужем двадцать лет, а эдакой сласти не знавала. Вот тебе сто рублей: будь мужем моей дочери!"

Женился молодец на купеческой дочери и задал пир на весь мир, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот ни капли не попало!

в) Жил-был солдат, любил выпить; напала на него одышка, и пошел он к лекарке. Лекарка была хоть и старуха, да еще крепенькая; как увидала солдата, засвербило у ней меж ногами. "Что, служивой?" -- "Да вот полечи от одышки." -- "Раздевайся да садись." Солдат сел, а лекарка поставила перед ним штоф водки: "Кушай, служивой, на здоровье!" Солдат не заставил себя просить, так нализался, что в глазах зарябило; тут же повалился да и заснул. Старуха ну солдата ощупывать, добралась до пупа и пониже да как завоет: "Ах, я взбалмошная! Что наделала! Кляп-то у него не то чтобы ожил, а совсем загнулся..."

Уложила солдата на кровать и сама улеглась подле; лежит да все шупает: не ожил ли хуй у него? А солдат храпит себе во всю ивановскую. Дотронулась она в последний раз до корня, и корень-то глядит за спину, и уснула.

Перед рассветом солдат очнулся, увидел бабу подле себя и думает: "Дай-ка ее сбоку хвачу!" -- и придвинулся как следует. А старуха была чутка, говорит спросонок: "Что ты, служивой, делаешь? Как тебе не стыдно?" А сама еще больше на хуй наворачтывается. "А что, бабушка, разве для хвостого это вредно? Я, пожалуй, выну." -- "Что ты, служивой! Засовывай, да нельзя ли поглубже; тебе от того полегче будет!"

Солдат отработал ее и ушел, приговаривая: "Хоть не легче, так стыдно!"

На горе солдата на ту пору спала на полатях девка, старухина племянница; она все это видела и рассказала другим девкам; стали они солдата дразнить: "Старуху качал! Старуху качал!" Солдат терпел, терпел и пошел с жалобой к старухе. "Ах, благодетель!-- сказала старуха.-- Да что ты давно мне не рассказал про это, я бы отучила смеяться мерзких девчонок. Ах, они такие-сякие! Да разве у старухи хуже ихной-то дыра! Да где им, паскудным, так подмахивать! Послушай же, ко мне ходит лечиться одна девка от грыжи; так ты, служивой, приходи завтра вечером сюда, я тебя спрячу на кровать, а девку-то поставлю на четвереньки да и заставлю тебя откатать ее на все корки!"

Вот на другой день солдат по сказанному, как по писанному, пришел и лег на кровать. Прошло с полчаса -- глядь: идет молодая девка. Как увидел ее солдат -- у него жила натянулась и приподнялась не хуже штыка.

Старуха огляделась на девку и говорит: "Что ты, родимая! Да у тебя меж ног блохи гнездушко свили и вывести их нельзя ничем, как только рукою; а то, пожалуй, умрешь." -- "Яви, бабушка, божескую милость, вылечи!" -- "Ну, делать нечего, не хотелось бы рукой туда лезть, да надо. На вот тебе платок, завяжи глаза, разденься наголо да стань на четвереньки." Девка все то сделала. Тут солдат подошел к мишене, взял хуй в обе руки и стал всаживать ей в пизду. Девка ну кричать: "Больно, бабушка, больно!" -- "Терпи, кормилица! Вишь проклятые блохи как расплодились, даже в устьях поделали!" Солдат всунул ей на целую четверть, девка взвизгнула: "Ой, бабушка, умру; больно, родимая, больно!" -- "Постой, дитятко, я с деготьком попробую; авось легче будет." Солдат всадил хуй донельзя -- девка и язык прикусила, и давай ее насаливать. Стало у них заходиться. "Вот теперь, бабушка, хорошо! Право слово, хорошо!" Да нельзя ли еще деготьком подмазать? С деготьком-то зазорнее! Я уж от отца целую бадью с дегтем утащу да тебе принесу."

Солдат слышит, что девка-то разгорелась на гвоздю, и ну

тискать свой хобот вместе с бубенчиками, да так разутешил, что сделал пизду шире шапки. "Ну что, легче ли?-- спрашивает старуха.-- Кажись, все подошли!" -- "Как же, бабушка! Теперь полегчило!"

Солдат спрятался; девка встала, оделась и ушла.

На другой день девка-широкопиздка повстречала солдата и стала его дразнить: "Старуху качал! Старуху качал!" А солдат ей говорит: "А с деготьком-то ведь лучше!"

32 Сличи сказку с N 42.

33 Имеется следующий вариант сказки:

б) Долго подбирался солдат, как бы уеть хохлушку; вот и выдумал, и говорит хохлу: "Хозяин! У тебя в дому много чертей, спать не дают! А ты каково спал?" -- "Я, слава Богу! Хорошо." -- "Ну, я нынче с тобой лягу!" Хохлушка говорит: "Пушай с нами ляжет!" Хохол согласился.

Вот сам хозяин лег с краю, хозяйку положил в середку к себе передком, а солдат улегся к стене и ну поталкивать хозяйку через жопу.

Хохол протянул тихонько руку и ухватил солдата за хуй: "А, господа служба, сам спит, а хуяку пустил в чужую пиздяку!" -- "Что ты, чертов сын, ухватил меня за хуй? -- закричал солдат. -- Я и жене твоей не позволю -- не только тебе!" -- "А зачем, господа служба, пускаешь хуяку в чужую пиздяку?" -- "Да разве он лазил туда?" -- "Ишь какой! Да я его оттуда насилу вытащил!" -- "Экой блудливой шельма! Ну, надую ж ему бока; не станет он у меня шляться по чужим дырам!"

34 ... *Что ты, москаль, делаешь?* -- Вар.: Хохол подъехал: "Помогай Бог, добрый чоловіче! Що робишь?"

35 ... *за меня потрудились...* -- Вар.: что меня пожалела!

36 Имеется следующий вариант:

б) В некотором царстве, в некотором государстве жил поп; полюбилась ему мужикова жена: как только пойдет она по воду с ведрами -- он и начинает ржать, как жеребец.

Вот раз идет она по воду, а поп увидел и заржал; она себе то ж взяла да и заржала. Поп выбежал: "Что, умница, нельзя ли свести нам с тобой знакомство?" -- "Можно, батька! Только надо уладить это дело!" Пришла домой и говорит мужу: "Поп хочет со мной заняться, просится ко мне ночевать." -- "Ну, что ж? Пускай приходит, а я пойду пахать в поле, да ворочусь и накрою его, авось что и слупим с него!"

Поехал мужик в поле нарочно мимо попова двора. "Куда, свет, едешь?" -- "Пахать, батюшка! Благословите на путь, на дорогу!" -- "Хорошее дело, -- говорит поп, -- Бог тебя благословит!" А баба пошла сейчас по воду, повстречалась с попом и говорит: "Ну, муж уехал пахать! Приходи, батька, нынче вечером, я тебе закуску приготовлю, а ты вина приноси..."

Поп насилиу вечера дождался; поскорей оделся, захватил в карман денег и штоф вина и побежал к бабе. Пришел. "Здравствуй, умница!" -- "Здравствуй, батька!" Вынул поп штоф, поставил на стол; закусили они и выпили, как следует. Тут поп начал с бабою заигрывать, за титьки ее пощупывать, уж совсем на кровать тащит! Как вдруг застучит в окно: "Отворяй, жена! Что заперлась? Али женихов прячешь?" -- "Погоди, муженек, сейчас отопру." Поп испугался: "Куда же мне? Куда деваться-то?" А баба ему говорит: "Ты, батька, поскорей разденься, да напяль на себя вот эту худенькую одежду-то, и садись здесь, у печки. Коли муж про тебя спросит, я скажу: нищий ночевать попросился, я и пустила."

Поп сейчас сташил с себя рясу, оделся в изорванную одежду и сел у печки. Мужик вошел в избу. "Что, муженек, рано воротился? Сказал на три дня едешь." -- "Да забыл бочонок с водою. А это что у тебя за человек?" -- "Это странник, попросился переночевать -- я и пустила!" -- "Ну, хо-

зайка! Дай-ка поужинать; а там и спать ляжем, завтра рано надуть на пашню ехать." Сел за стол и начал уписывать. "Ты, может, винца выпьешь?"-- говорит жена. "А разве есть?" -- "Есть, нынче ходила я к матушке, она дала мне целой штоф." Мужик, подвыпив порядком, и говорит попу: "Садись, земляк, с нами ужинать!" Поп усталился и молчит. "Эх, жена! Ходил он по белому свету, оброс весь бороною и перед людьми стыдно теперь показаться, вишь как боится! Подай-ка сюда ножницы, я ему бороду-то обстригу!"

Баба подала ножницы, мужик и остриг попу бороду догола. Потом сидел-сидел да и выдумал: "Эй, хозяйка,-- говорит,-- ступай к попадье да проси, чтоб пожаловала к нам закусить и выпить, она женщина хорошая! Ее можно поподчивать."

Побежала баба попадью звать, а та тому и рада, вскочила, оделась и пошла к мужику. "Что так долго, матушка?"-- спросил мужик. "Экой! Чай сам знаешь, какое собиранье у поповой жены: покудова умоется да оденется -- хороший мужик десять верст уйдет!" -- "Ну, садись, матушка, закуси с нами и выпей с чем Бог послал, у меня сегодня праздник: корова бычка родила!" И ну наливать ее водкой, один стакан поднес, и другой, и третий. "Пей, матушка, за здоровье нашего бычка!" Так все вино и выпили. "Жена!-- говорит мужик своей хозяйке,-- сходи-ка в кабак да возьми-ка еще полуштоф: я загулял сегодня!"

Жена побежала в кабак, а мужик видит, что попадья захмелела, и стал у ней просить, чтоб дала ему поеть. Попадья отговаривалась, отговаривалась, никак не могла отговориться, все мужик пристаёт: "Дай, матушка! Я отродясь не пробовал у попадьи!" -- "Где же мы ляжем?-- спрашивает попадья. -- Вить здесь нищий сидит!" -- "Ничего, пусть себе посмотрит!" -- сказал мужик, положил попадью на кровать и давай ее зудить (вар. сандалить).

Поп сидит, поглядывает да тяжело вздыхает. Только мужик покончил с попадьею дело, пришла жена его с водкою.

Ну, тут опять выпили. Попадья распрощалась и ушла домой, а мужик лег с женою спать. И поп прилег на лавке, будто спать, а сам выжидает время -- как бы удрать. Мужик нарочно и захрапел. Поп потихоньку вскочил, да давай Бог ноги.

Прибежал домой, насилу достучался, сбросил с себя тряпье и ложится к попадье. Вот попадья хватъ его за бороду -- а бороды-то нет. "Кто это, батька, тебя облупил?" -- "Да тот черт, что и тебя лупил!"

Тут попадья и язык прикусила.

Имеются следующие варианты сказки:

б) Жил-был мужик; была у него молодая да пригожая жена. Полюбилась она попу, и дьякону, и дьячку. "Что, Марьюшка,-- спрашивает поп,-- нельзя ли энтого?.."--"Приходите, батюшка, вечером, как только стемнеет." Стал просить дьякон, она сказала ему: "Приходите, отец дьякон, как совсем ночь наступит". А дьячку велела приходить около полуночи.

Мужик сговорился с женой, ушел из дому, набрал мешков, будто хочет в город идти на базар.

Пришел к бабе поп и только разделся, раздался стук -- мужик воротился. Поп спрятался в короб на самой низ. Потом пришел дьякон, туда же попал и лег на попу; а за ним дьячок, поверх всех улегся.

Мужик кричит: "Подай, жена, ружье! Хочу стрелять, да напиши мелом цель, вот на этом коробе!" Пишет баба цель; поп шепчет ей: "Пиши повыше," а дьячок: "Пиши пониже." Попугал их, попугал мужик и велел жене выпускать на волю, а сам стал с дубинкою у порога и давай подбивать.

Дьячок и дьякон ушли, а поп спрятался в сенях под корову. Мужик заприметил то и говорит жене: "Жена! Ступай к попадье, пусть придет да корову купит: она давно торговала; я теперь дешево отдам."

Как услышала попадья о корове, сейчас скочила с крова-

ти, оделась и прибежала. "Что, Иван, коровку-то продаешь?" -- "Продаю, матушка!" -- "Что просишь?" -- "Давай сорок рублей, а коли попилить дашь -- ничего не возьму." -- "Ну, пили, свет!" Мужик разложил попадью в сенах, отработал ее и говорит: "А корову, матушка, я завтра пришлю, вместе с теленком."

Попадья ушла, а мужик кричит на жену: "Давай ужинать!" -- "Чего тебе?" -- "Давай молока!" -- "Молока нету, теленок всю корову высосал!" Мужик взял дубинку и давай лупить попа, а поп как теленок мычит; мычал-мычал да видит: дело-то неважноту, выскочил и драла домой.

"Где ты был?-- спрашивает попадья,-- ишь полуношник, все по блядам шляешься!" А поп говорит ей: "Молчи, мать твою так, а где корова, что ты купила?"

в) Жил-был кузнец; у него хозяйка была чудная красавица. Жили они бедно. Раз кузнец говорит своей жене: "Послушай, хозяйка! Что нам делать? Откуда денег взять? Ты хоть бы женихов к себе принимала! На тебя и богатые станут зариться. Ступай-ка по городу, не попадется ли какой дурак! А ты смотри, не плошай: коли кто у тебя попросит, ты обернись с него деньги и вели приходить на ночь в кузницу, через трубу. Я сам там буду и разделаюсь как надо!"

Кузнечиха нарядилась почище и пошла по городу. Попадает ей знакомый поп. "Здравствуй, бабенка! Что, муж твой дома?" -- "Нет, батюшка! Барин потребовал его к себе на целый месяц на работу, и я теперича живу одна." -- "Ну, свет, тем лучше, что одна. Нельзя ли мне другому к тебе ночевать придти?" -- "Отчего же, батюшка, можно, только дай двадцать рублей." -- "Изволь, свет! На сейчас и деньги. Я вечером, после всенощной, прямо к тебе буду." -- "Приходи, батюшка; только не в избу, я буду ночевать в кузнице -- караулить мужнины струменты; так ты и спустишься туда потихоньку в трубу." -- "Хорошо, свет!"

Получила она с попа двадцать рублей и пошла дальше.

Встречает ее староста церковный. "А, здравствуй, кузнечиха!" -- "Здравствуй, добрый человек!" -- "Что, муж твой дома?" -- "Нету, ушел к барину работать на целый месяц, теперь одна дома живу." -- "Нельзя ли с тобой, милая, хоть одну ночьку переночевать?" -- "Отчего же! Теперь мне своя воля. Давай двадцать рублей и приходи вечером попозже: я буду ночевать в кузнице; а как придешь, не стучись в дверь, чтоб шуму не было, а спускайся потихоньку в трубу." -- "Ладно!"

Взяла со старосты двадцать рублей и пошла дальше. Повстречался с нею цыган. "Гэ, здорова, паниматка!" -- "Здравствуй, цыган!" -- "А что, моя кохана, твой старик дома?" -- "Нету, уехал на целый месяц к барину работать, я теперича одна живу." -- "Гэ, моя коханочка! Дак я с тобой могу ночьку переночевать!" -- "Отчего же! Приходи, цыган! Только давай двадцать рублей." Цыган вынул деньги: "На-на, моя коханочко! Я вечером к тебе прибегу." -- "Приходи, цыган, прямо в кузницу и спустись в трубу: я там стану тебя дожидаться." -- "Хорошо, моя голубка!"

Воротилась домой кузнечиха и говорит: "Ну, муженек, придут к ночи три жениха в гости; со всех взяла по двадцать рублей." -- "Ну, хозяйка, слава Богу! Я с ними сделаюсь."

Дождались вечера. Кузнец собрался и пошел на кузницу, развел огонь в горне, положил туда клещи и стал женихов поджидать.

Вот поп отправил всенощную, схватил рясу и бегом из церкви в кузницу. Нагоняет его староста: "Куда вы, батюшка?" -- "А, помалчивай, свет! Согрешил перед Богом, иду к кузнечихе на ночь и деньги вперед отдал." -- "Ах, батюшка! Ведь и я туда иду!" -- "Ничего, свет! Пойдем вдвоем, еще веселее будет."

Стали подходить к кузнице, нагнал их цыган. "Гэ, куда вы, отцы духовные?" -- "Помалчивай, цыган, мы идем к одной бабе на ночь -- вот в эту кузницу." -- "Ага, батиньки, я и сам к ней бегу!" -- "Ну, пойдем с нами."

Пришли все трое. "Ну, кому теперича вперед в трубу лезть?" Поп говорит: "Мне, свет, я вить постарше вас." -- "Ну, полезай, батюшка!" Поп снял с себя рясу и скинул долой сапоги и портки; староста с цыганом взяли -- зацепили его веревками под руки и хотят спускать в трубу. Поп говорит им: "Как только, братцы, я сделаю свое дело, так и закричу: фык! А вы меня шмык! -- и тащите назад."

Только стали опускать попа в трубу, кузнец накалил клещи покрепче и схватил батьку клещами-то за муде. Закричал поп благим матом: фык! Они его шмык и вытащили назад. "Что, батинька, так скоро отработал?"-- спрашивает цыган.-- "Ах, свет, какая у нее пизда-то горячая: только дотронулся, дак словно порохом обожгло! Я еще никогда эдакой не пробовал!" -- "Ну, теперича я полезу,"-- сказал староста. -- "Полезай!"

Староста разделся, поп с цыганом подвязали его под руки и давай в трубу спускать. Кузнец взял клещи, схватил и этого жениха за муде. Староста заорал: фык! Они его шмык и вытащили назад. "Ну, цыган,-- говорит староста,-- не жалко двадцати рублей: было за что заплатить, полезай теперь ты." -- "Я, батюшки, не по вашему стану работать: покудова три раза не отваяю -- не отстану от нее. Смотрите же, батиньки, не тащите меня, покуда три раза не скажу: фык!" -- "Хорошо!"

Стали спускать цыгана. Кузнец услышал, что третий жених лезет в трубу, взял с горна горячие клещи и схватил цыгана прямо за муде. Цыган во все горло орет: фык!-- не тащут. Цыган в другой раз -- фык!-- не тащут, цыган в третий раз: "Фык! Серу вашего батька! Тут не ебут, а живого пекут! Фык!" Поп и староста шмык -- и вытащили цыгана, муде все у него облезли! Напустился цыган на батьку: "Ты, псяча, козляча борода! Зачем не сказал, как там потчуют? Черт тебя бери! Пушай бы у тебя одного яйца были поджарены! Ох, батиньки, мне-то пуще всех досталось!" -- "Ну, свет, ничего. Когда подлая баба нас обманула, так пойдем

же теперь к ней в избу, а с нею, шкурою, по-своему разделимся!"

Оделись они кое-как и потащились к кузнечихе. Пришли в избу и застали ее одну. "Что ты, шельма, с нами сделала?" -- "Ах, миленькие!-- отвечает кузнечиха.-- Я вить и сама не рада, что моего мужа черти домой принесли: воротился ни с того ни с сего да с вечера и пошел в кузницу работать. Садитесь-ка, голубчики, я маленько поуберусь; ночь большая, вся наша будет; а муж теперь в кузнице до белого дня пробудет."

Уселись гости. Вдруг идет домой кузнец, притворился пьяным, стучится в дверь и ругается на жену: "Отворяй, блядище!" Как услышали шум да крик -- гости повскакивали: "Куда ж нам теперь деваться?" Кузнечиха говорит: "Не бойтесь, голубчики, я вас спрячу; ведь он пьяной, скоро уснет. Ты, батюшка, скидывай поскорей с себя всю одежду и становись голой в переднем углу: я скажу, что свят्या купила!" Поп сейчас скинул с себя долой рясу, портки, сапоги и сорочку, стал в переднем углу, словно святой, и косу, и бороду распустил. "А я куда денусь?"-- спрашивает староста. "А я куда?"-- кричит цыган. "А вы, голубчики, скидайте с себя одежду догола; тебя,-- говорит старосте,-- я привяжу к жерди и скажу мужу, что большой кувшин купила; а ты, цыган, полезай в эту кадушку с гущею; там просидишь -- он тебя и не увидит!"

Разделись они догола; кузнечиха прицепила старосту веревкою к жерди, а цыган полез прямо в гущу.

Отворила кузнечиха дверь мужу. Он входит, ругается и кричит: "Жена, давай ужинать!" Посмотрел в угол: стоит поп. "А это что за черт у тебя стоит?" -- "Господь с тобою! Какой черт! Это святые." -- "А что за такого большого заплатила?" -- "Завтра узнаешь, ложись-ка спать." Кузнец зажег свечу, подошел к попу, взял его за кляп и спрашивает у хозяйки: "А это что за штука?" -- "Это штука, чтоб свечку ставить." -- "Ну, дако я сейчас поставлю!" Взял свечку и ну ле-

пить к хую. Свечка не пристает, все отваливается. "Надо этот подсвечник накалисть: тогда лучше пристанет!" И стал свечкою конец поповского кляпа прижигать. Пои как перднет, прыгнул через стол и вон из избы -- так голый и удрал! "Ах ты, блядище,-- закричал муж,-- ты ведь купила не святъя, а черта; смотри, ведь он ушел, и деньги пропали!"

Потом подошел к жерди: "А это что висит?" -- "Кувшин большой для воды купила." -- "Какой черт кувшин -- это настоящая бочка! Да крепок ли он?" -- "Я стучала в него кулаком -- хорошо звенит!" -- "Дай-ка я поленом попробую: не разобьется ли?" Взял полено и со всего маху как начал дуть старосту по ребрам! Староста только на веревке качается. Вдруг веревка оборвалася; староста головою об пол, вскочил и убежал вон.

"Ишь, накупила!-- говорит кузнец.-- Дай-ка квасу напиться." Подошел к кадушке и видит: цыган в гуще по горло сидит, одно рыло выставил наружу. Кузнец крестится: "Вот до чего с тобой дожил! Верно, ты эту гущу держишь в кадушке с тех пор, как замуж за меня вышла: видишь -- в ней уж черти завелись!" Взял -- накрыл кадушку с цыганом кружком и заколотил накрепко гвоздями.

Сидит цыган голодный день и другой; а на третий день запрег кузнец телегу, всталил не нее кадушку и поехал к озеру. Приехал и остановился здесь; скинул свои сапоги, засучил штаны, влез в воду и ходит с кнутом около (озера) берега, будто что ловит.

Немного погода едет мимо барин. "Здорово, мужичок!" -- "Эка, барин! Зачем здоровкался, только охоте моей помешал." -- "Какой охоте?" -- "Да вот сейчас было взялся черт за ..рючок, да как услышал твой голос -- и клевать не стал, назад воротился." -- "Что ты врешь?" -- "Чего врать-то! Я уж одного гоймал и в кадушку посадил, а другого ты испугал." -- "А покажь мне того, что поймал!" -- "Не покажу, барин." -- "Вот тебе пятьдесят рублей." -- "Мне дома и свои господа дадут сотню." -- "Ну, бери сто рублей!" Кузнец взял

сто рублей с барина, открыл кадушку; как выскочит оттуда цыган весь в гуще да тягу и дал! "В самом деле черт!"-- сказал барин и плюнул: "Сколько лет на свете живу, а только в первой раз увидел черта!"

Кузнец воротился домой и говорит жене: "Ну, хозяйка, вить я продал цыгана за сто рублей; теперь надо еще продать попову рясу -- и дело ладно будет!" Надел на себя попову рясу, взял попову палку и рано утром пошел к попову двору. Поп увидал кузнеца и думает: "Дело-то будет плохо, коли прихожане узнают." И стал просить кузнеца: "Сделай милость, свет, не смейся людей!" -- "Что дашь? Хочешь выкупить за сто рублей?" -- "Ни то за сто, полтора да!" Кузнец отдал попу рясу и палку и взял с него полтора рубля. Пошел к жене и стал с нею жить да поживать маленько по-исправнее.¹

38 Эта сказка начинается и так: "Мужик бедной, Ванька голой, задумал жениться на богатой купеческой дочери, выпросил у ее отца мерку мерить деньги и тем обманул его. Тот подумал, верно, мужик-то богат, и отдал за него свою дочь.

¹ Вар.: Вместо кузнеца выведен маляр. К жене маляра забрался цыган Муж воротился домой. Куда деваться цыгану? "Раздевайся,-- говорит хитрая баба,-- наголо: я тебя поставлю в кладовую, где образа стоят." Муж вошел и спрашивает: "Что, работники много намалевали?" -- "Поди сам в кладовой погляди!" Пошел маляр с женой в кладовую. Цыган стоит у стены, распялил руки, точно Христос распятой. Маляр посмотрел на него и говорит: "Кого это они сделали? Как будто святой Аника -- только хуй великий! Будто святой Афанас -- только хуй прицеплен не так, как у нас! Будто святой Ониско -- да хуй висит низко!" Взял свечу и давай прижигать цыгану хуй. Цыган как прынет и убежал домой. На другой день маляр увидел цыгана на улице, среди народа, подошел и стал говорить: "Ах, братцы! Что у меня вчера-то случилось! Стали святые бегать..." Цыган не утерпел и говорит: "Серу твоего батька! Как будешь хуи припекать, еще не так будут утекать!"

Но он стал мотать и промотал все. Тут жена его пустилась на хитрости. Дождалась воскресенья и пошла к обедни. Увидел ее помещик, подошел к ней, стал бранить ее мужа за пьянство и говорит: "Эх, Марья Дмитривна! Нельзя ли с тобой ночку переночевать?" -- "Можно,-- сказала она,-- только когда мужа дома не будет." Отстояла она обедню, смотрит -- поп за ней бежит и просит: "Как бы, Марья Дмитривна, того -- нельзя ли тебя хоть разок поеть?" -- "Можно, приходи, как мужа дома не будет." (Место помещика занимает иногда воевода). Пришла Марья Дмитривна домой и рассказала про все мужу. Сам он сейчас пошел по деревне, идет мимо помещичьего дому и кричит: "Пойдет Ванька голой во царев кабак на всю ночь гулять!" -- "Зайди ко мне,-- кричит помещик,-- я поднесу!" -- "Нешто у меня денег нет?" А сам поскорей потащился к попову двору; идет и то же кричит себе: "Пойдет Ванька во царев кабак на всю ночь гулять!" Как услышал такие слова, помещик сейчас нарядился и пошел к Ванькиной жене. Она посадила его за стол и стала подчевать, как вдруг воротился домой Ванька голой. "Ах, Марья Дмитривна, куда мне деться?" -- "Полезай в сундук!" Помещик полез туда, а муж вошел и заругался на хозяйку: "Что до сих пор, мать твою туда-то, не ложишься спать?" Пошумел, пошумел и ушел. Он за двери, а тут и поп пожаловал в гости. И с потом случилась та же беда: бросился он в сундук и прямо сел на помещика. Тот схватил его за бороду: "Это ты, батюшка?" -- "Я, свет!" Ванька голой запрет лошадь, поставил сундук на воз, привез к реке и бросил его в воду. Поп с помещиком насилиу выбрались, а Ванька забрал их одежду со всеми деньгами, что в карманах было, и стал с своей женой жить да поживать да добра наживать, а лиха избывать!"

39 ... *измазанные да черные!* -- Вар.: Пришел поп и только выпил рюмку, смотрит -- муж стучится в избу. Куда деваться? "Садись сюда,-- говорит жена,-- мели в жерновах; те-

перь темно, не признает; я скажу: тетка мелет!" Поп стал молотить. Ванька вошел в избу, как треснет попа по уху: "Мели, тетка! Мели, курва!" Походит, походит по избе да опять попа по уху: "Мели, тетка! Мели, курва!" А потом закричал на жену: "Вздувай огонь!" Вздула жена огонь, посмотрел Ванька и закричал: "А ты, косматой черт! Зачем сюда зашел?" Делать нечего попу, признался: "К жене твоей пришел!" -- "Давай пятьсот рублей выкупу!" Поп говорит: "Дам, только отпусти душу на покаянье!" -- "Да еще выгони у меня из дому черта." Взял поп крест и запел молебен, Ванька открыл короб, оттуда выскочил измазанный помещик и бежать. Поймал его Ванька, содрал тоже выкупу 500 рублей, и стал себе жить припеваючи.

40 Имеется следующий вариант сказки:

б) Жил-был поп с попадьей; завела попадья себе любовника. Батрак заметил то и стал ей всячески помеху творить. "Как бы избыть его?" -- думает попадья и пошла за советом к старухе знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает: "Родимая бабушка! Помоги мне, как бы работника с попом извести!" -- "Поди, -- говорит старуха, -- в лес; там явился Никола Дуплянский, его попроси -- он тебе поможет."

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукою, взлез на ель и кряхтит. Попадья глядь -- и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить: "Батюшка Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?" -- "О жено, жено! -- отвечает Никола Дуплянский. -- Нельзя совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да помасляней блинов, они поедят и ослепнут; а еще навари им яиц; как поедят, так и оглохнут."

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали

сбираться в пэле, она им и говорит: "Наперед позавтракайте!" И стала их подчивать блинами да яйцами, а масла так и подливает, ничего не жалеет: "Кушайте, родные, масляное, мокайте в масло-то, поскусней будет!" А батрак уже и попа научил. Поели они и стали говорить: "Что-то темно стал о!" А сами прямо-таки на стену лезут. "Что с вами, родные?" -- "Бог покарал: совсем ослепли."

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним гулять, пить и веселиться. "Дай-ка теперь мне поеть!-- просит гость у попадьи,-- только давай с заду, как к эл козу ебет!" Попадья задрала хвост и стала раком, а гость и взлез на нее. Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху -- важно отдули!

41 Имеется следующий вариант сказки:

б) Отпросился солдат в отпуск; шел-шел путем-дорогою, и пришлось ему ночевать у одного попа. У этого попа была дочь, и солдат уж дорогою слышал про нее, что к поповне ходит любовник. Сели ужинать; поп и спрашивает: "Служивой! Где ты служишь-та?" -- "В Питере, батька!" -- "А что, часто царя выдаешь?" -- "Да безперечь." -- "Не слыхать ли у вас чего нового?" -- "Слыхать-то слыхать, да говорить нельзя!" -- "Скажи, свет!" -- "Тады узнаешь, как указ будет." -- "Пожалуйста, свет, скажи!" Пристал поп к солдату, как банный лист к жопе. "Ну, батька! Будет новая форма бабам на счет ебли: ноги в хомут и голову в хомут -- так и ебись! Эдакая теперь пошла строгость во всем: даже еть нельзя без формы!" -- "Что делать! Ихняя воля!"-- сказал поп, а дочь сидит себе да слушает.

Вот легли спать: дочь на печи, а солдат на полатях. "Дай, батюшка, мне полено,"-- говорит солдат попу. "А на что тебе полено?" -- "Да у вас, пожалуй, ночью волки ходят!" Поп рассмеялся, подал ему полено и говорит поповне: "Вишь, рассказывают, в Питере дураков нет, а вот -- солдат, да и тот с дурью, коли так в избу ходят волки."

Вот в самую полночь пришел полюбовник к поповне на печь и хочет на нее лезть, она ему не дает: "Найди,-- говорит,-- хомут! Теперь на то новая форма царем установлена, нынче солдат батьке сказывал!" -- "Да где я тебе хомут-то возьму?" -- "В сенях на гвозде висит." Вскочил он, принес хомут, надел поповне на ноги, а там задрал ей ноги кверху, как можно покрутее, и просунул в хомут поповнину голову. Только стал было ее запендрячивать, а солдат скочил с полатей да как урежет его поленом по жопе, а сам кричит благим матом: "Батюшка, волки!"

Полюбовник удрал, не кончив дела, а поп с попадьей бросились на печь посмотреть: не съели ль волки поповну? Поп схватил ее за пизду, попадья за жопу и голосят себе: "Ах, бедная дочка! Отъели у тебя волки голову!" А солдат вздул огонь и на печь: тут поп с попадьей увидали, что дочка-то жива -- в хомуте сидит. Солдат посмотрел и закричал: "Да как вы смели без указа государева эдак делать?" -- "Не сказывай, служивой!-- просит поп. -- Вот тебе сто рублей!"

Солдат взял деньги и говорит: "Ну, батька, так и быть -- ей по глупости прощаю, а коли б ты сам да с попадьей стал эдак еться -- тысячи рублей бы не взял!"

ПРИМЕЧАНИЯ Ю. Г. КРУГЛОВА

В примечания внесены данные о месте записи сказок, приведенные А. Н. Афанасьевым к некоторым текстам (о других такие сведения отсутствуют); публикуются также две сказки, начало которых собиратель не счел необходимым издать ввиду их общеизвестности (по сборнику "Народные русские сказки" А. Н. Афанасьева в 3-х томах. Том 1. М., 1984); в примечания перенесены и опубликованные А. Н. Афанасьевым непосредственно в корпусе сказок их варианты.

5. Мужик, медведь, лиса и слепень. А. Н. Афанасьев не приводит начало сказки, сделав примечание: "Начало сказки известно." Приводим вариант сказки полностью из указанного выше сборника (т. 1, N 48).

МЕДВЕДЬ, ЛИСА, СЛЕПЕНЬ И МУЖИК

Жил-был мужик, у него была пегая лошадь. Мужик запряг ее в телегу и поехал в лес за дровами. Только приехал в лес, а навстречу ему идет большой медведь. Поздоровался с мужиком и спрашивает: "Скажи, мужичок, кто твою лошадку пежил?"¹ Ишь какая рябенькая да славная!" -- "Эх, брат Мишка!-- говорит мужик.-- Я сам ее выпестрил." -- "Да разве ты умеешь пежить?" -- "Кто? Я-то? Да еще какой ма-

стак! Коли хочешь, я, пожалуй, сделаю тебя пестрее моей лошадки." Медведь обрадовался: "Сделай милость, пожалуйста! Я тебе за работу целый улей притащу." -- "Ну что ж! Хорошо. Только надо тебя, старого черта, связать веревками; а то тебе не улежать, как стану пезить."

Медведь согласился. "Погоди,-- думает мужик,-- я тебя спеленаю!" Взял вожжи и веревки и так скрутил, опутал медведя, что тот зачал реветь на весь лес, а мужик ему: "Постой, брат Мишка! Не шевелись, пора пезить." -- "Развяжи, мужичок!-- просится медведь.-- Я уже не хочу быть пегим; пожалуйста, отпусти!" -- "Нет, старый черт! Сам напросился, так тому и быть." Нарубил мужик дров, наклац целый ворох и развел огонь жарко-жарко, да взял топор и положил его прямо на огонь.

Как накалился топор докрасна, мужик вытащил его и давай пезить медведя; только заверещало. Медведь заревел что есть мочи, понатужился, перервал все веревки и вожжи и ударился бежать по лесу без оглядки -- только лес трещит. Рыскал, рыскал медведь по лесу, из силы выбился, хочет лечь -- нельзя; все брюхо и бока выжжены; как заревет, заревет! "Ну, только попадись мне мужик в лапы, уж будет меня помнить!"

На другой день мужикова жена пошла в поле рожь жать и взяла с собою краюшку хлеба да кувшин молока. Пришла на свою полосу, поставила к сторонке кувшин с молоком и стала жать. А мужик думает: "Дай проведаю жену." Запряг лошадь, подъезжает к своей полосе и видит, что во ржи бродит лиса. Подобралась плутовка к кувшину с молоком, кое-как всунула в него свою голову, да назад-то уж никак ее и не вытащит; ходит по жниве да головою мотает и говорит: "Ну, кувшин, пошутил, да и будет!.. Ну, полно же баловать: отпусти меня!.. Кувшинушко! Голубчик! Полно тебе дурачиться, поиграй, да и довольно!.." А сама все головою мота-

¹ Сделать некую

ет. Вот покудова лиса уговаривалась с кувшином, мужик достал полено, подошел да как урежет ее по ногам! Лиса бросилась вдруг в сторону, да головой прямо об камень, и кувшин в мелкие черепки разбила. Видит, что за ней гонится мужик с поленом, лиса как прибавит рыси, -- даром что на трех ногах, а не догонишь и с собаками, -- и скрылась в лесу.

Воротился мужик и стал накладывать на телегу снопы. Откуда ни взялся слепень, сел ему на шею и больно его укусил. Мужик хватился за шею и поймал слепня. "Ну, -- говорит, -- что с тобою мне делать? Да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить." Взял мужик соломину и воткнул ее слепню в зад. "Лети теперь как знаешь!" Бедный слепень полетел и соломину за собой потащил. "Ну, -- думает себе, -- попался я в руки! Отроду этакой ноши я не таскивал!"

Вот летел он, летел, прилетел в лес и совсем уж из сил выбился. Захотелось сесть на дерево отдохнуть, думал повыше подняться, а соломина тянет его книзу. Бился-бился, насили кое-как присел, запыхался и так тяжело начал дышать, что даже дерево зашаталось. А под этим деревом лежал тот самый медведь, которого мужик пестрил. Медведь испугался: отчего так шибко зашаталось дерево? Глянул вверх, а на дереве сидит слепень. Он и закричал ему: "Эй, брат! Родня! Слезай, пожалуйста, долой, а то, пожалуй, ведь ты и дерево повалишь."

Слепень послушался и слетел вниз. Медведь посмотрел на него и спрашивает: "Кто, брат, тебе такую соломину в зад забил?" А слепень посмотрел на медведя и сам спрашивает: "А тебя, брат, кто изуродовал? Вишь, у тебя где шерсть, а в другом месте и кости видать." -- "Ну, брат слепень, это меня мужик обработал." -- "Ну, брат медведь, и мне от мужика досталось."

Смотрят они: лиса на трех ногах скачет. "Кто тебе ногу-то сломал?" -- спрашивает медведь. "Ах, куманек! И сама хорошенько не видала, а некому кроме мужика: он за мной с поленом гнался." -- "Братцы, пойдемте все трое губить му-

жика!" Тотчас все трое собрались и пошли на поле, где мужик убирал снопы. Вот стали они подходить; мужик увидел, испугался и не знает, что ему делать...

7. Вошь и блоха. Записана в Воронежской губернии.

8. Собака и дятел. А. Н. Афанасьев не напечатал начало сказки, сделав примечание: "Начало сказки также известно." Приводим вариант сказки из указанного выше сборника (т. 1, N 66). ...а я полечу разыскивать корму." Собака уселась возле дуба, а дятел полетел. Летал-летал и увидал: идут по дороге бабы с горшочками, несут мужьям в поле обедать; пустился назад к дубу, прилетел и говорит: "Ну, собака, ступай за мною; по дороге идут бабы с горшочками, несут мужьям в поле обедать. Ты становись за кустом, а я окунусь в воду да вываляюсь в песку и стану перед бабами на дороге низко порхать, будто взлететь повыше не могу. Они начнут меня ловить, горшочки свои постаноят наземь. Ну ты поскорее к горшочкам-то бросайся да наедайся досыта."

Собака побежала за дятлом и, как сказано, стала за кустом; а дятел вывалялся весь в песку, и начал перед бабами по дороге перепархивать. "Смотрите-ка,-- говорят бабы,-- дятел-то совсем мокрый, давайте его ловить!" Покинули наземь свои горшки, да за дятлом, а он от них дальше да дальше и улетел. А собака меж тем выбежала из-за куста и все, что было в горшочках, приела и ушла. Воротились бабы, глянули, а горшочки катаются порожние; делать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятел нагнал собаку и спросил: "Ну что, сыта?" -- "Сыта",-- отвечает собака. "Пойдем домой ". Вот дятел летит, а собака бежит; попадаетеся им на дороге лиса. "Лови лису!" --- говорит дятел. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всех сил. Случись на ту пору ехать мужику с бочкою дегтю. Вот лиса кинулась через дорогу, прямо к телеге и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за

нею, да завязла в колесе; тут из нее и дух вон.

"Ну, мужик, -- говорит дятел, -- когда ты задавил мою собаку, то и я причиню тебе великое горе!" Сел на телегу и начал долбить дыру в бочке, стучит себе в самое дно. Только отгонит его мужик от бочки, дятел бросится к лошади, сядет промежду ушей и долбит ее в голову. Сгонит мужик с лошади, а он опять к бочке; таки продолбил в бочке дыру и весь деготь выпустил. А сам говорит: "Еще не то тебе будет", -- и стал долбить у лошади голову. Мужик взял большое полено, засел за телегу, выждал время и как хватит изо всей мочи; только в дятла не попал, а со всего маху ударил лошадь по голове и ушиб ее до смерти. Дятел полетел к мужиковой избе, прилетел и прямо в окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенок сидел на лавке; дятел сел ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не может прогнать, злой дятел все клюет; вот она схватила палку да как ударит: в дятла-то не попала, а ребенка зашибла...

10. Мой жопу. Записана в Малоархангельском уезде (очевидно, Орловской губернии -- Ю. К.).

11. Худо -- не худо. Записана в Малоархангельском уезде (очевидно, Орловской губернии -- Ю. К.).

18. Старческий стих. Текст не является сказкой; это -- сатирическое песнопение.

38. Сказка о том, как поп родил теленка. Записана в Вологодской губернии.

60. Солдат и поп. Записана в Московском уезде.

СЛОВАРЬ

Анбар -- амбар, помещение для хранения зерна, вещей и пр.,
анодысь -- недавно;
армяк -- крестьянская верхняя одежда из толстого сукна;
архимандрит -- высшее духовное звание священника-монаха;
аршин -- русская мера длины, равная 0,711 м.

Бояре -- зд.: члены свадебного поезда, участники поездки жениха за невестой в день свадьбы;
бурлак -- зд.: работник.

Вечерня -- одна из церковных служб у православных христиан

Говеть -- у верующих: поститься и ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию.

Десятина -- русская единица земельной площади, равная 1,09 га ;
дружка -- свадебный чин, распорядитель, организатор свадебного ритуала;
дьякон -- низшее духовное звание, помощник священника при совершении церковной службы,
дьячок -- низший церковный служитель в православной церкви

Заутреня -- одна из церковных служб у христиан, совершаемая рано утром.

Игумен (игуменья) -- настоятель (настоятельница) мужского (женского) монастыря.

Кадило, кадильница -- металлический сосуд для окуривания ладаном при богослужении;
казак -- зд.: работник;
казенка -- неотапливаемая каморка, чулан, отгороженная часть комнаты;
карбованец -- рубль;
квашня -- деревянная или глиняная посуда для закваски теста;
забродившее тесто, опара;
кирасир -- военнослужащий частей тяжелой кавалерии, носивших кирасу в парадной форме;
клирос -- место в церкви для певчих (для церковного хора);

кострика -- отбросы льна и конопли после трепания и чесания,
крылос -- см. клирос.

Ладан -- ароматическая смола, в христианстве применяется при
каждении во время богослужения,
липовки -- из липы; лапти.

Масленица -- старинный славянский языческий праздник проводов
зимы, совершавшийся на восьмой неделе до Пасхи;
молебен -- краткое богослужение (о здравии, благополучии, счастье,
удаче, долголетию и т. п.).

Наймит -- работник;
наземь -- на землю;
неделя святая -- Пасха.

Обедня -- главная церковная служба у христиан, совершаемая утром
или в первую половину дня;
образ -- зд.: икона;
онуча -- обмотка для ноги под сапог или лапоть, портянка
орать -- зд.: пахать.

Пасха -- христианский весенний праздник, посвященный воскресению
Христа;
погост -- сельское кладбище;
поддевка -- старинная длинная верхняя мужская одежда в талию, с
мелкими сборками;
подьячий -- на Руси XVI -- нач. XVIII вв. помощник дьяка, канцелярист,
поезд (свадебный) -- участники поездки со стороны жениха к невесте,
пономарь -- низший церковный служитель в православной церкви,
послушник -- прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом,
пост -- религиозные запреты или ограничения на пищу вообще или
некоторые ее виды;
пост великий -- семинедельный пост перед Пасхой;
причт -- церковнослужители и певчие одного прихода.

Рига -- сарай для сушки снопов и молотьбы;
риза -- парчовое, тканое золотом или серебром одеяние без рукавов,
верхнее церковное облачение священнослужителей в православии и
католицизме;
рядно -- толстый холст кустарного производства;
ряса -- облачение священнослужителей во время богослужений

Святки -- народный праздник встречи Нового года, отмечавшийся с 25
декабря по 7 января по ст. ст.;

ситный (хлеб) -- испеченный из просеянной сквозь сито муки

Чернец -- монах;
четверик -- русская старинная мера сыпучих тел (ржи, например)
равная 26,2 л.

Шесток -- площадка перед устьем русской печи;
шурин -- брат жены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю.Г. Круглов. А. Н. Афанасьев и его сказки заветные.....	5
Предисловие.....	14
1. Лиса и заяц.....	19
2. Воробей и кобыла.....	21
3. Медведь и баба.....	23
4. Волк.....	25
5. Мужик, медведь, лиса и слепень.....	27
6. Кот и лиса.....	28
7. Вошь и блоха.....	29
8. Собака и дятел.....	30
9. Пизда и жопа.....	32
10. Мой жопу.....	33
11. Худо -- не худо.....	34
12. Дурень.....	35
13. Щучья голова.....	36
14. Женитьба дурня.....	40

15. Боязливая невеста..	46
16. Горячий кляп.....	50
17. Прибаутки.....	51
18. Старческий стих.....	53
19. Семейные разговоры.....	54
20. Первое знакомство жениха с невестой.....	56
21. Мужик и барин.....	58
22. Догадливая хозяйка.....	60
23. Нет.....	62
24. Муж на яйцах.....	64
25. Охотник и леший.....	66
26. Мужик и черт.....	68
27. Мужик за бабьей работой.....	70
28. Жена слепого.....	73
29. Тетерев.....	75
30. Архиерейский ответ.....	77
31. Посев хуев.....	79
32. Волшебное кольцо.....	84
33. Раззадоренная барыня.....	91
34. По-собачьи.....	93
35. Две жены.....	95
36. Стыдливая барыня.....	97
37. Добрый отец.....	99
38. Сказка о том, как поп родил теленка	101
39. Поп и западня.....	105
40. Поп, попадья, поповна и батрак.....	106
41. Поросенок.....	109
42. Духовный отец.....	111

43. Поп и мужик.....	112
44. Поп и батрак.....	115
45. Поповская семья и батрак.....	120
46. Чесалка.....	123
47. Загони тепла.....	127
48. Похороны кобеля (или козла).....	130
49. Суд о коровах.....	132
50. Жадной поп.....	136
51. Смех и горе.....	138
52. Чудесная мазь.....	142
53. Чудесная дудка.....	146
54. Пастух.....	149
55. Солдат, мужик и баба.....	152
56. Солдат сам спит, а хуй работает....	154
57. Солдат и хохлушка.....	155
58. Солдат и хохол.....	157
59. Беглый солдат.....	159
60. Солдат и поп.....	160
61. Солдат решетит.....	161
62. Теща и зять-дурень.....	162
63. Болтливая жена.....	163
64. Поп ржет, как жеребец.....	165
65. Хитрая баба.....	170
66. Жидовка.....	173
67. Солдат и черт.....	174
68. Никола Дуплянский.....	175
69. Два брата жениха.....	178
70. Невеста без головы.....	184
71. Бабы увертки.....	189

72. Странные имена.....	194
73. Поп и цыган.....	197
74. Добрый поп.....	200
75. Битье об заклад.....	202
76. Каков я!.....	205
77. Купеческая жена и приказчик.....	209
Примечания А. Н. Афанасьева.....	212
Примечания Ю.Г. Круглова.....	246
Словарь.....	250

Литературно-художественное издание

**РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ
А.Н. АФАНАСЬЕВА**

**Составитель Ю.Г. Круглов
Редактор А.Ю. Константинов**

**Набор и верстка произведены на настольно-издательской системе
ПТП "Дайджест"**

Корректоры В.Н. Третьяков, М.Л. Дихтиевская

**Сдано в набор 10.01.92 г. Подписано к печати 15.02.92 г. Формат
84×108 1/32. Усл. печ. л. 8. Тираж 150 000 экз. Заказ 1372.
Отпечатано в типографии „Спиндулис“, г. Каунас,
ул. Гедимино 10.
Цена договорная.**

**Белорусско-австралийское агентство "Дайджест
220034, Минск, ул. Фрунзе, 5.**

**Текстовые и иллюстрационные фотоформы изготовлены,
обложка ламинирована на материалах фирмы
«Свема» г. Шостка.**

Медведь

увідал
и захо
поб

А ес
у ме
- Гов

если
пр

ухваті
и об
она і
за

МЕДВЕДЬ БАБУ
Тел с ней
роться

и разорвешь
ня чего-нибудь
орит Баба
чего порву То
инксу тебе меду-
отвечает медведь

Бабу
земь
ноги
драла...

Баба

СПОЙМАЛА БАБА ДЯТЛА ДА И
ПРИНЕСЛА ДОМОЙ. А МУЖИК
ЗАХОТЕЛ ЕГО СЪЕСТЬ. ДЯТЕЛ
ВЗЯЛ И ПРИГНУЛ МУЖИКУ В
РОТ И ПРОСКОЧИЛ В ЖОГУ
СТАЛ МУЖИК РАКОМ А БАБА
ВЗЯЛА ПОЛЕНО ДА НЕПОПАЛА
В ДЯТЛА А ОТБИЛА МУЖИКУ
ВСЮ ЖОГУ

